

Содержание

Теоретические исследования

[Исторический поворот Бахтина и его советские предшественники](#)
[Крейг Брэндист \(Шеффилд, Великобритания\)](#) 4

[Bakhtin in Cinema and Adaptation Studies. Part II. Adaptation studies: back to Bakhtin again](#)
[S. Mas Diaz \(Барселона, Испания\)](#) 22

Диалоги

[Два постскрипума к бахтинским сюжетам](#)
[Н.Л. Васильев \(Саранск, Россия\)](#) 26

Из архива

[Лекция М.М. Бахтина по эстетике в записи Г.М. Захаровой \(Березиной\).
Конец 1950-х гг.](#)
[Публикация, вступительная статья и примечания Н.И. Ворониной
\(Саранск, Россия\).](#) 30
[Скачать приложение](#) 39

[Лекции М.М. Бахтина по истории зарубежной литературы в записи М.А.
Бибана. Часть 3](#)
[Публикация, вступительная статья и примечания И.В. Ключевой
\(Саранск, Россия\)](#) 56
[Скачать приложение](#) 66

Материалы для «Бахтинской энциклопедии»

[1. «Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем
литературоведения»](#)
[М.А. Бабушкина, С.А. Дубровская \(Саранск, Россия\)](#) 94

[2. «Против буржуазного либерализма в литературоведении \(По поводу
дискуссии об А. Веселовском\)»](#)
[С.А. Дубровская \(Саранск, Россия\)](#) 100

[3. Самородов Кирилл Тимофеевич](#)
[А.М. Шаронов, Е.А. Шаронова \(Саранск, Россия\)](#) 107

[4. Текст-фантом](#)
[О.О. Осовский \(Саранск, Россия\)](#) 110

Обзоры, рецензии, научная хроника

[Саранское бахтиноведение в 2015–2019 гг. Аннотированный
библиографический указатель.](#) 112

[Научные конференции. Круглые столы](#) 150

Contents

Theoretical research

[Bakhtin's Historical Turn and Its Soviet Antecedents](#)

C. Brandist (Sheffield, UK) 4

[Bakhtin in Cinema and Adaptation Studies. Part II. Adaptation studies: back to Bakhtin again](#)

S. Mas Diaz (Barcelona, Spain) 22

Dialogs

[Two PostScripts for Bakhtin subjects](#)

N.L. Vasilyev (Saransk, Russia) 26

From archives

[M.M. Bakhtin's Lecture on Aesthetics recorded by G.M. Zakharova \(Berezina\). The end of the 1950s.](#)

Publication, introductory article and notes by N.I. Voronina (Saransk, Russia). 30

[Download the app](#) 39

[M.M. Bakhtin's lectures on the history of foreign literature recorded by M.A. Beban. Part 3](#)

Publication, introductory article and notes by I.V. Klyueva (Saransk, Russia) 56

[Download the app](#) 66

Materials for the Bakhtin Encyclopedia

[1. "To Overcome the Lag in Solving Urgent Problems of Literary Criticism"](#)

M.A. Babushkina, S.A. Dubrovskaya (Saransk, Russia) 94

[2. "Against Bourgeois Liberalism in Literary Criticism \(On the Discussion about A. Veselovsky\)"](#)

S.A. Dubrovskaya (Saransk, Russia) 100

[3. Samorodov Kirill Timofeevich](#)

A. M. Sharonov, E.A. Sharonova (Saransk, Russia) 107

[4. Phantom Text](#)

O.O. Osovsky (Saransk, Russia) 110

Reviews, scientific chronicles

[Saransk Bakhtinology in 2015-2019. Annotated bibliographic index.](#) 112

[Scientific conferences. Round tables](#) 150

Исторический поворот Бахтина и его советские предшественники¹

© 2020 К. Брэндиш

Перевод на русский язык А.А. Сычева

*Брэндиш Крейг, доктор философии, профессор,
руководитель Бахтинского центра в Шеффилде.*

E-mail: c.s.brandist@sheffield.ac.uk

Университет Шеффилда. Шеффилд, Великобритания

Аннотация. Автор, базируясь на предыдущих исследованиях и используя неопубликованные архивные материалы Института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), предлагает новое понимание идей Бахтина о стратификации и историческом развитии языка. В фокусе статьи – исследования Бахтина конца 1930-х гг., когда он переключил внимание с языка на специфические образы, семантические группы и сюжетные структуры. Бахтин, сохраняя связь с работой, проводимой в ИЛЯЗВ, также обратился к работам других исследователей – Александра Веселовского (1838–1906) и Израиля Франк-Каменецкого (1880–1937), которые оказали значительное влияние на него, в особенности на его идеи о карнавале как синкретическом зрелище и структурной характеристике литературы, а также на его анализ сюжетных структур и метафор. В статье объясняются идеи, положенные в основу представлений Бахтина о хронотопе и карнавале, и рассматриваются перспективы переосмысления этих понятий в качестве полезных инструментов для будущих исследований.

Ключевые слова: языковая стратификация, семантические кластеры, сюжетные структуры, хронотоп.

В течение нескольких последних лет я работал в российских архивах, изучая исследования в области языка, литературы и теории культуры, которые проводились в наиболее значительных исследовательских институтах в 1920-х гг. Особой ценностью для понимания деятельности Круга Бахтина и ее исторического контекста обладают архивы Института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ, 1925–1930), ранее Института им. А.Н. Веселовского (1921–1925), позже – Государственного института речевой культуры (ГИРК, 1930–1933), в котором с 1925 по 1932 г. работали Павел Медведев и Валентин Волошинов. В предыдущих работах я отмечал в общих чертах, что идеи Бахтина о социальной стратификации языка и его историческом развитии основывались на положениях, разрабатываемых в ИЛЯЗВ, в том числе в работах Льва Якубинского (1892–1945), посвященных развитию национального русского языка в конце 1920-х гг. (Brandist, 2003). Далее я показал, что наиболее значимые работы Волошинова и Медведева, а также поворот самого Бахтина к социологическим и дискурсивным исследованиям были связаны с коллективным проектом развития социологической поэтики в ИЛЯЗВ в конце 1920-х гг. (Brandist, 2006). В этой статье я продолжаю ту же линию анализа, но выхожу за временные пределы 1920-х гг. – к тому времени, когда и Круг, и ИЛЯЗВ уже остались в прошлом. Я покажу, что в работе конца 1930-х гг., когда Бахтин переключил свое внимание с вопросов лингвистики на вопросы исторического развития специфических образов, семантических групп и сюжетных структур, он сохранял тесную связь с работой, которая проводилась в ИЛЯЗВ, но в этот раз на него оказали влияние работы другой группы ученых, в фокусе исследований которых находились именно эти проблемы.

¹ Статья впервые опубликована в журнале: Bakhtiniana: Revista de Estudos do Discurso. Vol. 11, No. 1 São Paulo Jan./Apr. 2016. <https://doi.org/10.1590/2176-457324626>

1. Раннее творчество Бахтина

В ранних работах в области нравственной философии и философской эстетики идеи Бахтина по духу близки к идеям немецких романтиков, которые были реакцией на насилие и террор, последовавшие за поддержанной романтиками Французской революцией, а также ставили перед собой задачу воспитания народа в духе Просвещения. Бахтин писал так же – как «попутчик» русской революции, реагирующий на насилие и террор Гражданской войны и ведущий поиск путей разработки нравственных принципов, подходящих для современной ему ситуации. Ранние романтики отказались как от филистерской ориентации утилитарной этики, так и от одностороннего рационализма этики Канта на том основании, что первая сводится к моральной конвенции в интересах «легкой» жизни, в то время как последняя вынуждает индивида поступать вопреки своим склонностям со- гласно жестким требованиям морального закона (Beiser, 2003, pp. 92–93). К началу XX столетия такая же критика была предложена в еще одном, совершенно ином по характеру источнике: феноменологии Франца Brentano и его последователей², что в 1920-е гг. не могло не привести к непрекращающимся попыткам соединить некоторые идеи романтиков с аналитической строгостью феноменологии. Во фрагменте текста, ныне известном под названием «К философии поступка», Бахтин (2003 [1921–1924]; 1993 [1921–1924]) утверждает, что ни кантианская, ни утилитарная этика не способствуют развитию индивидуальности и достижению свободы, поскольку не только разум, но и сама интуиция нуждаются в совершенствовании. Чувство долга должно выводиться из наших склонностей, а не противостоять им, так что культивирование этих склонностей приобретает особую важность. Философские источники Бахтина – от неокантианцев и философии жизни до феноменологии – определенно отличались от тех, которые вдохновляли романтиков, но отношение Бахтина к этим философским течениям во многом соответствовало отношению романтиков к течениям своего времени.

Романтики подчеркивали роль искусства в моральном образовании человечества (*Bildung*). Некогда влиятельные и привлекательные мифы и таинства религии, которые будили эмоции и возбуждали воображение людей, наряду с церковью подвергались систематической дискредитации интеллектуалами и пропагандистами Просвещения. Но вместе с религией были утеряны и публичные формы морального руководства. Эта утрата проявилась еще острее в России, где право тесно интегрированной с реакционным царистским государством церкви на моральное лидерство к началу XIX столетия мало кем признавалось всерьез. В обоих случаях на центральное место выдвигалась национальная литература, служившая средством поддержания чувства причастности городских интеллектуалов к творческому воображению народа. Так, основатель русской литературной критики Виссарион Белинский (1811–1848) отмечал в 1846 г.: «Но все наши нравственные интересы, вся духовная жизнь наша, сосредоточивалась до сих пор и еще долго будет сосредоточиваться исключительно в литературе: она живой источник, из которого просачиваются в общество все человеческие чувства и понятия...» (Belinsky, 1962, p. 9).

Убеждение в том, что и писатель, и критик имеют моральные обязательства, которое присутствовало у всех интеллектуалов XIX века, трансформировалось в ходе развития модернизма и авангарда, но так никогда и не исчезло ни из самой русской литературы, ни из литературоведческих исследований. Так, в своем эссе о «Войне и мире» Льва Толстого брат Михаила Бахтина Николай одобрительно писал об этом «русском подходе к

² Brentano (1889) находился у истоков направления в этической мысли, представленного работой Макса Шелера (1874–1928) о симпатии, серьезно повлиявшей на Бахтина в 1920-х гг. О долге Бахтина перед Шелером см. работу Пула (Poole, 2001). Пул, впрочем, преувеличивает оригинальность Шелера, упуская из виду инновации, внесенные Brentano.

искусству», фактически воспроизводя подход ранних немецких романтиков. Искусство стремится наполнить наше бытие, повлиять на наши импульсы и самые сокровенные реакции, оформить нашу чувственность, трансформировать и организовать наши взгляды – и, в конечном счете, повлиять на наше поведение; короче говоря, «научить нас, как жить» (Bachtin, 1963, p. 26).

В своем раннем феноменологическом анализе нравственного поступка Михаил Бахтин выделил эстетический момент и пришел к выводу, что искусство играет морально-образовательную роль в культивировании не столько интеллекта, сколько чувств и желаний, развивая таким образом восприимчивость личности. Бахтин вел поиск сущности эстетики, которую он обнаруживал в условном слиянии с Другим перед возвращением на собственную уникальную позицию, с которой можно получить оформление и завершение. В «Авторе и герое в эстетической деятельности» (Bakhtin, 2003 [1924–1927]; 1990 [1924–1927]) эта идея развивается в утверждение, что именно через принятие модальности отношений автора и героя литературное произведение может стимулировать непосредственность мышления, развивать восприятие личности и побуждать ее действовать в согласии с разумом. Этот моральный разум имеет правовой характер, поскольку он учит нас относиться к индивиду только как к носителю прав и обязанностей. Он действует не посредством разумной аргументации, а посредством вдохновения и стимулирования воображения. Литература как вид искусства, который не является чрезмерно доктринальным, который свободен от внешних ограничений и создается в согласии с внутренне присущей ему природой («внутренняя форма» произведения у Гете³), способна помочь в культивировании наших восприятий, рафинировании, облагораживании и сублимации наших желаний и чувств в согласии с требованиями моральной жизни. Но искусство всегда морально, и для того, чтобы оставаться верным внутренне присущей ему природе, автору нужно, тем не менее, принимать на себя авторскую ответственность⁴.

2. Социологическая поэтика

Таким был этический смысл ранних, статичных изысканий Бахтина, касающихся сущности эстетической деятельности. Ситуация серьезно изменилась в середине 1920-х гг., когда два члена так называемого Круга Бахтина – Павел Медведев и Валентин Волошинов занялись проектом разработки новой социологической поэтики в ИЛАЗВ⁵. План книги Волошинова на эту тему (1925–1926 гг.), который я недавно опубликовал, демонстрирует программу проекта на тот период времени, и здесь мы видим не только предполагаемое направление исследований, результатом которых должны были стать «Слово в жизни и слово в поэзии», «Марксизм и философия языка» Волошинова и «Формальный метод в литературоведении» Медведева, но и многие пункты, которые Бахтин намеревался осуществить в 1930-х гг. (Voloshinov, 2008). В частности это касается изучения эволюции жанров поэзии и романа в социологической перспективе и намерения преодоления разрыва между теоретической и исторической поэтикой. «Проблемы творчества Достоевского» (1929) представляют попытку Бахтина перевести ранний феноменологический подход в социологические и дискурсивные понятия по моделям, заданным проектом социологической поэтики, однако исторически ориентированной эта попытка оказалась лишь в нескольких комментариях об архитектонике романа Достоевского, которая рассматривается как результат воздействия капитализма на исторически отсталую

³ Внимание русских литературоведов к идее «внутренней формы» произведения привлек немецкий теоретик литературы Оскар Вальцель (1864–1944), который близко общался как с Виктором Жирмунским, так и с ведущим защитником «социологической поэтики» Павлом Сакулиным (1868–1930) и который посетил Россию в конце 1920-х гг. Эссе Вальцеля по этой проблеме, написанное в 1918 г., в русском переводе появилось в 1928 г. (Вальцель, 1928).

⁴ Ср. с описанием Николаем Бахтиным двух «основных грехов» искусства: дидактизма и декаданса (Bachtin, 1963, pp. 26–27).

⁵ Об этом проекте см.: Brandist, 2008.

социальную структуру русского общества (Бахтин, 1929). Когда исследование разворачивается в полную силу, в нем начинает доминировать старый статичный анализ, так как поиск общей (диа)логики произведений Достоевского и модальности автора и героя утверждается ценой отказа от какого-либо систематического рассмотрения сюжетной структуры, которая трактуется лишь как более или менее произвольно используемое средство порождения intersubjectivного взаимодействия в словесной форме, которое Бахтин называет диалогом. Социологическая переориентация Бахтина позволяет его друзьям облегчить процесс публикации его книги в той же серии монографий ИЛЯЗВ, что и их собственные работы по этой проблематике. У нас нет информации о том, как часто Бахтин посещал исследовательские семинары ИЛЯЗВ. Посещения таких мероприятий не фиксировались, так что подтверждений этому нельзя обнаружить в архивах, но с высокой степенью вероятности можно утверждать, что он знал о том, что там происходило, со слов Волошинова и Медведева и определенно следил за работой, которая там велась, поскольку ее результаты публиковались в институтском журнале «Язык и литература» и многих других изданиях.

3. Александр Веселовский: между позитивизмом и романтизмом

Основные исторические исследования, проводимые в ИЛЯЗВ, стали оказывать влияние на работу Бахтина лишь к концу 1930-х гг., когда проблематика диалога уступила место более историко-ориентированному типу литературной теории, в которой на передний фон выдвигается проблема построения сюжета. Своего пика эта тенденция достигает к 1938 г. – году столетнего юбилея Александра Веселовского (1838–1906), когда советская пресса была наполнена выражениями признательности ученому, именем которого ИЛЯЗВ был изначально назван. Среди юбилейных откликов был и текст научного руководителя Волошинова в ИЛЯЗВ Василия Десницкого (1878–1958), который оплакивал безвременное закрытие ИЛЯЗВ в 1933 г. из-за того, что молодые историки будут лишены литературного обучения в духе Веселовского – в атмосфере понимания интернациональной природы литературы, множественных отношений между национальными литературами и близких отношений между языком и литературой (Десницкий, 1938, с. 71). Исторические исследования литературы в ИЛЯЗВ рассматривались как попытки усовершенствовать подход Веселовского в соответствии с новой социологической программой, в частности с теорией сменяющих друг друга общественных формаций, которая стала активно разрабатываться в советской историографии и социологии⁶.

Веселовский утверждал, что литературные и языковые формы возникают вместе в первобытном синкретизме, который он определял как «сочетание ритмованных, орхестических движений с песней-музыкой и элементами слова» (Веселовский, 2004 [1899], р. 201). Веселовский развивал идеи немецкого романтизма и психологии народов (*Volkerpsychologie*), в особенности поэта-романтика Людвига Уланда (1787–1862), а также использовал идеи о совместной жизни, которые он обнаружил в трудах американского антрополога Льюиса Моргана (1818–1881), русского социолога Максима Ковалевского (1851–1916) и швейцарского юриста и антрополога Иоганна Бахофена (1815–1887). Используя популярный впоследствии тезис, выдвинутый немецким экономистом и музыковедом Карлом Бюхером (1847–1930) в книге «Работа и ритм» (1896), Веселовский утверждал, что появление «песни-игры» отвечало потребности освобождения «накопившейся физической и психической энергии путем ритмически упорядоченных звуков и движений» (Веселовский, 2004 [1899], с. 201)⁷. Эта ритмическая организация хорового пения проявлялась в игре и танце, воплощая то, что Веселовский назвал

⁶ Исчерпывающий обзор проблемы см.: Подоль, 2008.

⁷ Русский перевод книги Бюхера вышел в 1899 г. и был переиздан в 1923 (Бюхер, 1923). О недавних дискуссиях о значении работ Бюхера для сегодняшнего дня см.: Backhaus, 2000; Meyer-Kalkus, 2007.

«психофизическим катарсисом». В это время вербальный элемент был второстепенным и почти лишенным содержания, поскольку доминировали эмоциональные факторы. За этим последовала постепенная дезинтеграция хоровой массы, выделение солиста и развитие диалога между солистом и хором. Так возникает поэзия и одновременно совершенствуется язык, поскольку дифференциация социальных отношений и материальных интересов, повысив содержательную важность слов, потребовала разработки четко определенных словарных значений и сложных форм синтаксиса (Веселовский, 2004 [1899], с. 130–153)⁸.

Если влияние романтизма не вызывает особых споров в бахтинологии⁹ (бахтинская идея карнавала как синкретического зрелища, которое превратилось в структурную черту литературы, почти наверняка восходит к Веселовскому), то о влиянии позитивизма этого сказать нельзя. В СССР считалось хорошим тоном нападать на позитивизм, он воспринимался как нечто вроде особой формы фетишизма, направленной на коллекционирование фактов ради самих фактов и трактующей социальные феномены с позиции вульгарного натуралистического детерминизма. Однако позитивизм был намного сложнее, и его влияние на ту область, которую мы здесь обсуждаем, было гораздо серьезнее, чем это обычно признается. Дореволюционная и ранняя советская мысль буквально пронизана восходящими к Огюсту Конту (1798–1857) представлениями о трех стадиях эволюции в понимании природы и общества – от ранних «фетишистских» объяснений, основанных на нескольких фактах, объединенных теологическими и мистическими причинами, и от метафизических объяснений, где большее количество фактов связывается при помощи персонифицированных абстракций, до выявления позитивных законов, регулирующих явления (Comte, 1973 [1855])¹⁰. Более того, сейчас хорошо известно, что серьезное влияние на Бахтина оказала Марбургская школа неокантианства. Социологи, принадлежащие к конкурирующей Баденской школе неокантианства, постоянно обвиняли марбуржцев в том, что они воспроизводят позитивистские схемы, используя терминологию критического идеализма в ходе «поиска базовой логики для точных и исторических наук» (Rose, 1981, pp. 21–22). Как я показал в другом месте (Brandist, 2000), эти идеи лежат в основании рассуждений Бахтина по поводу монологизма и диалогизма, определяющих, соответственно, каждую из названных областей науки. Отличием от «классического» позитивизма было то, что в Марбургской схеме саму возможность познания эмпирического мира следовало отбросить ради новой метафизики, согласно которой познанный мир является продуктом изначально существующих мыслительных категорий. Таким образом, встречу идей Бахтина с позитивизмом под видом эволюционной теории культуры не так уж сложно представить, и в СССР в 1930-х гг. это предполагало объединение важных элементов, взятых из работ британского философа, социального эволюциониста Герберта Спенсера (1820–1903) и эволюционного антрополога Эдварда Б. Тайлора (1832–1917) – психического единства всех людей и так называемой «доктрины пережитков», согласно которой анализ выживших культурных форм или реликтов прошлого может помочь в реконструкции развития сознания и культуры человечества¹¹.

Веселовский был наиболее известным дореволюционным транслятором в гуманитарную мысль России идей британских позитивистов – социальных антропологов. Это влияние во многом было предопределено тем, что он с непревзойденной тщательностью и широтой использовал сравнительный метод в исследованиях мировой

⁸ См. работу о Веселовском Энгельгардта (Энгельгардт, с. 130–53). Ср. также с дискуссией Герберта Спенсера об изначально единстве ритма в звучании речи и движении, из которой в процессе эволюции образовались различные формы (Spencer, 1867).

⁹ См. например: Tihanov, 1997.

¹⁰ См. также: Schmaus, 1982.

¹¹ Доктрина изначально была предложена в книге Тайлора (Tylor, 1871), которая появилась в русском переводе в следующем году. О развитии этой доктрины и соответствующего метода см.: Hodgen, 1931; Hodgen, 1933; Stocking, 1987, с. 164–179.

литературы, демонстрируя при этом большую эрудицию и тонкость¹². Он старался изучать серии литературных фактов, выявлять последовательные отношения между этими фактами, устанавливать соответствия с регулярными принципами, определять, являются ли эти принципы каузальными, и путем накопления подтверждений приходил к формулировке таких обобщений, которые должны были «подойти к точности закона» (Веселовский, 2004 [1870], с. 47).

Вслед за британским фольклористом Эндрю Лэнгом (1844–1912) Веселовский рассматривал доктрину пережитков Тайлора как основание для выстраивания эволюционной последовательности жанров от мифологии, через фольклор до развитых литературных форм (Stocking, 1995, p. 52)¹³. В этом отношении Веселовский расходился с индоевропеистами, которые ограничивали сравнительный метод изучением народов, чье общее происхождение было возможным, для того чтобы обнаружить общих предков, которые разговаривали на протоязыке и разделяли общую мифологию. Вместо этого он принял на вооружение высказывание Лэнга о том, что «не столько идентичность расы или заимствования идей и форм поведения, сколько схожие условия существования сознания порождают схожие практики» (Lang, 1904 [1884], p. 22). Это положение оказало мощное влияние на лингвистику и теорию литературы после 1917 г. С этой позиции жанры и сюжетные линии должны прослеживаться вглубь истории до тех пор, пока они не станут объектами общей этнографии, теми практиками, которые Веселовский, подобно Тайлору и Лэнгу, считал возникающими в различных местах в результате сходных условий. Имевший некоторое отношение к Кругу Бахтина Борис Энгельгардт (1887–1942), утверждал в своей работе о творчестве Веселовского, что его «элиминация литературных влияний», т.е. диффузии «является необходимой предпосылкой всякого анализа литературных фактов с точки зрения их органичности» (Энгельгардт, 1924, с. 131). Веселовский согласен с Лэнгом, который подчеркивал: «учитывая, что миф есть продукт раннего человеческого воображения, способствующий рудиментарному познанию внешнего мира, исследователи фольклора считают, что расовые различия не могут существенно повлиять на раннюю мифопоэтическую способность» (Lang 1904 [1884], p. 23). Если Лэнг представил наиболее влиятельную и непримиримую оппозицию расовой концепции в индоевропейской филологии в Британии, особенно заостренную против работ филолога и ориенталиста Макса Мюллера (1823–1900), то Веселовский занял такую же позицию в России¹⁴.

4. Семантическая палеонтология

Рецепция творчества Веселовского в ИЛЯЗВ была глубокой и всесторонней, поскольку некоторые из ведущих сотрудников института были его студентами (Виктор Жирмунский (1891–1917), Владимир Шишмарев (1875–1957), Николай Марр (1864/5–1934))¹⁵. Все эти ученые приняли сравнительно-исторический метод, но к концу

¹² См. его характеристику сравнительного метода: Веселовский, 2004 [1870], с. 47. См. также: Энгельгардт, 1924, с. 52–64; Жирмунский, 1938; Жирмунский, 1939.

¹³ См. также: Montenyohl, 1988. На Веселовского особое влияние оказала глава «Метод в фольклоре» книги Ланга (Lang, 1904 [1884], с. 10–28) и его же двухтомник (1899). Об этом см.: Жирмунский, 1938, с. 52–53.

¹⁴ О борьбе между эволюционистами и мифологистами см.: Dorson, 1968.

¹⁵ В конце жизни Бахтин утверждал, что знал Шишмарева и, несомненно, питал к нему глубокое уважение. Об этом см.: у Дувакина (Дувакин, 1996, с. 62–63). Влияние Шишмарева на поздние работы Бахтина никогда не становилось предметом систематических исследований, хотя вопрос о знании Бахтиным работы Шишмарева о Рабле ранее рассматривался (Попова, 2006, с. 98–99). Медведев и Волошинов, несомненно, тесно сотрудничали с Шишмаревым в ИЛЯЗВ в конце 1920-х гг. (РГАЛИ. Ф. 288, оп. 1, д. 39, л. 7 об.; д. 29, л. 92). Медведев считал Жирмунского одним из мыслителей, чья трактовка литературы была наиболее близка к его собственной (Медведев, 1992, с. 92). О сложных взаимоотношениях между идеями Волошинова и Марра см.: Lähteenmäki, Васильев, 2005. Об отношении Бахтина к Марру см.: Бахтин, 1999, с. 89; однако степень знакомства Бахтина с работами самого Марра, а не его последователей, изучавших литературу, остается невыясненной.

десятилетия особенно влиятельной стала версия этого метода, предложенная Марром. Как известно, Марр разработал собственный сравнительный метод для исследований того, что он называл «единым глоттогоническим процессом».

Согласно Марру, все языки развиваются от множественности к единству и стадии этого развития соответствуют определенным стадиям развития коллективного сознания, производительных сил и производственных отношений¹⁶. Основополагающим для размышлений Марра о самой ранней, «диффузной» стадии языка и мысли была идея мифологического мышления, как ее понимал другой мыслитель-позитивист – ученик самого Конта Люсьен Леви-Брюль (1857–1939). В книге «Ментальные функции в примитивных обществах» («*Les Fonctions mentales dans les sociétés inférieures*», 1910) Леви-Брюль утверждал, что ранние формы мышления были безразличны к логическим противоречиям и что вместо этого общественное мышление руководствовалась так называемым «законом партиципации», в котором разделяемые всеми идеи регулируются чувством и телесной активностью¹⁷. На последующем этапе люди освободились от влияния мифологического мышления посредством создания новых форм социальной организации и логических рассуждений, что, в свою очередь, породило характерные формы того, что Эмиль Дюркгейм (1858–1917) назвал «коллективными представлениями». В контексте творчества Марра это влекло за собой появление более адекватных семантических единиц и синтаксических структур из «диффузных» форм первобытных обществ.

Марр ввел эти идеи в рамки эволюционного подхода, сформированного главным образом работами Герберта Спенсера, влияние которого на свое интеллектуальное развитие Марр считал наиболее весомым (Марр, 1935, с. 127)¹⁸. В обширной «Системе философии» Спенсера, особенно в его «Основных началах новой системы философии» (1862 г.) и «Основаниях социологии» (1874–1875 гг.; дополн. в 1876 г., 1885 г.) уже обнаруживаются некоторые положения, которые станут частью более поздних концепций Марра, такие как примитивная «неопределенность» языка раннего периода и его соотношение с формами мышления, которые Леви-Брюль назвал бы характерно «мифологическими», и наличие связи между развитием языка, мышления и эволюцией социальных функций¹⁹. Марр считал, что, связывая эти идеи с доктриной пережитков, исследователь мог подвергнуть языковые явления палеонтологическому анализу, раскрыть более ранние стадии языка и мышления и в конечном счете дойти до имен примордиальных тотемов. Что бы ни говорили о лингвистических изысканиях Марра, нельзя не признать, что развитие его метода шло от эволюционных исследований к семантике мифа и фольклора, поэтому, когда литературоведы начали использовать марровские категории в литературном анализе, они нередко оказывались весьма продуктивными.

Наиболее выдающейся фигурой в процессе этого развития был Израиль Франк-Каменецкий (1880–1937), специалист по древнеегипетской религии и поэтике Библии, который возглавлял группу по изучению мифов и литературных сюжетов в Яфетическом институте (1921–1929, в 1929–1950 гг. – Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра) и

¹⁶ Эта характеристика идей Марра относится к периоду примерно с 1923 г. Имеется большое количество вторичных источников, рассматривающих эти идеи, особенно на русском языке. Среди наиболее надежных и доступных: Thomas, 1957; Алпатов, 2004; Seriot, 2005; Velmezova, 2007.

¹⁷ О том, чем Леви-Брюль был обязан Конту, см.: Schmaus, 1996. Книга Леви-Брюля была переведена на английский (1926) и на русский – с введением Марра (Леви-Брюль, 1930).

¹⁸ К сожалению, целостного анализа влияния Спенсера на Марра проведено не было, хотя имеются некоторые наблюдения, имеющие отношение к этому вопросу. См.: Десницкая, 1951, с. 48–50; Velmezova, 2007, pp. 205–211. В своем автобиографическом наброске Марр упоминает и другое значительное влияние на свое творчество – со стороны книг шотландского реформатора Сэмюэля Смайлса (1812–1904), в которых превозносилась добродетель самопомощи.

¹⁹ См., напр.: Spencer, 1904, vol. 1, pp. 335–341, pp. 354–359, p. 430.

группу по палеонтологии литературных приемов и сюжетов при ИЛЯЗВ. Франк-Каменецкий изучал философию и историю Древнего мира в Германии у Вильгельма Вундта (1832–1920), Карла Бюхера и Эдуарда Мейера (1855–1930), после чего приступил к изучению древнеегипетского, арабского языков и иврита совместно с основателем немецкой критической библеистики Юлиусом Велльгаузенем (1844–1918)²⁰. От Велльгаузена Франк-Каменецкий воспринял бескомпромиссно научный и текстологически чрезвычайно тщательный подход к библейским исследованиям. Этот подход привел Велльгаузена к утверждению, что Тора (Пятикнижие) берет свое начало в четырех изначально независимых текстах, написанных через несколько столетий после их традиционного автора – Моисея, которые были совместно отредактированы²¹. Велльгаузен раскрыл не только монтажную структуру вместо единого текста, но и те слои, которые позже были объединены в религиозную доктрину и эволюционировали от анимизма через многобожие к монотеизму. Это побудило Франк-Каменецкого разработать подход, предполагающий рассмотрение героев библейских историй не как исторических персонажей, а как персонификации и воплощения универсальных космических сил. Это намерение поместить Библию в более широкую перспективу получило поддержку Мейера, который считал, что «универсальные религии», которые «претендуют на то, чтобы быть мировыми религиями», «настолько переплетены в своем развитии... что только общее соображение, которое рассматривает каждую из них с равным уважением, позволяет в полной мере понять их историю» (цит. по: Tenbruch, 1987, р. 244). Для Мейера, как и для Франк-Каменецкого, такое исследование приводит к «теории общих форм человеческой жизни и развития человека» (цит. по: Tenbruch, 1987, р. 245).

Когда Франк-Каменецкий в 1922 г. столкнулся с марризмом, то увидел в нем основу для обобщения критических библейских исследований, которые могли бы привести к общей теории развития религии и повествовательной литературы в целом. Оглядываясь назад, он утверждал, что «теория единого глоттогонического процесса» Марра поставила перед исследователями метафоры и сюжета новую задачу: изучение «проблемы происхождения и трансформации фольклорных мотивов из смены последовательных этапов развития общества и мировоззрения» (ПФА РАН, Ф. 77, оп. 1 (1934), д. 21, л. 64). Одной из самых ранних попыток доказать этот тезис была опубликованная в 1925 г. в журнале марровского Яфетического института статья Франк-Каменецкого, в которой одинаковые сюжетные мотивы были обнаружены в древнеегипетской истории и в грузинской народной сказке (Франк-Каменецкий, 1925). Здесь он систематически исключил возможность того, что он называл «механическим заимствованием», а также выделил общий субстрат мифических концепций, из которых возникли сюжеты. Хотя особенности национальной культуры и должны признаваться, но теперь они должны рассматриваться как результат исторического развития, когда каждая культура «проходит через одни и те же этапы, но в каждом конкретном регионе усложняется специфическими условиями пространства и времени и приобретает полноту посредством взаимодействий и влияний» (Франк-Каменецкий, 1935, с. 113). Осведомленность Франк-Каменецкого в области критических библейских исследований препятствовала излишнему увлечению экстравагантными идеями Марра, нередко выстраивавшего совершенно фантастические экстраполяции на основе интуиции и довольно проницательных наблюдений. Кроме того, сосредоточенность Франк-Каменецкого на повествовательных формах, а не на лексических единицах позволяла ему получить более плодотворный материал для рассмотрения психического единства. Уже в конце 1920-х гг. начали появляться

²⁰ Биографическая информация основана на материалах личного дела Франк-Каменецкого в архиве Института языка и мышления (ПФА РАН, Ф. 77, оп. 5, д. 142II., л. 13–15) и документах, хранящихся в этом же фонде (ПФА РАН, Ф. 77, оп. 1 (1937), л. 22).

²¹ См. особенно: Wellhausen, 1883, английский перевод (1885). Русский перевод был сделан Н.М. Никольским (1877–1959), который, возможно, был основателем библейской критики в России (Велльгаузен, 1909). В числе оценок Велльгаузена см.: Irwin, 1944; Wikgren, 1944; Momigliano, 1982.

вызывающие большой интерес работы, в которых отмечались параллели между сюжетами и метафорами в литературных явлениях, распределенных по всему миру. Кульминацией этого процесса в 1932 г. стал коллективный анализ средневекового романа о Тристане и Изольде, в котором ряд исследователей из ИЛЯЗВ и Института языка и мышления выделили и проанализировали сюжетные и метафорические параллели между феодальным романом и множеством первобытных мифов, фольклором классического мира, Кавказа и Древнего Востока (Март, 1932).

Работа Франк-Каменецкого часто кажется попыткой дать альтернативное объяснение мифотворчества и последующего развития метафор по сравнению с Максом Мюллером. В статье 1929 г. Франк-Каменецкий утверждал, что Мюллер, отметивший тесную связь между языком и мифом, был на правильном пути, но он поменял местами первичные и вторичные факторы, рассматривая миф как болезнь языка и не пытаясь найти истоки языка в категориях мифического мышления²². Мюллер и Эрнст Кассирер (1874–1945) были среди тех теоретиков мифа, чьи работы систематически штудировались «группой по изучению мифов и литературных сюжетов» в Яфетическом институте с января 1926 г.²³ Мысль Франк-Каменецкого тесно связана с позитивистским стадийным нарративом, который определяет подход его предшественников-эволюционистов, таких как Лэнг. Однако, как предполагает вышеупомянутый проект, он был связан с семантикой теснее, чем почти любая теория мифа со времен Мюллера. Для Франк-Каменецкого мифотворчество было прямым результатом восприятия первобытным человеком мира, который разделялся на три сферы: небо, землю и промежуточное пространство между ними. Общие пространственно-временные связи порождают бинарные оппозиции, такие как свет и тьма, верх и низ, лево и право. Это восприятие изначально регулировалось синкретизмом или диффузностью, законом идентичности части и целого, который допускал замену целого и любой его части и способствовал развитию фантастических модусов сознания. Это происходило потому, что вычленение понятий и конкретных характеристик, разделение существующего и несуществующего и само познание различных характеристик было невыполнимой задачей для первобытного человека, который оставался пассивным перед лицом природных сил. Эти способности развивались в связи с процессом организации человеческого труда в соответствии с единым ритмом, что привело к формированию единого, регулируемого потока впечатлений²⁴. Так было обеспечено необходимое условие для разделения и познания явлений внутреннего и внешнего опыта. Дальнейшее выделение явлений происходит вместе с развитием материальной культуры, которую исследователь должен связать с развитием языковых категорий.

В 1929 г. Франк-Каменецкий опубликовал большую статью, в которой он утверждал, что, основываясь на разных материалах, но придерживаясь общей парадигмы развития, яфетическая теория и философия символических форм Эрнста Кассирера согласуются друг с другом в понимании того, как язык и мышление освобождаются от примордиального мифа, в котором они изначально были связаны воедино (Франк-Каменецкий, 1929). В то время как Кассирер, будучи идеалистом, пытался дать полную характеристику мифического мышления, яфетическая теория, по утверждению Франк-Каменецкого, углубилась в анализ лингвистических данных, материальной культуры и конкретных текстов. В последующие годы Франк-Каменецкий, Ольга Фрейденберг (1890–

²² Любопытно, что утверждение о том, что Мюллер и его коллеги поменяли местами первичный и вторичный элементы в своем анализе, был сделан Спенсером (1904, pp. 818–837).

²³ В этой группе были среди прочих Франк-Каменецкий, Иван Мещанинов (1883–1967) и Шишмарев (ПФА РАН. Ф. 77, оп. 1, д. 35, л. 5).

²⁴ Эта идея восходит к трудовой теории происхождения языка Людвигу Нуаре (1829–1889), которую до революции отстаивали Георгий Плеханов (1856–1918) и Александр Богданов (1873–1928) и которая в 1920 г. была с энтузиазмом инкорпорирована в марксизм. Важнейшим текстом является Noiré (1880), переведенный на русский язык как Нуаре (1925). Переведенные отрывки также опубликованы в сборнике: Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас. Роль орудия в развитии человека. 1925. На английском языке см.: Noiré, 1917.

1955) и другие достигли значительных успехов в области литературных исследований, вернув семантическую палеонтологию Марра к ее антропологическим истокам, но теперь уже соотнося стадиальную теорию с отображавшей ход экономического развития теорией общественных формаций, которая стала доминировать в советской социологии и истории. Среди несомненных успехов следует упомянуть большую статью Франк-Каменецкого (Франк-Каменецкий, 1935b) о развитии поэтической метафоры и книгу Фрейденберг «Поэтика сюжета и жанра» (Фрейденберг, 1936), в которой были сделаны важные теоретические выводы для теории нарратива. Мы знаем, что Бахтин был знаком с этим источником²⁵. К этому моменту новая историческая поэтика была воспринята даже бывшим «попутчиком» формалистов Жирмунским, который утверждал, что учение Марра о единстве глоттогонического процесса было «одним из наиболее значительных достижений советской научной мысли» (Жирмунский, 1936, с. 383). Это показывает, что наука о литературе должна быть выше национальной исключительности и постулировать единство литературных процессов. Сравнительный метод, понимаемый не как отдельная методология, а как метод исследования, займет очень важное место в общей истории и в истории искусства. Сравнение должно служить средством установления закономерности литературных явлений, соответствующих определенным этапам общественного развития (Жирмунский, 1936, с. 390)

Методологические выводы заключались в том, что сходство более общего порядка (жанров, стилей, эстетических принципов и идеологических тенденций) могло быть вызвано одинаковыми социально-историческими условиями. В любом случае все влияния являются органическими и социально обусловленными, поскольку для того чтобы особенность стала влиятельной, должен существовать предварительный спрос на идеологический импорт, предсуществование аналогичных тенденций. Все литературные влияния подразумевают более или менее последовательную адаптацию определенной модели к локальным особенностям общественного развития и локальным потребностям соответствующего социального класса в его социальной практике.

Этот краткий обзор развития исторической поэтики в среде ленинградских литературоведов 1920–1930-х гг. дает нам несколько важных указаний о том, как продвигалась работа Бахтина в конце 1930-х гг. и каковы были причины ее отличий от тех идей, которые разрабатывали московские теоретики литературы, например Дьёрдь Лукач (1885–1971)²⁶. Бахтин подошел к развивающейся гегелевско-марксистской теории романа с определенным количеством концептуального багажа, воспринятого не только из немецкой философии и теории литературы, но и из литературной теории ученых Ленинграда. Именно эта конвергенция породила работы о хронотопе (1975 [1981]; 1981 [1938]), Рабле (1965; 1984 [1965]), эпосе и романе (1975 [1940]; 1981 [1940]). Фактически Бахтин применяет методы анализа сюжетных структур и метафор, которые до сих пор прилагались к мифам, фольклору и древней литературе (в том числе к древнегреческому роману в работе Фрейденберг 1930 г.), к современному европейскому роману, выявляя структурные явления, которые выходят за границы национальных литератур и проявляются в разное время в определенных формах, соответствующих особенностям тех же или, по меньшей мере, аналогичных общественных формаций. Таким образом, у Данте и Достоевского представлены аналогичные пространственно-временные структуры, порождающие те же бинарные противоположности пространства и времени, которые оформляются в таких хронотопах, как дорога, порог, лестница и т.д. и которые в различных точках структурируют сюжеты на протяжении всей истории повествовательной литературы.

Таким образом, в этом направлении развития советской мысли мы находим мало обсуждаемые и недостаточно оцененные тенденции, которые способствовали синтезу,

²⁵ О Бахтине и Фрейденберг см.: Moss, 1984, pp. 150–191; Осовский, 2000; Perlina, 2002, pp. 249–262.

²⁶ См. прежде всего: Tihanov, 2000.

представленному в творчестве Бахтина²⁷. Нарратив о постепенном освобождении от мифического мышления и о движении к науке, обозначенном качественными преобразованиями, является специфически позитивистским нарративом, исправленным, обогащенным и переработанным в соответствии с определенной тенденцией в советской мысли о месте литературы в процессе «становления» культуры. И в то же время творчество Бахтина сохраняет связь с романтизмом в том смысле, что для него мы не только постепенно освобождаемся от мифа, но и приходим к идее, что сам миф можно использовать в деле просвещения. Романтики утверждали, что первобытный человек находился в гармонии с собой, природой и другими, но эта первичная гармония была естественной и не зависела от собственных усилий человека. Те же представления о мифологическом единстве пронизывают культурную теорию марризма. В романтической схеме эта гармония была разрушена цивилизацией, когда человек оказался отчужденным от других в результате соперничества в гражданском обществе и разделен внутри себя в результате разделения труда. Человек был отчужден от природы после того, как наука демистифицировала ее, превратив в объект, над которым нужно доминировать. В схеме марризма это разрушение социального и идеологического единства связано с появлением определенных форм экономики, лежащих в основе общественных формаций. Как для романтиков, так и для марристов задача современного человека – воссоздать на сознательном, рациональном уровне то единство, которое когда-то было дано человеку и природе на наивном, интуитивном уровне. Теперь же, полагает Бахтин, периодический пересмотр первичных семантических групп и мифологического единства в романе может вдохновить на создание самосознающего и рационального единства.

Однако в позиции Бахтина отсутствуют какие-либо предположения о том, что порождает новые контексты, выходящие за рамки литературного произведения, и о том, как культурные формы встраиваются в жизнь, хотя и не сводятся к другим, социальным и в конечном итоге природным структурам. Действительно, такой анализ априори исключается из-за приверженности Бахтина принципам неокантианства, которые требуют, чтобы культурные формы рассматривались как явления *sui generis*. Вместо анализа сложных, многогранных и динамичных отношений между литературными и более широкими социальными формами, опосредованными, в частности, институциональными формами, в которых производится и воспринимается литература, у нас есть только жесты в сторону поверхностных соответствий, например, между жесткой иерархией монархического государства и синхронной архитектоникой романа Достоевского. Чего у Бахтина не хватает, так это экономики, ощущения того, что форма производства, которая преобладает в обществе, представляет собой «общее освещение, в сферу действия которого попали все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях» (Магх, 1973, р. 107). Таким образом, Бахтин опирался на работы таких ученых, как Франк-Каменецкий, чье творчество предполагало неразрывную увязку ранних форм словесной и материальной культуры, но затем он отделил подобные наблюдения от их корней в материалистической антропологии²⁸. Это позволило ему использовать некоторые категории для анализа современной эпохи, однако на столь абстрактном уровне, что такие понятия, как карнавал и хронотоп потеряли большую часть своей критической силы,

²⁷ Возможно, точнее было бы видеть работу Бахтина как колебания между успешным синтезом ранее существовавших интеллектуальных тенденций и интригующим синкретом, в котором обнаруживается несовместимость таких тенденций.

²⁸ Франк-Каменецкий с Фрейденберг и другими в Институте языка и мышления разработал исследовательскую программу, чтобы создать отдельную область, называемую «десмотика» (*desmotika*, от греческого *desmo*, что означает «связь» или «цепь»), которая бы выявила связь между речью и материальной культурой как ее объектом (ПФА РАН. Ф. 853, оп. 1, д. 86, л. 16–17). Одним из немногих опубликованных результатов этого проекта является труд Франк-Каменецкого (1935с), но можно с уверенностью считать и работу Мегрелидзе (2007 [1938]) выражением той же тенденции.

поскольку были открыты для абсолютно произвольной трактовки. Эти категории должны быть пересмотрены и терминологически ограничены, чтобы стать мощным аналитическим инструментом. Но также необходимо признать, что их переосмысление применительно к анализу культурных явлений современности требует тщательного рассмотрения институциональных форм, посредством которых они производятся и принимаются. Это требует от нас понимания тех предположений, на которых основывались бахтинские категории, и если мы хотим использовать их в работе с современными культурными явлениями, мы должны выйти за их пределы, пересматривать и развивать их в соответствии с социальными и экономическими предпосылками этих явлений.

Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: УРСС, 2004.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003 [1923–1927]. С. 69–263.

Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собрание сочинений. М.: Языки славянской культуры, 2003 [1921–1924]. Т. 1. С. 7–68.

Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы. (В записи В.А. Мирской). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999.

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975 [1938]. С. 234–407.

Бахтин М.М. Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975 [1940]. С. 447–483.

Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996.

Бюхер К. Работа и ритм. М.: Новая Москва, 1923.

Вальцель О. Художественная форма в произведениях Гете и немецких романтиков // Проблема литературной формы. Л.: Academia, 1928. С. 105–134.

Вельгаузен Ю. Введение в историю Израиля. СПб.: Пирамида, 1909.

Веселовский А. О методе и задачах истории литературы как науки // Историческая поэтика. М.: УРСС, 2004 [1870]. С. 41–52.

Веселовский А. Три главы из исторической поэтики // Историческая поэтика. М.: УРСС, 2004 [1899]. С. 200–382.

Десницкая А. Об антимарксистской теории происхождения языка // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 26–59.

Десницкий В. А.Н. Веселовский в русском литературоведении // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1938. № 4. С. 67–84.

Жирмунский В.М. Историческая поэтика А.Н. Веселовского // Известия Академии наук СССР: Отделение общественных наук. 1938. № 4. С. 43–65.

Жирмунский В.М. Историческая поэтика А.Н. Веселовского и ее источники // Ученые записки ЛГУ. 1939. Вып. 45. С. 3–19.

Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний // Известия Академии наук СССР: Отделение общественных наук. 1936. № 3. С. 383–403.

Капп Э., Кунов Г., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л.: Прибой, 1925.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930.

Марр Н.Я. (ред.). Тристан и Изольда. Л.: Изд-во АН СССР, 1932.

Марр Н.Я. Автобиография // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3–4. С. 126–30.

Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. М.: УРСС, 2007 [1938].

Медведев Ю.П. Нас было много на челне // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 89–108.

Нуаре Л. Орудие труда и его значение в истории человечества. Киев: Госиздат, 1925.

Осовский О. «Из советских работ большую ценность имеет книга О. Фрейденберг»: бахтинские маргиналии на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // Бахтинский сборник. Саранск: Мордов. пед. ин-т, 2000. Вып. IV. С. 128–34.

Подоль Р.Я. Теория исторического процесса в русской историософии первой трети XX

века. М.: Наука, 2008.

Попова И. «Лексический карнавал» Франсуа Рабле: книга М.М. Бахтина и франко-немецкие методологические споры 1910–1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. Вып. 79. С. 86–100.

ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

Франк-Каменецкий И.Г. Академик Н.Я. Марр // Фронт науки и техники. 1935. № 1. С. 109–145.

Франк-Каменецкий И.Г. Грузинская параллель к древнеегипетской повести «О двух братьях» // Яфетический сборник. 1925. IV. С. 39–71.

Франк-Каменецкий И.Г. К вопросу о развитии поэтической метафоры // Советское языкознание. 1935. № 1. С. 5–145.

Франк-Каменецкий И.Г. К космической семантике «камня» и «металла» // Академия наук академику Н.Я. Марру. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1935. С. 573–582.

Франк-Каменецкий И.Г. Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии // Язык и литература. 1929. № 3. С. 70–155.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л: Гослитиздат, 1936.

Фрейденберг О. М. Евангелие – один из видов греческого романа // Атеист. 1930. Вып. 59. С. 371–384.

Энгельгардт Б.М. Александр Николаевич Веселовский. Пг.: Колос, 1924.

Bakhtin N. Tolstoy's War and Peace. In Lectures and Essays. Birmingham: University of Birmingham, 1963. Pp. 23–33.

Backhaus J. (ed.). Karl Bücher: Theory-History-Anthropology-Non Market Economies. Marburg: Metropolis, 2000.

Bakhtin M.M. Author and Hero in Aesthetic Activity. In: Bakhtin M.M. Art and Answerability: Early Philosophical Essays. Translated by Vadim Liapunov. Edited by Michael Holquist and Vadim Liapunov. Austin, TX: Univ. of Texas Press, 1990 [1924–1927]. Pp. 4–256.

Bakhtin M.M. Epic and Novel: Toward a Methodology for the Study of the Novel. In Bakhtin M. The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin. Ed. by Michael Holquist; translated by Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin: Univ. of Texas Press, 1981 [1940]. Pp. 3–40.

Bakhtin M.M. Forms of Time and of the Chronotope in the Novel. In: Bakhtin M.M. The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin. Ed. by Michael Holquist; transl. by Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin: University of Texas Press, 1981 [1938]. Pp. 84–258.

Bakhtin M.M. Rabelais and his World. Transl. by Helene Iswolsky. Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1968 [1965].

Bakhtin M.M. Toward a Philosophy of the Act. Transl. and notes by Vadim Liapunov. Austin, TX: Univ. of Texas Press, 1993 [1921–1924].

Beiser F.C. The Romantic Imperative: The Concept of Early German Romanticism. Cambridge Mass.: Harvard Univ. Press, 2003.

Belinsky V. Thoughts and Notes on Russian Literature. In R.E. Matlaw, ed., Belinsky, Chernyshevsky and Dobrolyubov: Selected Criticism. New York: Dutton. 1962. Pp. 3–32.

Brandist C. Mikhail Bakhtin and Early Soviet Sociolinguistics. In Proceedings of the Eleventh International Bakhtin Conference. Universidade Federal do Paraná: Curitiba (Brazil). 2003. Pp. 145–153. Available at: <http://eprints.whiterose.ac.uk/archive/00001115/>

Brandist C. The Bakhtin Circle and Research on Language and Literature in Leningrad Institutions: the view from the archives. Proceedings of the XII International Bakhtin Conference, Jyväskylä, 2006a. Pp. 144–156. Available at: <http://eprints.whiterose.ac.uk/2134/>

Brandist C. Neo-Kantianism in Cultural Theory: Bakhtin, Derrida and Foucault, Radical Philosophy, 2000. Pp. 102: 6–16.

Brandist C. The Place of ILIaZV in the Development of the Ideas of the Bakhtin Circle. In Vasilii Shchukin, ed. Bakhtin, Evropa, vek dvadtsatyi. Sbornik statei, Cracow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2006b. Pp. 73–84.

Brentano F. Vom Ursprung sittlicher Erkenntnis. Leipzig: Duncker and Humblot, 1889.

Comte A. The Positive Philosophy. New York: AMS, 1973 [1855].

Dorson R.M. The British Folklorists: A History. London: Routledge and Kegan Paul, 1968.

Hodgen M.T. Survivals and Social Origins: The Pioneers. American Journal of Sociology. 38(4):

583–594, 1933.

Hodgen M.T. The Doctrine of Survivals: The History of an Idea, *American Anthropologist*, 33(3): 307–324, 1931.

Irwin W.A. The Significance of Julius Wellhausen. *Journal of Bible and Religion*, 12 (3): 160–173, 1944.

Lähteenmäki M., Васильев Н. Перцепция «Нового учения о языке» Н.Я. Марра в работах В.Н. Волошинова: искренность или конъюнктура // *Russian Linguistics* 29 (1): 71–94, 2005.

Lang A. Custom and Myth. London: Longmans, Green and Co, 1904 [1884].

Lang A. Myth, Ritual and Religion. London: Longman, Green and Co, 1899.

Lévy-Bruhl L. How Natives Think. London: Allen and Unwin, 1926.

Marx K. Grundrisse: Introduction to the Critique of Political Economy. Harmondsworth: Penguin, 1973.

Meyer-Kalkus R. Work, Rhythm, Dance: Prerequisites for a Kinaesthetics of Media and Arts. In John Michael Krois et al. (eds.). *Embodiment in Cognition and Culture*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2007. Pp. 165–182.

Momigliano A. Religious History Without Frontiers: J. Wellhausen, U. Wilamowitz, and E. Schwartz. *History and Theory*, 21(4): 49–64, 1982.

Montenyohl E.L. Andrew Lang's Contributions to English Folk Narrative Scholarship: A Reevaluation. *Western Folklore* 47(4): 269–284, 1988.

Moss K. Olga Mikhailovna Freidenberg: Soviet Mythologist in a Soviet Context. Unpublished PhD Dissertation: Cornell University, 1984.

Noiré L. Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Mainz: Diemer, 1880.

Noiré L. The Origin and Philosophy of Language. Chicago and London: Open Court. 1917.

Perlina N. Ol'ga Freidenberg's Works and Days. Bloomington: Slavica, 2002.

Poole B. From Phenomenology to Dialogue: Max Scheler's Phenomenological Tradition and Mikhail Bakhtin's Development From Towards a Philosophy of the Act to His Study of Dostoevsky. In: Hirschkop, K. and Shepherd, D. (eds.). *Bakhtin and Cultural Theory*. (2nd edition) Manchester: Manchester University Press, 2001. Pp. 9–35.

Rose G. Hegel Contra Sociology. London: Athlone, 1981.

Schmaus W. A Reappraisal of Comte's Three-State Law. *History and Theory*, 21(2), 248–266, 1982.

Schmaus W. Levy-Bruhl, Durkheim, and the Positivist Roots of the Sociology of Knowledge. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 32(4): 424–440, 1996.

Seriot P. (ed.) Un paradigme perdu: la linguistique marriste (Cahiers de l'ISL, 20). 2005.

Spencer H. First Principles. (Second edition). London: Williams and Norgate, 1867.

Spencer H. Principles of Sociology. (Third edition). London: Williams and Norgate, 1904.

Stocking G.W. After Tylor: British Social Anthropology 1888–1951. London: Athelone, 1995.

Stocking G.W. Victorian Anthropology. New York: Free Press, 1987.

Tenbruch F.H. Max Weber and Eduard Meyer. In W. J. Mommsen and J. Osterhammel (eds.). *Max Weber and His Contemporaries*. London: Unwin Hyman, 234–267, 1987.

Thomas L. The Linguistic Theories of N. Ja. Marr. Berkeley: Univ. of California Press, 1957.

Tihanov G. Bakhtin, Lukács and German Romanticism: The Case of Epic and Irony. In ADLAM, C. et al. eds. *Face to Face: Bakhtin in Russia and the West*. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1997. Pp. 273–298.

Tihanov G. The Master and the Slave: Lukács, Bakhtin, and the Ideas of Their Time. Oxford: Clarendon Press, 2000.

Tylor E. Primitive Culture. London: J. Murray, 1871.

Velmezova E. Les lois du sens: la sémantique marriste. Bern et al: Peter Lang, 2007.

Voloshinov V.N. An Essay in Sociological Poetics, *Russian Literature*, LXIII–2–4, 190–195, 2008.

Wellhausen J. Prolegomena to the History of Israel, with a Reprint of the Article "Israel" from the *Encyclopaedia Britannica*. Edinburgh: Adam and Charles Black, 1885.

Wellhausen J. Prolegomena zur Geschichte Israels. Berlin, 1883.

Wikgren A. Wellhausen on the Synoptic Gospels: A Centenary Appraisal. *Journal of Bible and Religion*, 12(3): 174–180, 1944.

Bakhtin's Historical Turn and Its Soviet Antecedents

© 2020 C. Brandist

Translated into Russian by A.A. Sychev

Brandist Craig, Ph.D., professor Head of Sheffield's Bakhtin Centre.

E-mail: c.s.brandist@sheffield.ac.uk

University of Sheffield Sheffield, Great Britain

Abstract. Based on previous work, the article provides a new understanding of Bakhtin's ideas on the stratification and historical development of language, drawing on unpublished archival materials of the Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILIAZV). It focuses on Bakhtin's work from the late 1930s, when he shifts his attention from language to the historical development of specific images, semantic clusters, and plot structures. Bakhtin still maintained close connections with the work carried out at ILIAZV, but drew upon the work of different scholars, Aleksandr Veselovskii (1838–1906) and Izrail' Frank-Kamenetskii (1880–1937), who become important influences on Bakhtin, especially on his idea of carnival as syncretic pageantry as a structuring feature of literature and on his analysis of plot structures and metaphors. The article provides insight into the assumptions behind Bakhtin's notions of the chronotope and carnival and the prospect of re-grounding these notions, so that they become useful tools for future research.

Keywords: language stratification; semantic clusters; plot structures; chronotope; carnival.

Alpatov V.M. Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm. M.: URSS, 2004.

Bakhtin M.M. Avtor i geroj v estetičeskoj deyatelnosti // Bakhtin M.M. Sobranie sočinenij. T. 1. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003 [1923–1927]. S. 69–263.

Bakhtin M.M. K filosofii postupka // Bakhtin M.M. Sobranie sočinenij. T. 1. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003 [1921–1924]. S. 7–68.

Bakhtin M.M. Lekcii po istorii zarubezhnoj literatury. (V zapisi V.A. Mirskoj). Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1999.

Bakhtin M.M. Problemy tvorčestva Dostoevskogo. Leningrad: Priboj, 1929.

Bakhtin M.M. Tvorčestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1965.

Bakhtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane // Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975 [1938]. S. 234–407.

Bakhtin M.M. Epos i roman // Voprosy literatury i estetiki. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975 [1940]. S. 447–483.

Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym. M.: Progress, 1996.

Byuher K. Rabota i ritm. M.: Novaya Moskva, 1923.

Val'cel' O. Khudozhestvennaya forma v proizvedeniyah Gete i nemeckih romantikov // Problema literaturnoj formy. L.: Academia, 1928. S. 105–134.

Vell'gauzen Yu. Vvedenie v istoriyu Izrail'ya. SPb.: Piramida, 1909.

Veselovskij A. O metode i zadachah istorii literatury kak nauki // Istoricheskaya poetika. M.: URSS, 2004 [1870]. S. 41–52.

Veselovskij A. Tri glavy iz istoricheskoy poetiki // Istoricheskaya poetika. M.: URSS, 2004 [1899]. S. 200–382.

Desnickaya A. Ob antimarksistskoj teorii proiznosheniya yazyka // Protiv vul'garizacii i izvrashčeniya marksizma v yazykoznanii. T. 1. M.: Izd-vo AN SSSR, 1951. S. 26–59.

Desnickij V. A.N. Veselovskij v russkom literaturovedenii // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie obščestvennyh nauk. 1938. № 4. S. 67–84.

Zhirmunskij V.M. Istoricheskaya poetika A.N. Veselovskogo // Izvestiya Akademii nauk SSSR: Otdelenie obščestvennyh nauk. 1938. № 4. S. 43–65.

Zhirmunskij V.M. Istoricheskaya poetika A.N. Veselovskogo i ee istočniki // Uchenye zapiski LGU. 1939. Vyp. 45. S. 3–19.

- Zhirumskij V.M.* Sravnitel'noe literaturovedenie i problema literaturnyh vliyanij // *Izvestiya Akademii nauk SSSR: Otdelenie obshchestvennyh nauk* 1936. № 3. S. 383–403.
- Kapp E., Kunov G., Nuare L., Espinas A.* Rol' orudiya v razvitii cheloveka. L.: Priboj, 1925.
- Levi-Bryul' L.* Pervobytnoe myshlenie. M.: Ateist, 1930.
- Marr N.Ya.* (red.). *Tristan i Izol'da*. L.: Izd-vo AN SSSR, 1932.
- Marr N.Ya.* Avtobiografiya N.Ya. Marra // *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*. 1935. № 3–4. S. 126–30.
- Megrelidze K.R.* Osnovnye problemy sociologii myshleniya. M.: URSS, 2007 [1938].
- Medvedev Yu.P.* Nas bylo mnogo na chelne // *Dialog. Karnaval. Hronotop*. 1992. № 1. S. 89–108.
- Nuare L.* Orudie truda i ego znachenie v istorii chelovechestva. Kiev: Gosizdat, 1925.
- Osovskij O.* «Iz sovetskih rabot bol'shuyu cennost' imeet kniga O. Frejdenberg»: bahtinskie marginalii na stranicah «Poetiki syuzheta i zhanra» // *Bakhtinskij sbornik*. Vyp. IV, Saransk: Mordov. ped. int-t, 2000. S. 128–34.
- Podol' R.Ya.* Teoriya istoricheskogo processa v russkoj istoriosofii pervoj treti XX veka. M.: Nauka, 2008.
- Popova I.* “Leksicheskij karnaval” Fransua Rable: kniga M.M. Bakhtina i franko-nemeckie metodologicheskie spory 1910–1920-h godov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. Vyp. 79. S. 86–100.
- PFA RAN – Sankt-Peterburgskij filial Arhiva Rossijskoj Akademii nauk.
- RGALI – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva.
- Frank-Kameneckij I.G.* Akademik N.Ya. Marr // *Front nauki i tekhniki*. 1935. № 1. S. 109–145.
- Frank-Kameneckij I.G.* Gruzinskaya parallel' k drevneegipetskoj povesti «O dvuh brat'yah» // *Yafeticheskij sbornik*. IV. 1925. S. 39–71.
- Frank-Kameneckij I.G.* K voprosu o razvitii poeticheskoy metafory // *Sovetskoe yazykoznanie*. 1935. № 1. S. 5–145.
- Frank-Kameneckij I.G.* K kosmicheskoy semantike «kamnya» i «metalla» // *Akademiya nauk akademiku N.Ya. Marru*. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1935. S. 573–582.
- Frank-Kameneckij I.G.* Pervobytnoe myshlenie v svete yafeticheskoy teorii i filosofii // *Yazyk i literatura*. 1929. № 3. S. 70–155.
- Frejdenberg O.M.* Poetika syuzheta i zhanra. Period antichnoj literatury. L.: Goslitizdat, 1936.
- Frejdenberg O. M.* Evangelie – odin iz vidov grecheskogo romana // *Ateist*. 1930. Vyp. 59. S. 371–384.
- Engel'gardt B.M.* Aleksandr Nikolaevich Veselovskij. Petrograd: Kolos, 1924.
- Bachtin N.* Tolstoy's War and Peace. In *Lectures and Essays*. Birmingham: University of Birmingham, 1963. Pp. 23–33.
- Backhaus J.* (ed.). *Karl Bücher: Theory-History-Anthropology-Non Market Economies*. Marburg: Metropolis, 2000.
- Bakhtin M.M.* Author and Hero in Aesthetic Activity. In: *Bakhtin M.M. Art and Answerability: Early Philosophical Essays*. Translated by Vadim Liapunov. Edited by Michael Holquist and Vadim Liapunov. Austin, TX: Univ. of Texas Press, 1990 [1924–1927]. Pp. 4–256.
- Bakhtin M.M.* Epic and Novel: Toward a Methodology for the Study of the Novel. In *Bakhtin M. The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin*. Ed. by Michael Holquist; translated by Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin: Univ. of Texas Press, 1981 [1940]. Pp. 3–40.
- Bakhtin M.M.* Forms of Time and of the Chronotope in the Novel. In: *Bakhtin M.M. The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin*. Ed. by Michael Holquist; transl. by Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin: University of Texas Press, 1981 [1938]. Pp. 84–258.
- Bakhtin M.M.* Rabelais and his World. Transl. by Helene Iswolsky. Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1968 [1965].
- Bakhtin M.M.* Toward a Philosophy of the Act. Transl. and notes by Vadim Liapunov. Austin, TX: Univ. of Texas Press, 1993 [1921–1924].
- Beiser F.C.* The Romantic Imperative: The Concept of Early German Romanticism. Cambridge Mass.: Harvard Univ. Press, 2003.
- Belinsky V.* Thoughts and Notes on Russian Literature. In R.E. Matlaw, ed., *Belinsky, Chernyshevsky and Dobrolyubov: Selected Criticism*. New York: Dutton, 1962. Pp. 3–32.
- Brandist C.* Mikhail Bakhtin and Early Soviet Sociolinguistics. In *Proceedings of the Eleventh International Bakhtin Conference*. Universidade Federal do Paraná: Curitiba (Brazil), 2003. Pp. 145–153. Available at: <http://eprints.whiterose.ac.uk/archive/00001115/>

- Brandist C.* The Bakhtin Circle and Research on Language and Literature in Leningrad Institutions: the view from the archives. Proceedings of the XII International Bakhtin Conference, Jyvaskyla, 2006a. Pp. 144–56. Available at: <http://eprints.whiterose.ac.uk/2134/>
- Brandist C.* Neo-Kantianism in Cultural Theory: Bakhtin, Derrida and Foucault, Radical Philosophy, 2000. Pp. 102: 6–16.
- Brandist C.* The Place of ILIaZV in the Development of the Ideas of the Bakhtin Circle. In Vasilii Shchukin, ed. Bakhtin, Evropa, vek dvadtsaty. Sbornik statei, Cracow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2006b. Pp. 73–84.
- Brentano F.* Vom Ursprung sittlicher Erkenntnis. Leipzig: Duncker and Humblot, 1889.
- Comte A.* The Positive Philosophy. New York: AMS, 1973 [1855].
- Dorson R.M.* The British Folklorists: A History. London: Routledge and Kegan Paul, 1968.
- Hodgen M.T.* Survivals and Social Origins: The Pioneers. American Journal of Sociology. 38(4): 583–94, 1933.
- Hodgen M.T.* The Doctrine of Survivals: The History of an Idea, American Anthropologist, 33(3): 307–324, 1931.
- Irwin W.A.* The Significance of Julius Wellhausen. Journal of Bible and Religion, 12 (3):160–173, 1944.
- Lähteenmäki M., Vasil'ev N.* Percepcija «Novogo ucheniya o yazyke» N.Ya. Marra v rabotah V.N. Voloshinova: iskrennost' ili kon'yunktura // Russian Linguistics 29 (1): 71–94, 2005.
- Lang A.* Custom and Myth. London: Longmans, Green and Co, 1904 [1884].
- Lang A.* Myth, Ritual and Religion. London: Longman, Green and Co, 1899.
- Lévy-Bruhl L.* How Natives Think. London: Allen and Unwin, 1926.
- Marx K.* Grundrisse: Introduction to the Critique of Political Economy. Harmondsworth: Penguin, 1973.
- Meyer-Kalkus R.* Work, Rhythm, Dance: Prerequisites for a Kinaesthetics of Media and Arts. In John Michael Krois et al. (eds.). Embodiment in Cognition and Culture. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2007. Pp. 165–82.
- Momigliano A.* Religious History Without Frontiers: J. Wellhausen, U. Wilamowitz, and E. Schwartz. History and Theory, 21(4): 49–64, 1982.
- Montenyohl E.L.* Andrew Lang's Contributions to English Folk Narrative Scholarship: A Reevaluation. Western Folklore 47(4): 269–284, 1988.
- Moss K.* Olga Mikhailovna Freidenberg: Soviet Mythologist in a Soviet Context. Unpublished PhD Dissertation: Cornell University, 1984.
- Noiré L.* Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Mainz: Diemer, 1880.
- Noiré L.* The Origin and Philosophy of Language. Chicago and London: Open Court. 1917.
- Perlina N.* Ol'ga Freidenberg's Works and Days. Bloomington: Slavica, 2002.
- Poole B.* From Phenomenology to Dialogue: Max Scheler's Phenomenological Tradition and Mikhail Bakhtin's Development From Towards a Philosophy of the Act to His Study of Dostoevsky. In: Hirschkop, K. and Shepherd, D. (eds.). Bakhtin and Cultural Theory. (2nd edition) Manchester: Manchester University Press, 2001. Pp. 9–35.
- Rose G.* Hegel Contra Sociology. London: Athlone, 1981.
- Schmaus W.* A Reappraisal of Comte's Three-State Law. History and Theory, 21(2), 248–266, 1982.
- Schmaus W.* Levy-Bruhl, Durkheim, and the Positivist Roots of the Sociology of Knowledge. Journal of the History of the Behavioral Sciences, 32(4): 424–440, 1996.
- Seriot P.* (ed.) Un paradigme perdu: la linguistique marriste (Cahiers de l'ISL, 20). 2005.
- Spencer H.* First Principles. (Second edition). London: Williams and Norgate, 1867.
- Spencer H.* Principles of Sociology. (Third edition). London: Williams and Norgate, 1904.
- Stocking G.W.* After Tylor: British Social Anthropology 1888–1951. London: Athelone, 1995.
- Stocking G.W.* Victorian Anthropology. New York: Free Press, 1987.
- Tenbruch F.H.* Max Weber and Eduard Meyer. In W. J. Mommsen and J. Osterhammel (eds.). Max Weber and His Contemporaries. London: Unwin Hyman, 234–267, 1987.
- Thomas L.* The Linguistic Theories of N. Ja. Marr. Berkeley: Univ. of California Press, 1957.
- Tihanov G.* Bakhtin, Lukács and German Romanticism: The Case of Epic and Irony. In AD-LAM, C. et al. eds. Face to Face: Bakhtin in Russia and the West. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1997. Pp. 273–298.

- Tihanov G.* The Master and the Slave: Lukács, Bakhtin, and the Ideas of Their Time. Oxford: Clarendon Press, 2000.
- Tylor E.* Primitive Culture. London: J. Murray, 1871.
- Velmezova E.* Les lois du sens: la sémantique marriste. Bern et al: Peter Lang, 2007.
- Voloshinov V.N.* An Essay in Sociological Poetics, Russian Literature, LXIII–2–4, 190–5, 2008.
- Wellhausen J.* Prolegomena to the History of Israel, with a Reprint of the Article "Israel" from the Encyclopaedia Britannica. Edinburgh: Adam and Charles Black, 1885.
- Wellhausen J.* Prolegomena zur Geschichte Israels. Berlin, 1883.
- Wikgren A.* Wellhausen on the Synoptic Gospels: A Centenary Appraisal. Journal of Bible and Religion, 12(3): 174–18, 1944.

Bakhtin in Cinema and Adaptation Studies

Part II. Adaptation studies: back to Bakhtin again

© 2020 S. Mas Diaz

*Sergio Mas Diaz, professor at the University of Barcelona, Spain.
E-mail: sergiomasdiaz@gmail.com*

University of Barcelona, Spain

Annotation. It is not surprising that the study of Films that are adaptation of literary works has attracted both specialists of Cinema and Literature for a long time. In the last twenty years this topic has developed into a whole academic discipline of its own, especially in the Anglophone world, with a growing bibliography, magazines, manuals, anthologies. One of the thinkers most quoted and used in this growing field is Mikhail Bakhtin. We will sketch here the reasons for this central role, offer a bibliography of research based on his work and examine some of the main contributions to this bibliography and suggest why we think Bakhtinian contributions to the field were the beginning.

Keywords: M.M. Bakhtin, Bakhtin circle, theory of cinema, cinema as language, cinema semiotics.

“Great novelistic images continue to grow and develop even after the moment of their creation; they are capable of being creatively transformed in different eras, far distant from the day and hour of their original birth” (Bakhtin 1981: 422)

As soon as cinema began to be narrative, the first directors began to think about adapting literary works, but the theory of cinema was interested in the beginning on the specificity of this new language. Among the first researchers who explored the links between cinema and literature we already mentioned were Russian formalists, later on few people were aware of the semiotic reflections of Eisenstein and his interest in what later on would be called intermediality (the relations between different media or codes). We mentioned already that in the seventies professor V. Ivanov from the Tartu–Moscow school drew attention to Eisenstein semiotic reflections and he was also one of the first to vindicate the potential of Bakhtin’s ideas for a new semiotics in a highly influential article (Ivanov 2001).

The earliest Anglo-American academic monograph on literature and film, George Bluestone’s hugely influential *Novels into Film* (1957), opened with the statement that ‘the film in recent years has become more and more insistent on its claim to serious recognition’ (1957: vii), a legitimacy of the early film industry, considered to be a low-brow, popular form of entertainment, didn’t had yet. While the field of studies known as “Film and literature”, began to emerge in the United States and the United Kingdom in the 1960s and 1970s out of English literature departments, inheriting the main assumptions of the dominant New Criticism and liberal humanism (a vision of the author and of the canonicity of literature that would be later problematized), the notion of the author and the image of cinema was changing across the world especially in Europe. François Truffaut’s ‘A Certain Tendency of the French Cinema’, originally published in *Cahiers du Cinéma* in January 1954, inaugurated the polemic by attacking what he called the ‘tradition of quality’ in French cinema, meaning films – most of them adaptations of French classics – which Truffaut dismisses as literary, not truly cinematic, uncreative. Instead, he praises the cinema of filmmakers such as Robert Bresson, Jean Cocteau, Jean Renoir or Tati. In the sixties, with the renewal of semiotics and the new wave of cinema across the globe, new developments in the theory of cinema brought again to the center of attention the relation between literature and cinema as two languages (the essays of Pasolini, Metz, Eco appeared in Europe just before the discovery of Bakhtin’s works).

In the English-speaking context, the 1970s were the decade when film studies became fully institutionalized in the academy. In the field of adaptation, however, the assumption that literature was the superior medium was an enduring one. Geoffrey Wagner's book *The Novel and the Cinema* (1975), for instance, was still working with the fidelity criterion and focused on the literary source/filmed adaptation binary pair.

Adaptation studies were substantially transformed over the 1980s in the light of both poststructuralism and cultural studies. The magazine *Screen* played a significant role. Born as a movement to go beyond disciplinary boundaries, "Cultural studies" as a research program, developed by the Group in Birmingham around Stuart Hall, approached cinema, music, literature and TV with a mix of sociological, psychoanalytical, feminist and poststructuralist tools and his vindication of a contextual reading of culture was instrumental in taking a contextual approach (Marxian English theories of literature like that one of R. Williams' had a big influence in their first works).

Maybe the most important monograph on adaptation to emerge in the 1990s was Brian McFarlane's *Novel to Film Introduction to the Theory of Adaptation* (1996). It was already a first step beyond the fidelity debates (fidelity as the major criterion for judging adaptations) but the path-breaking watershed were the works by Robert Stam. His dialogic approach was developed after his studies of French Theory (he was in Paris in 1968 and came back later to have a fruitful dialogue with Metz) and a seminal and highly original and subversive article which he and Ella Shohat published in *Screen* in 1985 were references to the newly translated texts of Bakhtin appeared prominently in the first page was a very promising path and soon afterwards Stam's book *Subversive Pleasures* was the confirmation of the fertility of his dialogic perspective. But it remained not too well-known, he was probably still a step ahead of the mainstream.

Finally, Stam's theories became not only popular among researchers on Adaption studies but were assumed by many after his programmatic article "Beyond fidelity" that appeared as a chapter in the anthology of Naremore *Film adaptation* (2000). The same year Stam published *Film Theory*. Since then his dialogic approach has been one of the most quoted and widespread among researchers of the field. In this famous article, he re-read adaptation as a case of intertextuality:

'Film adaptations ... are caught up in the ongoing whirl of intertextual reference and transformation, of texts generating other texts in an endless process of recycling, transformation, and transmutation' (Stam 2000: 66), an argument Stam pursues and expands on in his most recent contributions to the field of adaptation (Stam 2005).

As soon as 1985 Stam and Shohat had suggested the potential of Bakhtin ideas to explore the links between adaptation and translation. Since the early 1990s, translator, historian and theorist Lawrence Venuti had insisted that concepts such as fidelity, equivalence or transparency needed to be replaced by that of the translator's visibility or palpable presence in a translation, as a reminder that no act of interpretation–translation being, after all, interpretation – can be definitive (Venuti 1995: 1–42). The 'visible' translator 'refracts' the source text – 'inflects' is the term used in Mireia Aragay's article in Aragay (2005). This link has been explored further in some recent comments building on Bakhtin (Cutchins).

Among recent works on adaptation probably the two most closely related to Bakhtin's works are Colington's article (Collington 2012) and Harrison's book (Harrison 2017). Harrison uses Bakhtin to explain how and why filmmakers locate their particularity in Shakespeare's "everywhereness" (the fascination Shakespeare inspires everywhere):

"A range of movie directors–faithful to their individual moments and angles of perception yet responsive to Shakespeare's historically remote lines–have found a model for their expressive acts of co-authoring in Shakespeare's own theatrical practice of re-telling earlier utterances. Using a wide variety of tones, languages, and cultural orientations, filmmakers have updated, translated, transposed, fragmented, parodied, and geographically re-situated Shakespeare. Bakhtinian theory can illuminate how directors from Orson Welles to Deepa Mehta have re-voiced and revived the famous plays for the cinema. The concept of the dialogic

is a key to understanding this paradoxical creativity” Harrison (2017: p.1)

Harrison thinks that by making dialogic use of Shakespeare’s words, such filmmakers parallel the method and aim of novelists who express their own thoughts indirectly via double-voiced discourse, which often involves laughter, this is why he focuses not as much on canonic or “faithful” version but re-interpretations like the one of Kaurismäki or Godard who builds sui generis versions of the classic.

Following Stam and Shohat Linda Hutcheon in his widely read manual on adaptation theory Hutcheon (2006) and Harrison prefer dialogicity to intertextuality to emphasize that a dialogic approach is not limited to relations between texts but must be aware of the role of contexts (authors, readers, audiences, power) because as Harrison says:

“Bodiless intertextual studies, even when extended to the partly subjective and more dynamic concept of autorial intertextuality, are insufficient to explain the relational process of co-creation whereby the utterances of earlier speakers (oral or textual or filmic) are revived and altered through individually embodied re-voicings. Presupposing at least two individuals differentially situated in time—as well as in space and in angle of perception – Bakhtin’s concept of dialogism combines creativity with history, enabling an intellectual grasp of how past utterances link to present expressiveness”. (Harrison pp. 6–7).

This trend is also visible among recent theories of translation and it is not casual that one of the first to bring together adaptation and translation studies was Patrick Cattrysse (1992) who proposed the application of the polysystems theory of translation to the study of film adaptations, in his case by focusing on American film noir. Translation studies, much like adaptation studies, were traditionally source-oriented and normative – emphasising the faithful reconstruction of the source text – and narrowly formalistic – focusing on the linguistic comparison of pairs of individual texts, source (original) and target (translation), to the exclusion of wider (cultural, contextual, intertextual) mechanisms that may have determined the translation process (Cattrysse 1992: 54). Polysystems theory focuses on the way the target (translated) text actually functions in its context, and on how and why shifts of emphasis take place during the translation process.

Venuti’s article “Adaptation, Translation, Critique” mentions Stam and Cattrysse among the most sophisticated contributions and proposes to go further in the analogy between translation and adaptation exploring different kinds of “interpretants” (Venuti employs the notion of Peirce following Eco, as he himself explains elsewhere).

As we have seen Bakhtin and his circle not only offered a theory of language and literature but gave us the basis for a whole theory of culture, including audiovisual texts and his potential keeps unfolding every day in the work of new researchers and scholars.

Бахтин в кино и адаптационных исследованиях

Часть II. Адаптационные исследования: назад к Бахтину

© 2020 С. Мас Диас

Серхио Мас Диас, профессор Барселонского университета, Испания.

E-mail: sergiomasdiaz@gmail.com

Барселонский университет, Испания

Аннотация. Неудивительно, что изучение фильмов, являющихся адаптацией литературных произведений, давно привлекало внимание как специалистов в области кино, так и литературоведов. За последние двадцать лет эта область исследования превратилась в отдельную академическую дисциплину – особенно в англоязычном мире, где увеличивается библиография, растет количество журналов, учебников, сборников. Одним из мыслителей, наиболее цитируемых и используемых в этой расширяющейся области знания, является Михаил Бахтин. В данной статье

выявляются причины того, что Бахтин занимает здесь столь важное место, предлагается библиография исследований, основанных на его трудах, рассматриваются некоторые наиболее значительные работы из этого библиографического списка, приводятся аргументы, подтверждающие гипотезу автора статьи, согласно которой вклад Бахтина в эту область был основополагающим.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Круг Бахтина, теория кино, кино как язык, семиотика кино.

Aragay M. (ed.) (2005). *Books in Motion: Adaptation, Intertextuality, Authorship* (Contemporary Cinema. Book 2). Amsterdam, New York: Rodopi.

Bakhtin M.M. (1981). *The Dialogic Imagination: Four Essays* / ed. M. Holquist. Trans. C. Emerson and M. Holquist. Austin: Univ. Of Texas Press.

Balazs B. (1924/2001). *Der sichtbare Mensch*. Frankfurt a. Main: Suhrkamp.

Beyad M.S. and Javanian M.R.H. (2018). "Bakhtinian intertextuality and contextuality in adaptation studies" in *Anaphora*, V: 2018

Bluestone G. (1957). *Novels into Film*. Oakland: Univ. of California Press.

Cattryse D. (1992). "Film adaptation as translation". In: *Target* 4 (1):53-70.

Collington T. (2012). "A Bakhtinian Approach to Adaptation Studies". In *Dialogues with Bakhtinian Theory: Proceedings of the Thirteenth International Mikhail Bakhtin Conference*. Ed. M. Polyuha et al. (2012) pp. 165–181.

Cutchins D. (2014). "Bakhtin, Translation and Adaptation". In Krebs ed. (2014).

Flanagan M. (2009). *Bakhtin and the Movies New Ways of Understanding Hollywood Film*. N.J.: Palgrave Macmillan.

Harrison K. (2017) *Shakespeare, Bakhtin, and Film*. N.J.: Palgrave Macmillan.

Hutcheon L. (2006). *A Theory of Adaptation*. New York and London: Routledge.

Krebs K. (ed.) (2014) *Translation and Adaptation in Theatre and Film*. London and New York: Routledge.

McFarlane B. (1996). *Novel to film: an introduction to the theory of adaptation*. Oxford: Clarendon.

Metz Chr. (1968). *Essais sur la signification au cinéma*. Paris: Klincksieck.

Metz Chr. (1971). *Langage et cinema*. Paris: Larousse.

Naremore J. (ed). (2000). *Film Adaptation*. London: The Athlone Press.

Polyuha M., Thomson C. and Wall A. (eds.) (2012). *Dialogues with Bakhtinian Theory: Proceedings of the Thirteenth International M. Bakhtin Conference*. London, Ontario: Western [University], Mestengo Press.

Stam R. (1989). *Subversive Pleasures: Bakhtin, Cultural Criticism, and Film*. Baltimore: J. Hopkins Univ. Press.

Stam R. (2000b). *Beyond Fidelity: the dialogics of Adaptation*. In *Film adaptation*, ed. J. Naremore.

Stam R. and Miller T. (eds.) (2000a). *Film and Theory: An Anthology*. Blackwell Publishing.

Stam R., Burgoyne R., Fitterman-Lewis S. (1992). *New vocabularies in Film Semiotics: structuralism, post-structuralism, and beyond*. London and New York: Routledge.

Stam R. and Shohat E. (1985). "The cinema after Babel: Language, Difference, Power". In *Screen*, 26, 3-4.

Truffaut Fr. (1954). *Une Certaine Tendance du Cinéma Français*. In: *Cahiers du Cinéma*. 6 (31).

Wagner G.A. (1975). *The novel and the cinema*. Rutherford NJ: Fairleigh Dickinson Univ. Press.

Иванов Вяч. Вс. Значение идей М.М. Бахтина для современной семиотики // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. I. СПб.: ПХГИ, 2001. С. 266–311.

Два постскриптума к бахтинским сюжетам

© 2020 Н.Л. Васильев

Васильев Николай Леонидович, доктор филологических наук, профессор.

E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Аннотация. В статье, во-первых, уточняются обстоятельства эвакуации племянника М.М. Бахтина – А.Н. Перфильева из осажденного Ленинграда (в марте 1942 г.); во-вторых, анализируется с опорой на бахтинские тексты его метафорический концепт «последнее целое», ставший актуальным в последнее время в ряде филологических публикаций и выступлений, но не получивший однозначной терминологической трактовки.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, А.Н. Перфильев, блокада Ленинграда, эвакуация, В.В. Федоров, «последнее целое».

**Учетная карточка Андрея Перфильева,
эвакуированного из блокадного Ленинграда**
(URL: <http://evacuation.spbarchives.ru>)

1. В статье о ленинградском периоде жизни семьи Бахтиных мы коснулись неясного эпизода эвакуации из осажденного города племянника М.М. Бахтина, сына Н.М. Бахтиной – А.Н. Перфильева (1936–2019), что позволило ему, единственному из оставшихся в Ленинграде родственников ученого, уцелеть и вернуться в Москву – вероятно, по программе вывоза малолетних детей в Ленинградскую и Ярославскую

области [2, с. 39–41].

Неожиданно, благодаря косвенной подсказке возможных источников дополнительной информации о блокадниках [см.: 3, с. 36], на сайте «Блокада Ленинграда. Эвакуация» (сайт Архивного комитета Санкт-Петербурга) [6] удалось обнаружить важный документ, касающийся судьбы чудом спасенного мальчика.

Исходя из этого, можно констатировать, что Н.М. Бахтина жила какое-то время по адресу: Шлиссельбургский проспект, д. 75, кв. 6 (в других документах он не фигурирует), а также уточнить обстоятельства и дату эвакуации ее сына, как и то, что мальчика вывезли без сопровождения кого-либо из родственников.

2. В беседе с саранскими бахтиноведами, состоявшейся в онлайн-эфире 17 декабря 2018 г., донецкий профессор В.В. Федоров поделился своими воспоминаниями о встречах со знаменитым ученым и впечатлении от его работ (материалы беседы опубликованы [4]). В частности, речь зашла об оригинальных концептах Бахтина: «Второй вопрос, ответ на который мне бы хотелось услышать, – вопрос о термине, который на меня больше всего произвел впечатление из всех, из всего знакомства с трудами Бахтина. Это термин “последнее целое” (здесь и ниже полужирные выделения наши. – Н.В.). В третьем [3, с. 565] и четвертом томах [4, с. 46] собрания сочинений Бахтина этот термин упоминается, но, к сожалению, я не мог составить себе представления о нем. Что Бахтин называет “последним целым”? У меня сложилось некоторое представление, но я не могу судить, правильно ли это мое впечатление или нет. Мне, конечно, хотелось бы услышать ответ самого Михаила Михайловича»; «Актуальность Бахтина я вижу в стремлении додуматься до того, что он обозначил термином “последнее целое”. Я думаю, что это понятие, этот термин в его работах все-таки не до конца продуман, вернее, не до конца додуман. Дело в том, что его деятельность как теоретика продолжалась в общем-то до второй половины 1924 г., после того он уже занялся историей культуры, историей литературы и т.д. Вот и “последнее целое” все-таки является таким понятием, которое, во всяком случае для меня, не совсем ясно. Я думаю, что здесь дело не в обдумывании того, что существует помимо обдумывающего. Это “последнее целое” существует как раз в то самое время, когда человек думает об этом “последнем целом”. Так вот я немножко отвлеченно думаю, что, например, “последнее целое” – это Пушкин как автор “Капитанской дочки”, я стараюсь это каким-либо образом обосновать для себя, но пока еще такого результата, который был бы реальным заданием дальнейшей работы, дальнейшего размышления над этой проблемой, все-таки пока я не нахожу»; «Такие значимые для Бахтина понятия, как, например, “позиция вненаходимости”, и даже так: “позиция вне жизненной находимости”, “последнее целое” – эти термины не востребованы в современном литературоведении» [4; ср., однако: 5, с. 84].

В самом деле, в указанных В.В. Федоровым работах Бахтина конца 1930 – начала 1940-х гг. («К вопросам теории романа», «Франсуа Рабле в истории реализма») фигурирует термин-метафора последнее целое, толкования которому автор, однако, не дает, что нередко свойственно метастилу ученого.

Нам удалось обнаружить следы использования этого загадочного концепта еще ранее – в книге Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929), причем с подобием дефиниции, проливающей некоторый свет на существо обсуждаемого понятия: «В полифоническом романе Достоевского дело идет не об обычной диалогической форме развертывания материала в рамках его монологического понимания на твердом фоне единого предметного мира. Нет, дело идет о последней диалогичности, то есть о диалогичности **последнего целого**. Драматическое целое в этом смысле, как мы сказали, монологично; роман Достоевского диалогичен. Он строится не как целое одного сознания, объектно принявшего в себя другие сознания, но как целое взаимодействия нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого; это взаимодействие не дает созерцающему опоры для объективации всего события по обычному монологическому типу (сюжетно, лирически или познавательно), делает, следовательно, и

созерцающего участником. Роман не только не дает никакой устойчивой опоры вне диалогического разрыва для третьего, монологически объемлющего сознания, – наоборот, все в нем строится так, чтобы сделать диалогическое противостояние безысходным. С точки зрения безучастного “третьего” не строится ни один элемент произведения. В самом романе этот безучастный “третий” никак не представлен. Для него нет ни композиционного, ни смыслового места. В этом не слабость автора, а его величайшая сила. Этим завоевывается новая авторская позиция, лежащая выше монологической позиции»; «То, что в европейском и русском романе до Достоевского было **последним целым**, – монологический единый мир авторского сознания, – в романе Достоевского становится частью, элементом целого; то, что было действительностью, становится здесь одним из аспектов действительности; то, что связывало целое, – сюжетно-прагматический ряд и личный стиль и тон, – становится здесь подчиненным моментом. Появляются новые принципы художественного сочетания элементов и построения целого, появляется – говоря метафорически – романский контрапункт» [1, т. 2, с. 25, 41–42]. Во втором издании исследования о поэтике Достоевского эти же размышления сохранились в первоначальном виде [1, т. 6, с. 24, 54].

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1996–2012.

2. Васильев Н.Л. К биографии М.М. Бахтина и его родных в ленинградский период их жизни // Невельский сборник. Вып. 25. СПб.: Лема, 2019. С. 36–52.

3. Ключева И.В. М.М. Бахтин и Е.Н. Харламова: скрещенье судеб // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. Т. 10, ч. 1. С. 33–38. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41388414_85902840.pdf (дата обращения: 03.01.2020).

4. Федоров В.В., Дубровская С.А., Ключева И.В., Меринова Д.А. Профессор В.В. Федоров рассказывает о своих встречах с М.М. Бахтиным. Интервью // Бахтинский вестник. 2019. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru/wp-content/uploads/2019/09/2019-№2-ФЕДОРОВ.pdf> (дата обращения 03.01.2020).

5. Федоров В.В. О природе поэтической реальности. М.: Сов. писатель, 1984. 184 с.

6. Блокада Ленинграда. Эвакуация. [Электронный ресурс]. URL: <http://evacuation.spbarchives.ru> (дата обращения: 02.01.2020).

Two PostScripts for Bakhtin subjects

© 2020 N.L. Vasilyev

Vasilyev Nikolay L., Doctor of Philological Sciences, Professor.
E-mail: nikolai_vasilev@mail.ru

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The article, firstly, clarifies the circumstances of the evacuation of M.M. Bakhtin's nephew – A.N. Perfiliev from besieged Leningrad (in March of 1942); secondly, analyzes (basing on Bakhtin's texts) his metaphorical concept “the last whole”, which has become recently relevant in a number of philological publications and reports, but has not received an unambiguous terminological interpretation.

Keywords: M.M. Bakhtin, A.N. Perfiliev, blockade of Leningrad, evacuation, V.V. Fedorov, «the last whole».

1. Bahtin M.M. Sbranie sochinenij: v 7 t. M., 1996–2012.

2. Vasil'ev N.L. K biografii M.M. Bakhtina i ego rodnyh v leningradskij period ih zhizni // Nevel'skij sbornik. Vyp. 25. SPb: Lema, 2019. С. 36–52.

3. Klyueva I.V. M.M. Bakhtin i E.N. Kharlamova: skreshhen'e sudeb // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2019. T.10. Ch. 1. S. 33–38. URL: <https://elibrary.ru/download/>

elibrary_41388414_85902840.pdf (data obrashcheniya 03.01.2020).

4. *Fedorov V.V., Dubrovskaya S.A., Klyueva I.V., Merinova D.A.* Professor V.V. Fedorov rasskazyvaet o svoih vstrechah s M.M. Bakhtinym. Interv'yu // Bahtinskij vestnik. 2019. № 2. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru/wp-content/uploads/2019/09/2019-№2-FEDOROV.pdf> (data obrashcheniya 03.01.2020).

5. *Fedorov V.V.* O prirode poe`ticheskoy real`nosti. M.: Sov. pisatel`, 1984.

6. Blokada Leningrada. Evakuaciya. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://evacuation.spbarchives.ru> (data obrashcheniya 02.01.2020).

**Лекция М.М. Бахтина по эстетике
в записи Г.М. Захаровой (Березиной). Конец 1950-х гг.**

Публикация, вступительная статья и примечания Н.И. Ворониной

© 2020 Н.И. Воронина

*Воронина Наталья Ивановна, доктор философских наук,
профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов,
директор Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного
университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: kafkmg@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Аннотация. В статье рассматривается конспект лекции М.М. Бахтина по эстетике, записанный в конце 1950-х гг. Г.М. Захаровой (Березиной) – студенткой филологического факультета Мордовского государственного университета. Выявляется структура лекции, содержательное наполнение ее разделов. В лекции дано определение эстетического во всем многообразии его проявлений (в жизни, в быту, в искусстве), определение искусства как творчества «по законам красоты», определение основных понятий искусствоведческого анализа: цвет, объем, пространство, стиль.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, эстетика, история Мордовского университета.

**Галина Михайловна Березина. Фотография 1970-х – начала 1980-х гг.
(Газета «Столица С». 16 декабря 2014. URL: <https://stolica-s.su/news/policy/2073>)**

Галина Михайловна Захарова (Березина) (1936–2013) была известным человеком в Саранске и Республике Мордовия, прежде всего потому, что являлась женой (с 1955 г.) советского партийного и государственного деятеля, в 1971–1990 гг. – первого секретаря Мордовского обкома КПСС, в 1990–1991 гг. – председателя Верховного Совета Мордовской АССР Анатолия Ивановича Березина (1931–1998).

Галина Михайловна окончила филологический факультет Мордовского государственного университета в конце 1950-х гг., где слушала лекции М.М. Бахтина. На протяжении многих лет она преподавала русский язык и литературу в одном из саранских техникумов.

В Мордовском республиканском объединенном краеведческом музее им. И.Д. Воронина хранится ее конспект лекции М.М. Бахтина по курсу эстетики: 17 страниц текста, записанного красивым почерком прилежной слушательницы. В музейном хранилище этот текст датирован 1956 г., однако, судя по литературе, которую лектор рекомендует своим слушателям, лекция была прочитана не ранее 1958 г., а скорее всего – в 1959 г.

Бахтин называет монографии А.И. Бурова [1], В.В. Ванслова [2], сборники В.И. Ленина «О литературе и искусстве» [4], К. Маркса и Ф. Энгельса «Об искусстве» [5], вышедшие в свет в 1956–1957 гг. (первые издания рекомендуемых им книг К.С. Станиславского и Н.Г. Чернышевского были опубликованы ранее). Два из журналов, называемых лектором, были основаны после 1956 г.: «Вопросы литературы» – в 1957 г., «Русская литература» – в 1958 г.

Есть предположение, что Захарова могла слушать лекцию Бахтина не в университете (хотя он читал там спецкурс по эстетике), а, уже окончив его, в городском университете культуры, который начал работать в 1959 г. Эта запись лекции по эстетике в каких-то деталях совпадает с очень коротким конспектом слушательницы университета культуры А.И. Талалаевой, который опубликован в книге И.В. Ключевой и Л.М. Лисуновой [3, с. 427–429]. Он начинается словами: «Продолжение об эстетике». Захарова же записала подробно и сохранила первую, вводную лекцию по эстетике, начав с названия курса – «Основы советской эстетики и советского искусствознания».

На первой странице сверху она записывает: «В ближайшее время в школах будет читаться история искусства». Вероятно, эта информация была важна для Галины Захаровой как (будущего) педагога, однако в «ближайшее время» предмет «История искусства» не был включен в программу общеобразовательных школ. Вероятно, годы спустя она вела также и спецкурс по эстетике в техникуме.

Конспект Захаровой довольно подробен, в нем редко попадаются недописанные предложения или сокращения слов. Бахтин начинает лекцию с того, что дает список литературы по эстетике (которой в то время было крайне мало), рекомендует студентам читать журналы по искусству и газету «Советская культура».

Далее лектор рассматривает понятие «эстетика» с экскурсом в историю формирования и становления дисциплины (от Аристотеля и Платона до Канта и Гегеля). Обозначив основные категории эстетики, Бахтин рассматривает различные направления в эстетике: эстетику «вчувствования» (Т. Липпс, Й. Фолькельт), прагматизм (У. Джеймс), фрейдизм (З. Фрейд, О. Ранк), затем переходит к истолкованию марксистской эстетики. Бахтин выделяет различия эстетического в самой жизни, в быту и в искусстве.

Следующий вопрос, рассматриваемый лектором, посвящен искусству как творчеству по законам красоты. Бахтин выделяет основные понятия теории искусства: цвет, объем, пространство. На примерах архитектуры он показывает выразительность форм; на примере человека – характерность, определяет две важные категории в искусстве: образ и условность, классифицирует искусство (временные, пространственные и смешанные виды), обозначает художественные стили (романский, готический, ренессанс, барокко), приводя примеры архитектуры Ленинграда, Парижа, Витебска, Вильнюса.

В конце лекции студенты, скорее всего, слушали «Итальянское каприччио» П.И. Чайковского (Захарова только называет это произведение без каких-либо комментариев), что также дает основания полагать, что лекция могла быть прочитана в городском университете культуры, где Бахтин часто читал лекции с музыкальным сопровождением [см.: 7].

Данный материал интересен и тем, что, во-первых, в нем выстроена бахтинская концепция подхода к эстетическому (понятие, сущность, осмысление в разные эпохи

представителями различных направлений); во-вторых, он фиксирует факт введения эстетики как дисциплины в учебный план в провинциальном вузе в 1950-х гг.

1. Буров А.И. Эстетическая сущность искусства. М.: Искусство, 1956. 290 с.
2. Ванслов В.В. Проблема прекрасного. М.: Искусство, 1957. 261 с.
3. Ключева И.В., Лисунова Л.М. М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск, 2010. 468 с.
4. Ленин В.И. О литературе и искусстве. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. XLVI. 687 с.
5. К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве: в 2 т. / сост. А.М. Лифшиц. М.: Искусство, 1957. Т. 1. 631 с.; Т. 2. 758 с.
6. Мордовский республиканский краеведческий музей. ОФ 4694/8. 17 с.
7. Voronina N.I., Dubrovskaya S.A., Klyueva I.V., Sychev A.A. Musical world of Mikhail Bakhtin as objectivation of the idea of cultural synthesis // SHS WEB OF CONFERENCES The conference proceedings APPSCONF-2019. Don State Technical University. 2019. P. 03037

М.М. Бахтин. Лекция по курсу «Основы советской эстетики и советского искусствознания» (в записи Г.М. Захаровой (Березиной))

В ближайшее время в школах будет читаться история искусств.

Эстетика у нас слабо разработана. «Очерки теории искусства» Недошивина – это единственная книга была к 1954 г. Сейчас появился ряд новых работ:

1. Буров. Эстетическая сущность искусства.
2. Ванслов. Проблема прекрасного.
3. Маркс и Энгельс. Об искусстве (2 тома).
4. Ленин. О литературе и искусстве.
5. Станиславский. Моя жизнь в искусстве.
6. Чернышевский. Об искусстве.
7. Журналы литературоведческие: «Известия Академии наук», «Вопросы литературы», «Русская литература» (издает Пушкинский Дом в Ленинграде).
8. Журналы искусствоведческие: «Искусство», «Театр», «Советская музыка», «Советский Экран».
9. Газета «Советская культура».

200 лет тому назад, осенью 1758 г. появилось слово «эстетика». Появился труд «Эстетика» (наука о прекрасном) немецкого ученого Баумгартена, где дано определение эстетики: эстетика – наука о красоте в жизни, природе и искусстве.

Аристотель в IV в. до н. э. эту науку разрабатывал. Платон интересовался самим понятием красоты. Он говорил, что существует вечная идея красоты. Для него наука была частью философии. У Аристотеля же мысль шла более конкретно. Идеи он превратил в понятия, которые он мыслил как отвлечения отдельных понятий. Платон – философ, в Древней Греции создал учение о красоте (вопрос вечного понятия).

В Средние века – это наука об идее прекрасного.

В эпоху Возрождения мы находим замечательные исследования по живописи, скульптуре («Трактат о живописи» Леонардо да Винчи).

В XVII–XVIII веках на общие проблемы красоты обращают внимание в проблемах теории литературы: наука о прекрасном вообще и красота в искусстве.

На этой же точке зрения стоял Иммануил Кант («Критика способности суждения»). Эту книгу он создавал более 30 лет. Кант исходил из того, что все люди обладают способностью высказывать суждения:

- 1) это мне нравится, а это не нравится – это и есть способности эстетического

суждения;

2) они без понятия;

3) особенность эстетического суждения в том, что оно относится к чему-то, непосредственно данному нашим чувствам, то, что мы непосредственно или видим, или слышим. Эстетическое суждение никогда не может быть заучено (Кант). Предметом эстетики является то, к чему относится эстетическое суждение (идеализм).

Специальный этап в развитии эстетики – это Гегель: идеалистическая эстетика (он же диалектик). В его философской системе было рациональное зерно.

В начале XIX века название «эстетика» закрепилось.

Гегель создал много нового. Он создал диалектический метод. Велики его заслуги в области эстетики (Его работа «Лекции по эстетике»). Эстетика Гегеля основывается на идее создать единую науку «Эстетика». Гегель как идеалист приписывал первичному – идею, и ее он мыслил как исторически развивающееся, конкретизирующееся.

Мир по Гегелю – непрерывное становление идей. Гегель так определяет предмет эстетики: во всех областях жизни идея является более или менее абстрактным образованием. Понятия всегда в той или иной мере абстрактны. Поэтому, хотя понятия и опираются на чувства человека, но понятия мы не можем слышать, осязать. Понятия лишены чувственности. Чувственная наглядность обязательна при эстетических ощущениях. Эстетическое как таковое – это чувственное. То является предметом эстетики, что воспринимается нами как воплощение идей в чувственной форме. По мнению Гегеля, наступит момент, когда философия заменит искусство. Эту идею до сих пор некоторые отстаивают.

По Гегелю основные категории эстетики: величественное (или возвышенное), низменное (или комическое), трагическое, красивое (или прекрасное), изящное.

Эстетическое есть в быту, в природе, в искусстве. Например: высокие горы со снежными вершинами (это величественное). Цветок – изящное. Архитектура подчиняется величественному (храмы, дворцы) / дома тяготеют к уютному, а уют – к изящному.

Эстетика вчувствования

В конце XIX в. – деградация искусства. Развивалась она на почве позитивизма, который вообще почти отрицал философию. Стремление обосновать эстетику на точных науках.

Основоположителем был Липпс¹ (немецкий ученый). Фолькельт². Они не признают объекта эстетики. Они пытались определить прекрасное опытным путем. Липпс подверг анализу ряд эстетических феноменов и пришел к выводу, что мы находим себя в том, что изображено на картине, в книге.

Липпс подверг изучению феномен «вчувствования»³: «когда пишем, то и ощущаем, чувствуем, как кончик карандаша соприкоснулся с бумагой». А на самом деле мы чувствуем ручку карандаша, а не кончик. Мы чувствуем шероховатость бумаги, не дотрагиваясь рукой до нее. Следовательно, человек перемещает себя на тот предмет, которым он работает.

Фолькельт больше интересовался смысловой стороной чувствований. И основная цель искусства позволит человеку жить не одной, а множеством жизней. Он узнает чужие жизни как бы изнутри. Человек опустошает свою психику путем вложения своих чувств в жизнь героя романа. Он путает события своей жизни с жизнью героев. Отрицательная сторона их учений: человек не обогащается, не получает то, что мы осознаем, что наполняет наше сознание.

В Америке был психолог Джеймс – очень популярен. Он был философом-прагматиком. Создал теорию, согласно которой самое главное в искусстве – эмоции. Эмоция и есть внутренняя реакция на внешнее изменение нашего организма. Эмоция

¹ В записи студентки: «Липс». Имеется в виду Теодор Липпс (1854–1914).

² В записи студентки: «Фолькент». Имеется в виду Йоханнес Фолькельт (1848–1930).

³ Последнее слово вписано карандашом.

радости вызывает улыбку. Джеймс говорил, что это вздор, что якобы в душе нет эмоции, а улыбка рождает эмоции. Происходит это так: сначала воздействие внешнего, затем улыбка и уже эмоции. На самом деле эмоции являются результатом изменения организма.

В теории Джеймса есть доля истины. Но он отвергал, что эмоции рождаются в организме. Эстетика чувств ничем человека не обогащает, потому что все, что он чувствует, – это его эмоции. Он вкладывает свою душу, а сам ничего не приобретает.

Эстетика вчувствования: 1. Отрицает действенный характер искусства. 2. Не признает объект искусства.

< Фрейдизм >

Фрейдизм – это психоанализ, особенно <был> развит в СССР в 20-х годах. Фрейдисты растворяют эстетику в психологии. Сущность учения Зигмунда Фрейда (венский врач, психолог). Эстетику растворил в психологии, создал «глубинную психологию». Он говорил, что человеческая психика слишком сложна, она складывается из 2 элементов:

1. Наша сознательная психика, т. е. то, что мы осознаем, что наполняет наше сознание.
2. Основная масса психического – по ту сторону сознания, это бессознательная психика.

Он пытается нащупать методы, чтобы проникнуть в эту бессознательную психику. «Истолкование снов» – это его работа. По его мнению, всякий сон есть удовлетворение желаний. Элементы бессознательной психики он называл «комплексом». Ребенок с самого рождения обладает сексуальной...

Фрейд утверждает, что цензура ослабляется в бреде сумасшедших, эстетиков, сны – образы искусства.

В 1921–1922 годах вышла книга Отто Ранка «Травма рождения»⁴. Он исходит из фактов, которые были известны еще Демокриту, который считал, что рождение считается травмой (не для матери, а для ребенка). Акт рождения и смерти одинаково тяжел. Травма рождения – это рок, судьба человека. Человек в горе, от печали сгорбил, опустил голову, он принял положение внутриутробного. Или спящий складывается так, как ребенок внутри утробы. Детский страх, ребенок кричит без причины ночью – это он вспоминает травму рождения. Кто рожден кесаревым сечением, тот якобы счастлив: он не перенес муки рождения. (Цезарь не пережил травмы рождения.) Ранк доказывает, что когда человек был во внутриутробном состоянии, он находился в раю. Что человек хочет, то и получает. Ранк подвергает анализу мифологические символы. Обряды оказали огромное влияние на искусство. Погребение человека – возврат в лоно земли. Смерть представляется неизбежной, и после нее – блаженство и рай. Саван – распашонка. Гроб –... Свадебные обряды. Брак воспринимается как похороны: новое рождение.

Затем Ранк переходит к анализу искусства. Широко использует явления немецкого романтизма. Ранк пытается вывести все искусство именно из этого. В искусстве он различает две линии:

1. Направлена на то, чтобы освоить мир, отделаться от травмы рождения. Греческое искусство – это преодоление травмы искусства (рождения). Люди изображены здоровые, сильные.
2. Противоположная линия. Человек не может забыть травмы. Фигуры с понурыми головами, согнутыми коленями... Средневековые.

Фрейдизм не сводит всего к травме рождения, но считает это основным.

Ранк большое значение уделял эстетике быта. Все, что окружает, должно напоминать материнское лоно. Кресло, стулья, все должно быть теплым, уютным, удобным.

⁴ Книга О. Ранка «Травма рождения и ее значение для психоанализа» была написана в 1923 и опубликована в 1924 г.

Фрейдизм дал сильное оружие реакционной идеологии. Америка использовала фрейдизм в своих целях. По фрейдизму, искусство является результатом физиологического фактора.

Эстетика XIX века во многом недооценивает значение физиологического фактора. Фрейдизм возник как реакция сосредоточения идейности и сознательности в искусстве. Многие факторы, фрейдистами приведенные, верны. Сам факт травматического рождения не подлежит сомнению. Абстракционисты говорят, что нельзя сразу определить, что получится, а взять кисть и бросить на стенку. Так фрейдисты и учат: сядь ничего не думая, лежи, и тогда твоё произведение будет доходчиво, оно непроизвольно раскрывает твоё глубинное.

Марксизм прежде всего требует определения реальности своего предмета, объективности.

3. Поскольку предмет и его реальное существование не определено, то и место, где его искать, не определено. Недостаток, касающийся представителей реалистической эстетики: они говорили, что искусство недействительно.

Наличие деятельности, творчества – необходимые элементы эстетического. Марксистско-ленинское определение искусства.

Маркс: «Человек эстетически осваивает мир». Маркс говорит об особом эстетизированном освоении мира, признает активную роль эстетики. Человек творит *по законам красоты* – это и есть эстетическое освоение мира. Для животного пища – это лишь то, что пожирается. Человек требует, чтобы пища была подана в определенной форме, его интересует приготовление этой пищи. Закон красоты проявляется в самый ранний период: <человек,> приспособлявая камень к труду или войне, украшает <его> рисунком.

Деятельность характеризуется направленностью на природу. Человек приспособляет природу к своим потребностям (мир), имеет цель перестроить мир. Любой труд имеет цель переделать мир вне человека, приспособить его к потребностям человека.

Одним из основных положений марксизма-ленинизма является: переделывать внешний мир в интересах человечества. Процесс трудовой деятельности носит двоякий характер. В отличие от всех видов деятельности эстетическая <деятельность> имеет своим предметом самого человека как деятеля.

Маркс, Энгельс, развивая эти положения, подчеркивали, что человек выступает не как биологический предмет, а как создаваемый предмет эстетики. Только в искусстве человек – объект действия. Предметом эстетического освоения мира является человек. Эстетическое освоение мира – творчество по законам красоты. Объективно вне нас существующий предмет отражается нашим сознанием. От первобытности и до наших дней человек обновляет мир, направляет на внешний мир свою деятельность. Но нельзя понимать, что человек очеловечивает природу. Так, например, были излишества, требования от художника, рисующего пейзаж, чтобы обязательно был столб электрический, вышка (творчество человека).

Человек, совпадающий со своей сущностью, прекрасен, а бесчеловечный человек безобразен. От явления надо идти к сущности. Явление и сущность не совпадают. Идея человека неизменна, вечна (Платон). Сущность всегда есть, она всегда совершенна – так говорят метафизики-идеалисты. Сущность они рассматривают вне исторического. Они отрицают классовое определение человека. Сущность человека раскрыта ограниченно. Сущность – это то, что создается, творится временем. Сущность – это цель, к которой идет человечество.

Марксизм различает:

1. Классовые этапы развития.

а) представители эксплуататоров и эксплуатируемых не могут раскрыть сущности человека, происходит отчуждение человека от его сущности;

б) человек обгоняет себя самого в искусстве. Прогрессивные силы создают идеалы человека. Это ступень к абсолютной сущности человека.

2. Само эстетическое разделяется на сферы:

- а) прекрасное в самой жизни (природа прекрасна, люди героические – красивые);
- б) эстетическое в сфере созданного руками человека в быту (прически, мебель, ковры, безделушки);
- в) искусство.

Все эти сферы являются эстетическими. На что же эстетика должна ориентироваться, опираться?

Сущность эстетического полнее всего раскрываются в искусстве. А в природе и в жизни красота неразделимо слита с этическими, социальными, политическими поступками. Эстетика опирается в известной мере на искусствоведение.

Эстетика в природе – это нечто объективное. Античный мир воспринимает природу не как целое, а <как> отдельные явления. Рисованная (?) не пейзаж, а отдельное явление (ручеек). Изображается на фоне. Пейзаж впервые появился в XIV веке. Средневековье: уже находим целостное восприятие природы, уже давались пейзажи (утро, лес).

Пространство для человека само по себе глубоко, прекрасно, эстетично.

Эстетическое освоение человека в самой жизни

С начала XVIII века (Руссо) – восприятие красоты природы человеком. Главное – колорит, важен цвет. Надо воспитывать умение видеть цвет, краски. Дальтонизм – путание цветов.

В цвете: 1. Тон (качество цвета). 2. Насыщенность. 3. Яркость.

Разнообразие тонов много, но насыщенность небольшая. Небо иссиня-черным не бывает – всегда голубое, ярких красок нет, тон ясный, приглушенный. В средней полосе преобладает гармония (Левитан). Русская зима бесконтрастна, весна – контраст. Краски создают настроение: красный – созидание, синий – разрушение.

В природе – не только цвет, но и пространство. Красота пространства глубоко осмысленна. Пространственное: форма связана с социальными и моральными представлениями. Например, близкий – родной человек. Существуют и геометрические ценности.

На Западе выродилось чувство красоты <по отношению> к пространству (нет архитектурных стилей). Ансамбль – созвучие архитектуры (в Ленинграде).

Птицы, животные.

Эстетическое освоение человека в самой жизни: глаза выразительные. Аполлон – воплощение мужской красоты, Зевс – величественен. Изящная женщина.

Особая категория для красоты человека в целом – характерность. Красивыми могут быть и совсем маленькие, невзрачные глаза. Ведущими моментами являются глаза, в балете – ноги.

Существует целая система глаза (брови...). Красота человека – в характерности. Глаза много говорят. Это не только орган зрения, но и орган выражения.

Лицо при изучении делится на комплексы:

- 1) система глаз, губ, посадка головы, руки. (Лицо торопится, руки медлят.)
- 2) В балете даже движения передают содержание.
- 3) Красивость не есть эстетически красивое.
- 4) Живопись и музыка имеют содержание. Архитектура – не имеет, но это тоже искусство.

III. Искусство

Ленинская теория отражения лежит в основе искусства. Первое. Искусство познается с помощью *образа*.

Образ. Есть шесть признаков образа: 1. Индивидуальность. 2. Чувственная наглядность, конкретность. 3. Эмоциональность. 4. Многозначность. 5. Отношение человека к его жизни. 6. Отношение образа к его идеалу.

Вторая проблема в искусстве – проблема *условности*, т. е. материал предмета в искусстве никогда не может состоять из одного и того же материала. Искусство является познанием, а как познание оно является отражением действительности.

Условности: два условия для его существования:

1. Люди условились не замечать этой условности. В литературе не возникает проблема условности.

2. Условность должна передавать сигналы о внешнем мире.

Каждое искусство имеет цель <ю> познание, но отличается оно материалом.

Классификация искусств

1. Временное: музыка, литература, поэзия.

2. Пространственное. Архитектура, живопись, пластика.

3. Смешанное – театр, хореография. Есть здесь и время, и пространство.

Архитектура задает тон музыке (Реквием – похоронный марш. Органная музыка в церкви). Материалом архитектуры является пространство ограниченное.

Классический, романский, готический – стили архитектуры.

В поздней Римской империи строились города на периферии. Города носили лагерьный характер. Он же защищался стенами, главное – дороги. *Романский стиль* – стремление ввысь и вокруг. Сочетание лагерьного и крепостного типа.

Готический – торжество вертикального: стирается различие между несомым и несущим (Собор Парижской Богоматери).

Ренессанс – горизонталь.

Барокко (Витебск, Вильнюс). Смещение, сочетание горизонтального и вертикального.

Стиль пластики связан с архитектурой. Пластика (бронза, медь, металл, гипс, глина).

Виды пластики: рельеф, круглая пластика, пластическая миниатюра, барельеф – низкое. Кариатиды – близкие к архитектуре (статуи).

Пластика должна отражать или действие, или событие в жизни человека.

Домарксистская эстетика:

1. Отвлечение от конкретных фактов прекрасного.

2. Не определили предмета эстетики и место эстетики.

3. Говорили, что искусство не действенно, отрицают творчество в эстетике.

Слушали «Итальянское каприччио» Чайковского.

M.M. Bakhtin's Lecture on Aesthetics recorded by G.M. Zakharova (Berezina). The end of the 1950s.

Publication, opening article and notes by N.I. Voronina

© 2020 N.I. Voronina

Voronina Natalya Ivanovna, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology, Library and Informational Resources of the Institute of National Culture.

Director of M.M. Bakhtin Center

E-mail: kafkmggu@mail.ru

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.

Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The article considers the abstract of M.M. Bakhtin's lecture on aesthetics, as recorded in the late 1950s by G.M. Zakharova (Berezina) – a (former) student of the philological faculty of Mordovia State University. It reveals the structure of the lecture, the meaningful filling of its sections.

The lecture gives a definition of the aesthetic in all its manifestations (in life, in everyday life, in art), the definition of art as creativity “according to the laws of beauty”, the definition of the basic concepts of art

historical analysis: color, volume, space, style.

Keywords: M.M. Bakhtin, aesthetics, history of the Mordovia University.

1. *Burov A.I.* Esteticheskaya sushchnost' iskusstva. M.: Iskusstvo, 1956. 290 s.
2. *Vanslov V.V.* Problema prekrasnogo. M.: Iskusstvo, 1957. 261 s.
3. *Klyueva I.V., Lisunova L.M.* M.M. Bakhtin – myslitel', pedagog, chelovek. Saransk, 2010. 468 s.
4. *Lenin V.I.* O literature i iskusstve. M.: Gos. izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1957. XLVI. 687 s.
5. K. Marks i F. Engel's ob iskusstve: v 2 t. / sost. A.M. Lifshic. M.: Iskusstvo, 1957. T. 1. 631 s.; T. 2. 758 s.
6. Mordovskij respublikanskij kraevedcheskij muzej. OF 4694/8. 17 s.
7. Voronina N.I., Dubrovskaya S.A., Klyueva I.V., Sychev A.A. Musical world of Mikhail Bakhtin as objectivation of the idea of cultural synthesis // SHS WEB OF CONFERENCES The conference proceedings APPSCONF-2019. Don State Technical University. 2019. P. 03037

Эстетика в ряде выдающихся работ ан-ки Захаровой (Березиной) Т.М.

Спецкурс.

М.М. Бахтин.

Основы советской эстетики и советского искусствознания.

Эстетика у нас слабо разработана.

"Очерки теории искусства" Федосинский - это единственная книга была в 1954г. Сейчас появилось ряд новых работ:

1. Буров, "Эстетическая сущность искусства"
2. Ванслов, "Проблемы прекрасного"
3. Маркс и Энгельс об искусстве (2-й томник)
4. Ленин о литературе и искусстве.
5. Виталиславский "Моя жизнь в иск-ве"
6. Чернышевский об искусстве.

журналы литературоведческие:

- "Известия Акад. Наук"
- "Вопросы литературы"
- "Русская литература" (издает Туркестанский фол в Ленинграде).

Искусствоведческие:

- "Искусство"
- "Театр"
- "Советская музыка"
- "Сов экран"

Газета "Советская культура"

200 лет тому назад осенью 1758г. появилось слово "эстетика"

(2)
"Эстетика" — наука о прекрасном...
появившаяся труд немецкого ученого Бауэргар-
тена, "Эстетика"; где дано определение эстетической
эстетики — наука о красоте в искусстве, природе,
искусстве.

Латон в др. Греции создал учение о красоте
и вечной идеи красоты.

истощением в 1-й и 2-й до н. э. эту науку
израбатывал.

Латон интересовался самыми понятиями кри-
ты. Он говорил, что существует вечная
идея красоты. Для него наука была габри-
эстетическая.

Аристотель же мысль эту более конкретно
он превратил в понятие, которое он мо-
жет как отвлечение от эмпирических понятий.

В средние века это наука о идеях прекрас-
ного.

В эпоху Возрождения мы находим замеча-
тельные исследования по живописи, скульп-
туре, "Трактат о живописи" Леонардо да
Винчи.

В 17-18 веках общие проблемы красоты.
наиз. внимание на проблемы теории мит-

но. Дано было Бауэргартеном определение
эстетики.

Наука о прекрасном вообще и красота
искусстве.

В этой же точке стоял Иммануил
Кант, "Критика способности суждения".
Эту книгу он создал более 30 лет
Кант исходил из того, что все люди

обладают способностью высказывать⁵ сужде-
ния: что мне нравится, а что не нрави-
тся — это и есть способности эстетическо-
го суждения.

а) Они без понятия. (?)...

3. Особенность эстетич. суждения в том,
что оно относится к тому-то непосредствен-
но данному нашим чувствам то, что
мы непосредственно или видим или слышим.

Эстетическое суждение никогда не может
быть заучено (Кант). Предметом эстетич.
является то, к чему относится эстетиче-
ское суждение. *идеализм*.

Англ. этап в развитии эстетики это
Тегель — идеалистическая эстетика, (он же
диалектик).

В его зрелой эстетике больше рациона-
лизма.

В начале 19 в. название эстетики закре-
пилось.

Тегель создал много нового. Он создал ди-
алектический метод. Велики его заслуги
в обл. эстетики. Его работа "Лекции
по эстетике". Эстетика Тегеля основан-
вается на идее создать единую науку
эстетику. Тегель как идеалист прина-
длежал первичному — идею и её он мыслит
как исторически развивающуюся, конкрети-
зирующуюся.

Мир по Тегелю — непрерывное становле-
ние идей. Тегель так определяет пред-
мет эстетики: во всех областях жиз-
ни идея является более или менее
абстрактным образом.

(4)

понятия всегда в той или мере абстрактные.
этому хотя понятия и выражаются на
языке человека, но понятия мы не
можем слышать, осязать. Понятия
используют чувствительность. Чувствительная
способность обязательна при эстетичес-
ких ощущениях

Эстетическое как таковое это
чувствительное

явл. предметом эстетики, что воспри-
имается нами как воплощение идеи
чувствительной формы. То именно тогда
и наступит момент, когда ормосо-
фия заменит искусство. Это идея
о сях пор некоторые существуют.

То же самое для категории эстетики:
Величественное или возвышенное
Познательное или комическое
Трагическое.

Красивое или прекрасное.

Изящное

Эстетическое есть в быту, в природе,
в искусстве.

Напр.: высокие горы со снежными верши-
нами (это величественное).

Цветок - изящное.

Архитектура подчиняется всемогущему
силе. (хорошо звучит)

Дома тяготеют к уютному,
а уют к изящному

В конце XIX в.
Депрессия и кризис.

Эстетика в чувствовании⁽¹⁵⁾

развивалась она на почве позитивизма,
который вообще почти отрицал искусство.
Стремление обосновать эстетику на точных
науках

Основоположением были Лис-нел. ученые

Фолькенет они не признают объективную эстетику

Они пытались определить прекрасное
опытным путем. Лис-нел подверг на-
блюдению ряд эстетических феноменов
и пришел к выводу, что мы находим себе
в том, что изображено на картине, в
книге

Лис-нел подверг изучению след феномена
"когда" "то" "разучился", чувствуем как кончик
карандаша соприкоснулся с бумагой. А на
самом деле мы чувствуем руку каранда-
ша, а не кончик. Мы чувствуем шерохо-
ватость бумаги, не догадываясь рукой до
нее.

След-но г-к переживает себя на том пред-
мете, которым он работает

Фолькенет больше интересовался
смысловой стороной чувствования. И
основная цель исп-ва позволить человеку
жить не одной, а множественной жизнью.
Он утончает душевные тиски как бы изнутри.
Чел-к осуществляет свою эстетику путем
включения своих чувств в жизнь героя ро-
мана. Он живет событиями своей жизни
с жизнью героя. Отриц. сторона чх
учения: чел-к не обогащается не получает

В Америке был психолог Джеймс - очень по-
пулярный. Он был философом-проштановым.
Создал теорию, согласно которой: самое главное
в иск-ве - эмоции. Эмоция и есть внутрен-
няя реакция на внешнее изменение нашего
организма. Эмоция радости вызывает улыбку.
Джеймс говорил, что это вздор. Что якобы
в душе нет эмоций, а улыбка рождает эмо-
цию. Присходит это так: сначала воздействие
внешнее, затем улыбка и уже эмоция.

На самом деле эмоции явл-ся результа-
том изменения организма.
В теории Джеймса есть доля истины.
Но он отвергал, что эмоции рождаются
в организме. Эстетика чувств не имеет
смысла не обогащаясь. Поэтому что все,
что он чувствует, это его эмоции.
Он вкладывает свою душу, а сам не-
чего не приобретает.

Заметка в чувствовании

1. Отражает действительный характер ис-
суда.
2. Не признается объектом искусства.

Фрейдизм - особенно развит в СССР
в 20^е годах. Фрейдизм растворяет эсте-
тику в психологии.

Сущность учения Зигмунда Фрейда
(вен. врач психол. Эстетику растворяет
в психологии, создает "любимую психологию"
Он гов. что человек психика слишком слож-
на, она складывается из 2 элементов:
1. Наша сознательная психика и

то, что мы осознаем, что наш^т знает на-
ше сознание.

2. Основная масса психического по^ту со-
роту сознания

Это бессознательная психика.
Он пытался назвать метод, чтоб
проникнуть в эту бессознательную
психику. "Интерпретация снов" это
его работа. По его мнению всякий сон
есть удовлетворение желания.
Элементы бессознательной психики
он называл комплексом. Ребенок с
самого рождения обладает сексуальностью.
Фрейд утверждает, что цензура ослабля-
ется в бреду сумасшедших, эстетиков,
сны, образы искусства.

В 1921-22 г. вышла книга Отто Ранка
Травма рождения "Он ^{не}ходит из
"якобы, которые были известны еще
Демокриту, кот. считал, что рождение
считается травмой, не для матери, а
для ребенка. Акт рождения и смерти
одинаково тяжки. Травма рождения -
это рок, судьба тел-ка

Мед-я в горе, печали скорбился, опустил
голову он приняв положение вынужден-
ного.

Ум сильный складывался так, как
ребенок вынужденно
Демонстрирует. Ребенок кричит без
причины ночью. Это он всемирная
травма рождения.

Что рожден кесаревым, сего не знает, мой Яков,
таштив: он не перенес муки рождения.
Цезарь не перенес травмы рождения.
Танк доказывает, что когда чел-к был во
внутриутробном состоянии, он нахо-
дился в раю. Что чел-к хочет, то
и получает.

Танк подвергает анализу мифологиче-
ские символы. Обряды оказали огромное
влияние на иск-во. Погребение чел-ка
возврат в лоно земли. Смерть предстает
является неизбежной и после нее блажен-
ство и рай.

Саван - распашетка,
гроб. -

Обрядовые обряды

Бран воспринимается как похороны
новое рождение

Ваше Раек переходит к анализу
искусства. Широко использует явления
семиотического романтизма. Танк пытается
вывести все иск-во именно из этого.

В искусстве он различает 2 линии
1. Направлена на то, чтоб освоить мир,
отделиться от травмы рождения.

Греч. искусство - это преодоление трав-
мы искусства. Люди изображают ^{сны} ~~идеалы~~
здоровые, сильные.

Третья противоположная линия.

Чел-к не может забыть травмы. Фигу-
ры с понурыми головами, согнуты-
ми коленями.

средневековье -

(9)

Фрейдизм не сводит всего к правде рождений,
но считает это основным.

Так б. знач. уделял эстетике бытия.

Все, что окружает, должно наполнить
манифестное лонно.

Ясно, ощущая все должно быть темным,
утопным, удобным.

Фрейдизм дал основное оружие реакционной
идеологии.

Америка использовала фрейдизм в своих целях.

То фрейдизму иск-во является результатом
физического фактора.

Эстетика XIX в. во многом недооценива-
ет значение физиологического фактора.

Фрейдизм возник как реакция сосредото-
чения, идейности и сознательности
в искусстве (?).

Многие факторы фрейдизма приве-
денные верны. Сам факт правды
каждо рождений не подлежит сомнению.

Антифрейдизм говорит, что нельзя
сразу определить что получится, а
взять кисть и бросить на стенку.

Так фрейдизм и ушат; след кистью
не думая, цели и тогда творит произведение.
Будет гоголем, оно непроизвольно
раскрывает свое глубинное.

Марксизм прежде всего предует опреде-
ление реальности своего предмета,
объективности.

3. Поскольку предмет и его реальное

10)
личное существование не определено, но и
то, где его искать не определено.

Недостаток, касающийся представлений
деятельности эстетики.

Мы говорили, что иск-во не действительно
личная деятельность творчества - необ-
ходимые элементы эстетического.

М-л. определение искусства

Чарльз: Человек эстетически осваивает
мир. М. пов. об особом эстетизированном
своении мира. Принадлежит художнику
эстетики. Чел-к творит по законам
искусства. Это и есть эстетическое
своение мира. Для животного мира
то лишь то, что пользуется.

Чел-к требует, чтобы мир был по-
определенной форме, его индусирует
творение этой вещи. Закон красоты
появляется в самом ранний период, при
осабливает камень трудом или войной,
и обрабатывает рисунком.

Человек способен хар-ся направленно
к природе. Чел-к приспособляет при-
роду к своим потребностям (мир)
имеет цель перестроить мир. Любой
труд имеет цель передать мир вне
себя, приспособить ее к потребностям
себя.

Одним из основн. положений М-л является
пределывать внешний мир в интересах
себя. Процесс трудовой деятельности
имеет двойной характер.

111)

В отличие от всех видов деятельности — эстетическая имеет своим предметом самого чел-ка, как действующего.

М-Энг. развивал эти положения, подчеркивая, что чел-к выступает, не как биологический предмет, а как создаваемый предмет эстетики.

Главное в иск-ве чел-к объект действ-вия. Предметом эстетического освоения мира явл-ся чел-к. Эстетическое освоение мира — творчество по законам красоты. Объективно вне нас существующий предмет отражается нашим сознанием. От творческой деятельности чел-к открывает мир, направляет на внешний мир свою деятельность.

Но нельзя понимать во что чел-к оцено-чивает природу. Так напр. были изм-ства. Требования от худ-ка рисующего пейзаж, чтоб облака были словно электрич., вышка, (тв-во чел-ка)

Чел-к, совпадающий со своей сущностью, прекрасен, а бесчеловечный чел-к безобразен. От явления надо идти к сущности.

Явления и сущность не совпадают.

Идея чел-ка неизменна, вечна (Платон). Сущность всегда есть, она всегда совершенна — так говоря метафизики — идеалисты. Сущность они рассматривают вне исторического. Они отражают классовое

пределение. чеп-ка. Сущность чеп-ка ¹¹²⁾ раскрывается
преимущественно.

Сущность - это то, что создается творит
ся в процессе. Сущность - это ведь к кото
рой идет чеп-во.

Марксизм различает
1. Классовые этапы развития
Представители эксплуататоров и эксплуа
тируемых не могут раскрыть сущности чеп-ка
Происходит отчуждение чеп-ка от его сущ
ности. Чеп-к обгоняет себя самого в
искусстве. Прогрессивные силы создают
идеалы чеп-ка. Это стремление к абсолют
ной сущности чеп-ка.

Само эстетическое разделяется на
сферы:
Прекрасное в самой жизни (природа,
прекрасна, люди героические, красивые)
Эстетическое в сфере созданного рука
ми чеп-ка в быту (прически, мебель,
ковры, безделушки).

2. Искусство.
Все эти сферы явл. эстетическими.
Но что же эстетика должна ориентиро
ваться, опираться?
Сущность эстетического полнее всего
раскрывается в иск-ве
В природе и в жизни красота
неразделимо связана с этич. содержанием
политическими постановками

13.

Эстетика отражена в известной мере на искусствоведении.

Эстетика в природе — это нечто объективное. Античный мир воспринимает природу не как целое, а отд. явления. Високая? не пейзаж а отд. явление (ручей). Изображается на фреске. Пейзажи впервые появились в XV в.

Средневековье.

Уже находим целостное восприятие природы. Уже давались? пейзажи (уширо, лес).

Гротаганово для тем-ка само по себе глубоко, прекрасно, эстетично.

Эстетическое освоение тем-ка в самой жизни.

XVIII в. нач. (Фуссо) восприятие красоты природы тем-ом.

Главное — колорит, важен цвет. Надо воспринимать цвет видеть цвет, краски.

(давление — путанье цветов)

В цвете

- 1) Тон (качество цвета)
- 2) насыщенности
- 3) Яркий

Разнообразие тонов много.

То насыщенность небольшая. Тон — цвет — темнота не бывает, всегда глубок.

Ярких красок нет. Тон ясный, приглушенный. В средней полосе преобладают гармоничные (Левитан). Русская душа деконструкция.

Весна — контраст. Краски создают настроение.

красивый - созидание, сильный разрушение.
 В природе не только цвет, но и пространство.
 Красота пространства глубоко осмысленна,
 пространственная.
 Форма связана с ^{и модальностью} ~~сознательной~~ ^{представлениями}
 напр. (Близкий - родной чел-к) существующей
 и геометрической ценностью.
 На Западе выродилось понятие красоты
 к пространству (нет архитектурных ст-
 лей).
 Ансамбль - совокупность архитектур.
 (в Ленинграде).
 Тщательные тивотные
 Эстетическое освоение чел-ка в самой жизни.
 Глаза выразительны.
 Антон - воплощение мужской красоты.
 Зевс - величественен.
 Изящная женщина.
 Особая категория для красоты чел-ка в жизни,
характерность
 Красивыми могут быть и совсем малень-
 кие, невзрачные глаза.
 Безупречными моментами явл-ся глаза,
 в балете - ноги.
 Существует целая система глаза: (брови...)
 Красота человека в характерности.
 Глаза много говорят. Это не только ор-
 ган зрения, но и орган выражения.
 Лицо при изучении делится на комплексы.
 1) Система глаз, губ, посадки головы,
 руки.
 + Лицо торжествует, руки млеют.
 В балете даже движения передают содержание.

Красивость не есть эстетическое (15)
красивое

Искусство } имеют содержание
музыка }

Архитектура не имеет, но это тоже иск-во.

III Искусство. Ленинская теория отражения лежит в основе искусства. Искусство познается с помощью образа.

Образ. Вот 6 признаков образа

- 1) Индивидуальность
- 2) Чувственная наглядность,
конкретность
- 3) Эмоциональность
- 4) Многозначность
- 5) Отношение к жизни
- 6) Отношение к своему идеалу.

Главная проблема в искусстве —
проблема условности т.е. материальное пред-
меты в иск-ве никогда не могут состоять
из одного и того же материального

Иск-во является познанием, а как познание
оно является отражением действительности
Условности;

Два условия для его существования

- 1) Люди условились не замечать этой условности.
В лит-ре не возникает проблема услов-
ности.

Условность должна передавать сигналы о
внешнем мире.

Каждое иск-во имеет цель познание,
но отличается оно материальное.

Классификация искусств

1) Временная (музыка, литература, поэзия).

2) Пространственные. Архитектура, живопись, скульптура.

3) Сценические - театр, хореография. Особь здесь и время и пространство.

Архитектура задает тон музыке.

Генриетта - похоронный марш.

Органный музыка в церкви.

Мандрачолом архитектура является пространственно ограниченной.

Классический

Романский

Готический

} Стили архитектуры.

В. позднее Римской империи строились города на передвиги. Города носили лагерный характер. Они не замыкались стенами, гл. - дорож.

Том. отчужд - стремление вверх и вокруг, охотнее лагерного и крепостного типа.

Готический торжество вертикального выражается различие между несовершенством и совершенством (Собор Парижской Богоматери).

Ренессанс - горизонталь

Барокко (Винчеза, Виллентос)

Изменение, сочетание горизонт. и вертикаль.

Дальше пластики связан с архитектурой.

Пластика (бронза, медь, металл, глина, камень).

Здесь пластики

пейзаж

круглая пластина

пластическая миниатюра

барельеф - низкое

картина - плоские карнизы (статуи)

картина доведена отрадам или
действие или вообще в жизни человека.

(17)

Марксистская эстетика:

- 1) Отвлечение от конкретных фактов прекрасного
- 2) Не определили предмета эстетики и место эстетики
- 3) Говорили, что иск-во не действительно, отрицают творчество в эстетике.

Ист. картины Чайковского.

**Лекции М.М. Бахтина по истории зарубежной литературы
в записи М.А. Бебана**

Часть 3

Публикация, вступительная статья и примечания И.В. Ключевой

© 2020 И.В. Ключева

*Ключева Ирина Васильевна, кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов,
аналитик Центра М.М. Бахтина
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Аннотация. В публикации представлены расшифровка и комментирование фрагмента лекций М.М. Бахтина, прочитанных в Мордовском государственном педагогическом институте (ныне Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва) во втором семестре 1936/37 учебного года и записанных мокша-мордовским писателем, одним из родоначальников профессиональной мордовской литературы, в то время – студентом литературного факультета М.А. Бебаном. Фрагмент посвящен рассмотрению темы «Становление литературы бюргерства (XII–XIII вв.)».

Ключевые слова: М.М. Бахтин, М.А. Бебан, лекции по истории литературы, западноевропейская литература Средних веков.

Продолжаем публикацию лекций Михаила Михайловича Бахтина по истории зарубежной литературы в записи студента Максима Афанасьевича Бебана, начатую в № 1–2 журнала «Бахтинский вестник».

Представленная здесь тема «Становление литературы бюргерства (XII–XIII вв.)» читалась Бахтиным в марте 1937 г. Были рассмотрены следующие вопросы: «Шванк и фавлю», «Драматические жанры» (миракль, мистерия, моралите, фарс), «Синтетические произведения Средних веков (XIII–XIV вв.)». «Синтетическими произведениями Средних веков» Бахтин называет особую группу произведений, появившихся во второй половине XIII в. (сначала в Италии, затем во Франции и Англии), которые «еще не являются произведениями Нового времени... лежат на рубеже Нового времени... пытаются дать анализ средневековому мировоззрению, подытожить прошлое и отметить черты будущего». Бахтин подчеркивает, что эти произведения энциклопедичны, т. к. дают анализ своего времени. К этой группе произведений Бахтин относит французский «Роман о Розе» (Гильома де Лориса и Жана де Мена), «Видение о Петре-пахаре» Уильяма Ленгленда и «Божественную комедию» Данте Алигьери.

Основное место в данном фрагменте занимает анализ «Божественной комедии», которая рассматривается в контексте всего творчества Данте и шире – в контексте западноевропейской культуры его времени. Бахтин не случайно упоминает здесь А.Н. Веселовского: рассматривая творчество Данте, он следует установке Веселовского, говорившего о «двойной задаче», стоящей перед исследователями творчества великого поэта и его эпохи: раскрыть внутреннюю жизнь общества через анализ идейно-художественного мира великих произведений, а условия создания этих произведений проследить в особенностях жизни общества [1, с. 1]. «История литературы есть именно история культуры... Скажите мне, как народ жил, и я вам скажу, как он писал» [2, с. 389,

390].

Бахтин утверждает, что это произведение является «грандиозным философско-художественным синтезом средневековой культуры», «синтезом творчества самого Данте» и синтезом «всей феодальной литературы».

Лектор подчеркивает, что поэма Данте (как «Роман о Розе» и произведение Ленгленда) написана в форме видения (видений), которая была распространена на исходе Средних веков (заметим, что Бахтин называет видения не жанром, а формой литературы).

Как и в предыдущих публикациях текстов лекций Бахтина в записи Бебана, арабские цифры, которые студент часто использует для обозначения веков, мы заменяем на римские. Без специального пояснения убираются сделанные студентом в процессе записи подчеркивания (для выделения некоторых слов, фраз и предложений нами используется курсив или жирный шрифт).

Там, где необходимо, нами вводятся или убираются кавычки, меняются некоторые другие знаки препинания.

Очевидные орфографические и грамматические ошибки, неверные написания имен собственных исправляются без пояснений. Без оговорок исправления вносятся в тех случаях, когда производится замена строчной буквы на заглавную и наоборот. Так, все слова, связанные с христианским вероучением и культом («Бог», «Божий», «Божья Мать»/«Богоматерь», «Евангелие», «Страшный Суд», «Сатана» и т. п.) студент записывает со строчной буквы – в соответствии с правилами орфографии советского времени. Мы исправляем это написание по правилам современной орфографии.

Наши примечания даются в виде постраничных сносок.

<М.М. Бахтин>
ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ
(ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА)
(Продолжение)

5. Становление литературы бюргерства – горожан (XII–XIII вв.)

Феодальный город-государство превращается из феодального поместья в город с рынком, торговлей. Развивается денежное хозяйство. Разлагается натуральное феодальное хозяйство. Город – уже не органическая часть феодального государства-поместья, а противоположение ему. Диалектическая противоречивость. Сознание горожан меняется, появляется враждебность к феодальной знати. Идеология горожан противоположна и враждебна феодальной идеологии.

<Шванк и фаблио>. Формы (наиболее ранние) литературы бюргерства: стихотворный рассказ – *шванки* (в Германии), *фаблио* (Франция).

Тема шванка или фаблио – сатира на феодальное общество. Поп и монах – главные отрицательные фигуры. Затем рыцарь-ухажер, обманщик, хвастун. Скупой, жадный горожанин, очень часто – жена горожанина, изменяющая с попом и рыцарем. Крестьянин – реалистически мыслящий, хитрый. Он противопоставляется бестолковым, бездельным рыцарям.

Шванк и фаблио относятся к XII веку. Их дошло около 150 штук. Они анонимные. Жили в устной традиции.

1. Фаблио «О корове Буренке и Белянке»¹.
2. «Завещание осла» (осмеивается также поп).
3. «Как крестьянин попал в рай». Имеет антиклерикальное (антирелигиозное) содержание.
4. «Крестьянин-лекарь» (Мольер разработал в «Доктора поневоле»).

¹ Название фаблио – «О Буренке, поповской корове» («Brunain, la vache du Prêtre»).

Богатое развитие получает в XII–XIV вв. рассказ о животных – басня, в особенности повесть о проделках Лисы. Эти басни осмеивают также феодалов, религию и пр. Фольклорный материал о животных в городах XII в., таким образом, собирается для осмеяния феодалов. Эти басни циклизируются, складываются поэмы-пародии на феодальный рыцарский роман.

Дошла французская версия – роман о Ренарелисе, позже в Германии (в XVI в.)² была версия нидерландская о Фуксе (Гете, «Рейнеке-Лис»).

Французская версия рисует борьбу между двумя феодалами – Лисой и Волком. Рисуются парламент-суд пародийно. Пародия на папскую курию.

Французская версия больше всего пародийна, а нидерландская сатирична.

Шутовской цикл. О шутах слагались всевозможные рассказы. Они приписывались к имени популярного шута, который жил когда-то при дворе короля, бояр и др. Они остросатирические. «Тиль Уленшпигель» объединяет весь этот шутовской цикл. Ряд редакций: немецкая и нидерландская. Самая острая – в XIX в. Его проработал де Костер. В романе осмеивается средневековая идеология.

Итальянский цикл прикреплен к имени Пульчинелла. Есть еще французская версия («секрет Полишинелла»).

В Средние века начинает развиваться и *плутовской цикл*, героем являлся плут. «О попе Амисе» – плуте. Штрикер, «Поп Амис».

Дурацкие циклы имели ту же направленность, что и вышеуказанные. Здесь высмеиваются не дураки, а то, что они не понимают: этикет дворянский (прием короля), осмеяние догм. Осмеяние-рикошет. Словом, осмеивается феодальный строй.

В литературе эпохи Возрождения эти циклы перерабатывались.

<Драматические жанры>. Кроме указанных форм бюргерство широко пользовалось театральной драмой. Во второй половине XII в. драма от церкви переходит в руки горожан, буржуазии. Несколько видов бюргерской драмы: *миракль* (церковный вид) и *мистерии* (вышли из церковной драмы).

<Миракль>. Миракль изображает чудо святого. Сюжет в основе имеет легенду. Но буржуазия католическую аскетическую легенду переделывает в духе буржуазного воззрения.

«Игра о Святом Николае» – драма Жана Боделя из Арраса. Написана на рубеже XII и XIII вв. Религиозная основа этой легенды переделана в духе буржуазного мировоззрения. Рисуются война между христианами и мусульманами. Николаю Чудотворцу приписана охрана буржуазного добра – эта идея буржуазная. Чудотворцу придан иронический оттенок, религиозная основа специфически перестроена <к> интересам буржуазной идеологии. Ранний буржуазный реализм (сцена в кабаке из драмы Боделя из Арраса). Формальные особенности драмы: около 20 эпизодов, не уступает европейской драме по раз- мерам. Но делится не на действия, а на эпизоды (короткие). Новый эпизод – перемена места действия.

Эти две особенности городского миракля заключаются в постановке, которая лежит на обязанности цехов: цехов искусства и поэзии. В Германии были эти цехи – мастерзингеры, т. е. горожане, объединившиеся в цехи. Во Франции такое объединение цеховиков для постановки театральных вещей называлось *пюи*, а в Нидерландах – риторскими камерами. Весь спектакль по кусочкам делился для исполнения между цехами, потому-то драма и делилась на 20 законченных эпизодов (по количеству цехов). Амплуа – специализация актеров (комики играют свою роль, любовники – свою).

Миракль «Действо о Теофиле» Рютбефа (середина XIII в.). Миф о продаже души Дьяволу. Подобен легенде о Фаусте. Священник Теофил отстранен от сана, он решил

² Неточность лектора или записи: две нидерландские стихотворные версии (одна из которых издана Хинриком ван Алькмаром) романа о Лисе (Фуксе) и немецкая поэма неизвестного автора «Reinke de Vos», на основе которой И.В. Гете написал поэму «Рейнеке-Лис» (1793), были созданы в XV в.

продать свою душу Дьяволу. Теофиль – человек большой жадности: жажда жизни, власти, влияния на людей, жадность к чувственным благам. Его бунтовство – основа пьесы. Теофиль под конец разочаровывается в Дьяволе. Примитивная, грубая логика Теофиля: Бог выгоднее, пожалуй, чем черт. Но церковь его не реабилитирует в своих правах, но Божья Мать заступается за него. Благополучный конец. Теофиль думает, как расчетливый буржуа. Аскетически-религиозного в пьесе нет доли. Идея: жадность, расчетливость, что присуще бюргерству. Таким образом религиозная идея перерабатывается в духе бюргерства. Но главное – психологическая и философская углубленность. Один из лучших мираклей Средних веков.

Мистерии. Большой разницы между <мистерией и> мираклем нет. Мистерии изображают лиц Священного Писания (или сам Христос, или другие герои Евангелия). Мистерии называют мистериями Страстей Господних. Иногда вводились апостолы как чтецы отдельных мест пьесы. Мистерии Страстей Господних были очень распространены в Средние века. Кроме мистерий Страстей Господних были мистерии об Адаме и Еве: их жизнь в раю, соблазнение их Дьяволом, изгнание их Богом. Они драматичны, поэтому и появлялись. Художественной ценности они не имеют. Они – драматизация Евангелия, творческого элемента в них нет. Скучны чрезвычайно. Но эти мистерии сыграли громадную роль. Их интермедии или интерлюдии (шутовские представления между антрактами)³ дали повод к созданию комедии. Интермедии впоследствии стали народным творчеством, комедией. Характерно, что уже в XIV в. стали писаться пьесы не для того, чтобы ставить их между мистериями. Писал их и Сервантес, и Лопе де Вега. В XVII в. ее перестали называть интермедией, а <стали называть> комедией. Мистерия, таким образом, создала комедию в XIV в.! Эта интермедия отражала идеологию ранней буржуазии.

Моралите – развивалась под непосредственным руководством феодально-католической церкви. Но здесь участвуют не живые люди, а аллегории – борьба Души и Тела, например. В содержании – два начала: Души и Тела. Изображается борьба человеческой души с грехами (их было семь). Они выходили на сцену как олицетворение греха, а не как живые люди. Впоследствии стали изображаться моральные понятия – умеренность, бережливость, скромность, а им противопоставлялись праздность, леность, мотовство и пр. Они выражали раннебуржуазную этику (XIII в.). В этом значение моралите. В XVII в. моралите приучили человека видеть олицетворения, отвлеченные понятия! Борьба чувств понимается как драматическое действие на сцене, а не как диалог в устах героев. Поэтому-то и Шекспир вводит на сцену видения, ведьм, теней и пр. Шекспир в реальность их не верил, но это наследие Средневековья. Внутренние замыслы, внутренняя борьба в людях в Средние века показывалась на сцене в виде олицетворения, аллегории. Грубая драматизация – показ внутренней борьбы человека на сцене в виде олицетворения. Эта черта осталась в елизаветинской драматургии, эта черта облегчает изучение творчества Шекспира (XVI в.).

Фарс – комическое зрелище. Но в отличие от вышеуказанных форм, фарс не писался, а только в XIV в. фарс стали писать. Это зрелище не имеет твердого сценария. Герои: хвастливый рыцарь, сварливая изменница-жена и другие. Тема обычно разворачивается непринужденно. Первоначально фарс являлся полупантомимой.

23.III.37

Фарс – твердого текста не имел. Элемент пантомимы преобладает. Игра грубая, со свалкой, очень динамическая. Дальнейшее развитие фарса: идет словесное образование, живость, интерес драматический остается, но текст укрепляется. Фарс импровизировался до XIV в., поэтому старых текстов не сохранилось. Элемент импровизации сохраняется до эпохи Возрождения. Фарс – пережиток языческих празднеств (масленичная игра). Культовая основа понемногу забывалась, фарс переходит в пантомиму, а затем и

³ Так в тексте. Имеется в виду – в антрактах, между актами.

приобретает текст. Маски фарса совпадают с персонажами фаблю. Фарс «Адвокат Патлен» (XV в.), где дается образ ловкого городского буржуа, проницательного адвоката, надувающего купца. Далее в XVII в. фарсы еще подвергались литературной переработке (Мольер).

Разветвление фарса во Франции. *Соти* (от французского «дурак», «шут»).

Синтетические произведения Средних веков (XIII–XIV вв.)

Особая группа произведений, которые еще не являются произведениями Нового времени, они лежат на рубеже Нового времени. Они пытаются дать анализ средневековому мировоззрению, подытожить прошлое и отметить черты будущего. Синтетические произведения появились во второй половине XIII в. Они энциклопедичны, т. к. дают анализ своего времени. В Италии они возникли раньше, чем во Франции и Англии.

«Роман о Розе» (французский), «Видение о Петре Пахаре» (Ленгленд) и «Божественная комедия» Данте – итоги Средневековья.

1. **«Роман о Розе»** написал Гильом де Лорис (начало XIII в.), Жан де Мен закончил. Относится к аллегорическому эпосу, т. к. действуют символы, общие понятия.

Художественное восприятие средневекового человека основывалось на аллегорическом представлении жизни. Но аллегии, отвлеченные понятия, становясь образом, драматизировались, портрет дается подробно, конкретно, со своеобразным реализмом.

Роза – один из последних символов Средневековья, он разноречив. Розой католическая церковь называла Божью Матерь, поэтому Роза первоначально есть символ Божьей Матери. Дальнейшие наслоения: роза становится символом любви (правда, довольно древний символ). Роза становится символом мудрости. Затем Роза – образ последней цели в исканиях человека, найти Розу – значит обрести блаженство, счастье, любовь – и все! Поэтому средневековый роман берет центром символа Розу. Роман построен на видениях. Нарцисс – прекрасный юноша, образ самовлюбленности. Он посмотрел в воду и влюбился в самого себя (античный миф). Первая часть романа – скитания юноши в саду – носит куртуазный, рыцарский характер. Турниры о любви. Здесь наличие куртуазного рыцарского романа, но отличается от последнего, т. к. здесь идея уже шире, и образы не живых людей, а только аллегии.

Идея отрицания всех сословий, что ценность человека зависит от себя и труд является главной целью. Критикуется средневековая сословность. Это проводит Жан де Мен в романе. Жан де Мен говорит, что надо обращаться не к религии, а к наукам. Вторая часть по своим идеям более радикальна и еще более энциклопедична, она отражает мировоззрение бюргерства. Мен вносит элементы из науки: медицины, естествознания и т. д. Во второй части герой достает Розу. Роза, по Жану де Мену, приближается к земным благам: мудрости и земному счастью, искания из аллегии отчасти превращаются в действительность.

Влияние этого романа огромно: на «Божественную комедию», на литературу эпохи Возрождения. Далее в эпоху Просвещения (XVIII в.) естественные права, высказанные Жаном де Меном, использовались.

2. **«Видение о Петре Пахаре»** (XIV в.). Возрождение в Англии было позже, чем в Италии и Франции, поэтому этот роман относится к средневековому мировоззрению, более радикален, чем «Роман о Розе». Роман отображает стремления нищенствующего крестьянства. Сам Ленгленд – деревенский священник, бедный. С традициями куртуазного романа не связан, а связан с крестьянским фольклором – песней, легендой. В этом – большая замечательность.

В XIV в. по Европе прошла чума (в Англии – три раза). Фольклор поэтому имел «чумные песни» – скорбь по погибшим родным. Песни очень поэтичны, как и шотландские. «Чумные песни» использовал в своем романе Ленгленд. Были и «чумные легенды», в которых чума описывается как наказание за грехи. Но «чумные легенды» остро бичевали и феодальное общество, и церковь, которые своими безобразиями

навлекали на народ чуму. Роман написан тоже в форме видения. Герой просыпается на прекрасном лугу, где собрались все прослойки средневекового общества. Все в ужасе от чумы. Проповедник чумы говорит о причинах чумы: причины в феодалах. Петр Пахарь знает все о чуме. Все ищут Петра. Все действия аллегорические, все в видениях. Петр Пахарь правду не говорит до тех пор, пока и короли, и помещики, и священники, епископы, и рыцари, и другие не включаются в работу Петра.

Вывод: Петр Пахарь как бы говорит, что надо работать всем и что от земледельца зависит все. Хорошо земледельцу – хорошо и королю. Но при этом Ленгленд не хочет уничтожить феодальные порядки, говоря только о том, чтобы была справедливость по отношению к крестьянину. Обвиняются и епископы в корыстолюбии. Требуется доброты, но не свержения деспотов. Радикальное произведение.

3. *«Божественная комедия» Данте* – синтетическая.

Данте – флорентинец, родился в 1265, умер в 1321. Флоренция времен Данте экономически была сильна. Географическое положение. С XIII по XV в. торговые пути из Европы на Восток. Италия была в чрезвычайно выгодных условиях в конце XIII в., поэтому в Италии раньше наступила эпоха Возрождения. От господства феодалов буржуазная Флоренция освободилась еще в XIII в. Она была самостоятельна, независима. Высшие цехи, патриции, представители старых фамилий (род Данте тоже примыкал) руководили городом. Флоренция как город раньше всех городов мира обособилась от феодальной зависимости и стал мировым городом Нового времени. Строительство флорентийских стен и борьба феодалов с горожанами. Предки Данте как лучшие представители цехов сыграли большую роль в деле обособления города от феодалов. Дороги обрекли на гибель феодалов; если раньше они строились феодалами и являлись военными, то теперь дороги свободны и торговые. Город поэтому был в интересах постройки дорог. Феодалы понимают смысл торговых дорог – могильщиков феодализма. Столкновения феодалов с горожанами. Организация централизованной власти на дороге – идея горожанина.

Появляются партии, по-разному разрешающие вопрос о централизации власти на дороге (вторая половина XIII в.). Возникает вопрос: кто должен управлять дорогами Италии? Две партии в Италии. Первая партия – гвельфская – считала, что руководить дорогами должно папство. Род Алигьери был в партии гвельфов. Другая партия – гибеллины – считала, что император Священной Италии немецкой нации должен управлять дорогами и страной. Германский император хотя и не имел никакого отношения к Риму (Италии), все же считал себя наследником Карла Великого, а поэтому претендовал на власть над Италией. Французские короли тоже претендовали на власть в Италии (Франциск I воевал с Карлом V). И папа римский претендовал на власть над всей страной. Вторая партия стояла за власть немецкого императора Священной Италии. Партия гибеллинов была реакционной – феодальной. Они были против папы и считали выгодным иметь дело с императором. Законченной программы у двух этих партий не было, они ориентировались только: одна – на папу, другая – на короля. Политической и экономической четкости в программах у них не было, так как этому очень мешал состав партий – их родовое содержание.

Во второй половине XIII в. борьба между партиями дошла до крайности. Победа перешла на сторону гвельфов. Данте занимает высокое положение во Флоренции, он был членом городского совета (муниципалитет – частично избранный, больше наследственный). Цехи феодалов не принимали в свои ряды. Но эта партия утрачивает свою роль, она желала привлечь под конец отдельных элементов из партии гибеллинов, – т. е. феодалов, чтобы окончательно укорениться, но этот тактический маневр гвельфов – втянуть на свою сторону гибеллинов – не удался.

Партия гвельфов раскололась на черных и белых; черные изгнали белых из Флоренции. Был изгнан и Данте в 1299 г. и больше во Флоренцию не возвращался. Данте лишился имущества. Он бродил по различным городам, где господствовали к этому

времени князя, графы. Данте был у них «прихлебателем». («Как горек чужой хлеб и как круты чужие пороги».) Данте суров, мрачен, после изгнания он уже не улыбался. Умирает в Равенне (небольшой итальянский городок).

Политические взгляды изменились в изгнании. Белые гвельфы утратили свою политическую роль. Данте возлагал надежды на Генриха VII, который решил твердо взять в руки Италию. Но его надежды не сбылись. Данте теперь считает, что Италию должен возглавить не папа, а монарх.

Сицилийская и болонская школа трубадуров в Провансе после его разгрома. Если серенада, сервента, канцона и баллада были первой формой провансальских трубадуров, то теперь на сицилийской и болонской почве выдвигается новая форма – сонет. Эта лирика стала более искусной⁴, изящной; с другой стороны, идет усиление лирики философской идеей, усиливается гимническая сторона – гимн в честь Божьей Матери. Влияние Мадонны. «Новый сладостный стиль» – так называются те изменения, которые претерпела провансальская лирика трубадуров на итальянской почве. Гвидо Гвиничелли⁵ был первым представителем «нового сладостного стиля». Он был учителем молодого Данте.

Первое произведение Данте – «Новая жизнь» – и есть подражание этой школе: отражается любовь самого поэта к Беатриче. Но это символ в дальнейшем творчестве Данте. Он до смерти своей любил умершую девушку. «Где любовь – там благородные чувства, где любовь – там и жизнь, без любви нет жизни» – идея Данте. Есть предположение, что Беатриче как таковая дама не существовала. Новая школа требовала *любования издали!* Брак, как и сближение, не допускается. Девушка должна остаться невинной девой и должна остаться предметом любви до конца. Это есть характер нового стиля этой школы. Беатриче – символ любви, а не реальность. Это мнение науки. Не только брак не допускается новой школой, но и сближение.

«Новая жизнь» – сборник канцон и сонетов. Беатриче, любовь и разлука. Хронологический порядок канцон и сонетов. Своеобразие: прозаический комментарий к каждой песне. Комментарий философский, символический, мистический и пр. Стройная символика чисел (3, 12, 7 и т. д.) подтверждает символический характер книги.

«Пир» – философские, богословские и политические проблемы своего времени. В «Пире» – основы мировоззрения Данте.

«Божественная комедия» – синтез всего творческого пути поэта, соединение всех ранее высказанных взглядов.

«Пир» и «Новая жизнь» написаны на тосканском диалекте итальянского языка, т. е. литературного языка еще не было. «Трактаты» же написаны на латинском языке. Два трактата: «О народном языке», «О монархии» – чисто политический трактат, где Данте изменяет своим прежним политическим взглядам; необходимость централизованной власти, но не под покровительством папы, а короля – вот трактат Данте. Упадок Италии, войны с Францией заставили писать трактат. Данте даже выступает против папы. Мысли трактата «О монархии» затем взяты в «Божественной комедии». В трактате «О народной речи» Данте высказывается за создание единого литературного итальянского языка. Этот вопрос назрел в начале XIV в., и первым выступил за это Данте.

Тосканский диалект литературного языка, на котором пишет свою «Комедию» Данте, и становится народным литературным языком Италии. До этого во всех странах единого литературного народного централизованного языка не было. Создание централизованного народного языка в то время было очень новым явлением. Во всех странах Европы писали тогда только на латинском языке, в Италии же не было еще единого национального итальянского языка. (Данте, Петрарка, Боккаччо были флорентийцами и писали на тосканском языке, они и создали народный итальянский язык.) Проблема национальных языков (литературных) в Европе назрела только в XVI в.

⁴ В записи студента: «искусственной».

⁵ М.М. Бахтин, согласно существовавшей в то время традиции, так произносит имя Гвидо Гвиничелли (Guinizelli).

(Лютер в Германии).

«Божественная комедия» Данте является грандиозным философско-художественным синтезом средневековой культуры и синтезом творчества самого Данте и всей феодальной литературы. «Комедия» написана в форме видения, как многие другие средневековые произведения (Ленгленда и др.). На исходе Средних веков вообще форма видения была очень распространена. Веселовский это явление определяет тем, что через эту форму можно показать все явления жизни, все взгляды политические и философские. Другие формы (рыцарский роман, канцоны, баллады, сонеты) очень узки и специфически ограничивают материал. Надо было сделать шаг всей средневековой культуре, шаг всему мировоззрению эпохи и наметить дальнейшие пути развития общества. Эти требования и могла удовлетворить только форма видения.

Поэма написана в стихах, так называемыми терцинами, по три строки. Рифмовка идет так:

_____	a
_____	b
_____	a
_____	b
_____	c
_____	b
_____	c

Число 3 положено в основу всей «Комедии»: 3 части, 33 песни, и каждая песня написана терциной (3 строчки).

Лейтмотив проходит по всей «Комедии»: «Любовь и движение звезд» – строчка повторяется во всех главах «Комедии».

Анализ содержания. Начинается с обоснования видения. Данте заблудился в лесу, приходит к холму. Три зверя охраняют холм, подняться не может. В этот момент за плечами видит Вергилия, тот предлагает сойти в ад. Данте смущен: ведь из ада не возвращаются. Вергилий убеждает его, что он послан девушкой Беатриче. Он соглашается идти в ад. Это пролог, который носит символический средневековый характер: лес жизни. Три зверя, заблуждение – это символика средневековая. Но из леса жизненного Данте выводит не святой или богослов, а только античный поэт Вергилий. Это очень новая струя (Нового времени) в средневековой символической. В этом отличие Данте от ранних писателей, это веяние Нового времени.

Ад рисуется конкретно – в виде воронки. В Средние века вообще все рисовалось очень конкретно. Девятый круг – самый узкий. Надпись на дверях ада. Ад создан не только всемогуществом, но и Божьей любовью – это еще средневековое понимание Божественной любви. Дальше Данте о любви пишет более человечно. Интересен эпизод у дверей ада: души, которых и ад не принимает – это люди, которые в жизни были примиренцами со всем, не примкнули ни к Дьяволу, ни к Богу. Данте говорит о людях, занявших нейтралитет в борьбе политических партий эпохи Данте. К ним величайшее презрение автора – это новая черта Нового времени.

Первый круг ада – Лимб, где находятся представители греческой и римской культуры: писатели, философы, герои. Как католик, Данте не мог поместить язычников в рай, но он и в ад не поместил, ибо Лимб – еще не ад, так как здесь они живут, блаженствуя. Блаженный Августин, конечно, поместил бы всех язычников в ад, в огонь. Представители античности очень импонируют Данте.

Второй круг: мучение тех, кто на земле блаженствовал сладострастием, любовью. Второй круг еще легкий. Таким образом, Данте проявляет любовь к земным благам любви. Другой средневековый человек посадил бы этих любовников-грешников в самый ад. Любовники в жизни носятся в вихре страсти, поэтому Данте и в аду их заставляет носиться в вихре – метафора реальности. Франческа и Паоло, разговор Данте с ними. Рассказ

Франчески представляет собой любовную новеллу в духе Возрождения – это первая новелла, затем появятся новеллы Боккаччо и др. Данте глубоко сочувствует земной любви – идея новеллы.

Эпизод шестого круга – страшный круг, где мучатся ересиархи, которые проповедовали учение, противоположное католической церкви. Ересь, отклонение от католической церкви – самый тяжелый грех, а Данте еретиков не посадил все же в самый страшный круг – девятый. Встреча Данте с Фаринатой – одним из главных вождей гибеллинов, противников Данте. Однако Данте любезно относится к своему противнику, ибо тот и в аду с великим презрением смотрит на ад. Беседа с Фаринатой носит политический характер – в духе двух борющихся партий. Но Фарината спас стены Флоренции, когда его партия (гибеллины) победила и требовала уничтожения стен.

Восьмой круг – обманщики. Характерно: обманщики <u>Данте</u> считаются худшими, чем еретики. Здесь – даже папы, которые воровали церковное добро, обманывали, продавали чины церковные (симонизм⁶). Папы в огне, головой вниз – это неделикатное отношение Данте, человека Нового, не феодального времени, к папе – наместнику Бога на земле. Идея: папа должен владеть духовной властью, но не светской.

Девятый круг – мучатся предатели и изменники. Сатана (Люцифер) с тремя пастями и тремя грешниками, среди которых Брут и Кассий – политические предатели, убийцы Юлия Цезаря. По Данте, самым крупным грешником является не еретик (как это считает католическая церковь, опора феодализма), а политические изменники. Данте в это время стоял за централизованную власть (Цезарь был объединителем этой власти в древности). Поэтому измена – самое ужасно преступление. Другой эпизод: грешники во льду, грызущие череп друг друга. Оказывается: грызущий является графом Уголино, а тот, который грызется, является архиепископом Руджери, который уморил Уголино, замурованного со всеми детьми. Этот мотив – тоже политический.

Ад хотя и символический, но Данте рисует его очень конкретно. Данте еще не порвал с мировоззрением Средневековья.

Чистилище. В другом полушарии находится. Имеет семь кругов – в зависимости от семи грехов. Преобладают символические образы, отвлеченные философские разговоры, конкретных фигур уже нет (как это было в «Аду»). Речь ведется об изображениях (символических) фигур на стене. Символическая аллегория преобладает над конкретными образами.

Земной рай. Начинается с земли, а кончается небесами, где прекрасный сад. Вергилий покидает Данте, но приходит Беатриче, которая укоряет его в том, что он в забвении, забыл любовь к своей Беатриче. Но любовь Данте – Божественная мудрость, а его занимали земные дела. Эмпирей – высшее Божественное небо.

В раю центральное место занимает с Бернардом Клервоским – организатором крестовых походов – богослов Фома Аквинский. Данте дает свои философские взгляды на религию, мир. Частично напоминают идеи в «Пире» и «Монархии». Жизненная судьба героев в раю не изображается.

Стиль Данте. «Комедия» в Средние века понималась как драматически завершенное действие, где показана не только земная судьба человека, но обязательно загробная жизнь – важна вечность души. Земная жизнь скоротечна, она определяет только куда определить человека на том свете: в рай, в ад и т. д. Поэтому Данте судьбы человечества описал в своем произведении и назвал его «Комедией»; «божественная» – оценка этой

«Комедии», слова этого у Данте не было.

Материя – зло, грех. Телесность, тяжесть материальная – хуже грех. Меньше

⁶ Более распространенный вариант наименования практики продажи и покупки церковных должностей – симония (от имени самарянского волхва Симона, который пытался выкупить у апостолов Петра и Иоанна дар (благодать) Святого Духа, т. е. купить за деньги священство).

греха – в прозрачности. Душа, если не освободилась от материальных благ, страдает в аду за грех. Материя – грех. Душа – вот что не тяжело, вот что свободно. Данте в «Аде» нарочито подчеркивает тяжесть всех образов, материальность. Тем ниже круг, чем больше материальная тяжесть, и в девятом круг, наконец, грешники во льду – в тяжести, закованные. Для большей реалистичности Данте показывает, что из-под ног Данте во время спуска с горы падают камни, тогда как Вергилий спускается без всякого шума (т. к. он умерший); у Данте – тень, Вергилий тени не имеет.

В чистилище же материальность, материя облегчается, материальное очертание героев постепенно исчезает, они становятся тенями. Если в земном раю образ Беатриче телесен, материален (она замечательно красивая женщина), образ земной прекрасной женщины, то на десятом небе она теряет свое телесное очертание, изображение материи резко отпадает, остается у Беатриче только звук голоса и свет <нрзб.>, видна как тень. Фигура орла – душа императора, души крестоносцев образуют светящийся крест, души блаженных образуют мистическую розу. Завершающий образ в «Рае» – это мистическая светящаяся роза.

Своеобразное изображение психики действующих лиц в «Аде». Он психику их показывает во внешних выражениях. Внутренняя жизнь человека изображается не в самом человеке, а вне его. Данте подражали и последующие гуманисты. Внутренние переживания человека в картинах итальянских художников изображены в их внешних формах: на лице и прочих деталях. Этой формой умело пользовался и Данте.

1. Веселовский А.Н. Данте Алигизери, его жизнь и произведения // Веселовский А.Н. Собр. соч. СПб.: Отд. русск. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1908. Т. 3. С. 1–12.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 648 с.

M.M. Bakhtin's lectures on the history of foreign literature recorded by M.A. Beban

Part 3

Publication, introductory article and notes by I.V. Klyueva

© 2020 I.V. Klyueva

*Irina V. Klyueva, Candidate of Philosophy, Associate professor
at the Department of Culturology and Library and Informational resources,
analyst of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The paper presents a decoded and commented fragment of M.M. Bakhtin's lectures as he read at the Mordovia State Pedagogical Institute (now N.P. Ogarev Mordovia State University) in the second semester of the academic year 1936/37. It was recorded by M.A. Beban – a Moksha-Mordovian writer, one of the founders of the professional Mordovian literature, that days – a student of the Faculty of Literature. The fragment includes the consideration of the theme “The formation of the Burgher literature (the XIIth–XIIIth centuries”).

Keywords: M.M. Bakhtin, M.A. Beban, lectures on the history of literature, Western European literature in the Middle Ages.

1. Veselovskij A.N. Dante Aligieri, ego zhizn' i proizvedeniya // Veselovskij A.N. Sobr. soch. SPb.: Otd. russk. yaz. i slovesnosti Imp. akad. nauk, 1908. T. 3. S. 1–12.
2. Veselovskij A.N. Istoricheskaya poetika. L.: Goslitizdat, 1940. 648 s.

5. Становление литературы
буржуазно-горожан (12-13 в.)

феодалы город-государство превращают
из феодально помещика в город с рин-
ком, торговлей, развиваются феодальное
хозяйство. Наблюдается кантура-бное
феодалное к-во, город и уже не
отличается от феодального государства
по месту, а по своему положению
ему. Владельческая собственность
сначала горожан не имеет, но в
своих владениях и феодаль-
ности, а в руках горожан

в толомина и тамбона феодалы
и в толоминах.

Формы (наиболее ранние) и жанры
литературы бюргерства: сунхотворный
рассказ - шванн ^(сказка), дэбмэ ^(сказка) (жанры)
жизни шванна или дэбмэ - сатира
на феодальное общество. Топ и
многие другие типы фигур,
жизни рыцаря - ухахот, аббатства,
монахи. Охоты, жадный горожанин,
огнегаситель - жадный горожанин,
уничтожающий с ином и рыцарем.

Крестьянство - реалистическая повесть
и легенды, легенды. Он проливает свет
на историю крестьянства, рыцарства.
Шванн и дэбмэ относятся к
12 веку. А в 13-14 веках
они являются легендами. Жизнь в рыцарской
традиции.

- 1) дэбмэ, о короле буренке и белке.
 - 2) "Завещание отца" (осмеивает
также отца)
 - 3) "Книжка о рыцарстве" (английская)
и о рыцарстве. (английская)
и о рыцарстве.
 - 4) "Крестьянская легенда". Номер раз
работал в докторе пометы.
- # Богател развиле популяру в XIX
- XIV вв. рассказ о шваннах
- басня, в особенности повесть
о приключениях Лены. Эти басни

Штрукер, по А. Лисе.

Буржские циклы имели ту же направленность что и внешнеуказанные. Это высказывается по дугам, а то, что было не покинуто. Эти оборачивающиеся вперед коротко, вперед ослепленные религией, домов. Они являются рыцарями. Словом, ослепленные предвещают смерть. В интермедиате эпохи возраждения эти циклы идут. Буржские.

Кроме указанных дуг интермедиата широко использовался интермедиат оральной. Во 2-й и 3-й в. драма от церкви переходит в руки граждан буржуазии. Космо было видов интермедиата драмы: Миражи (церковный вид) и интермедиат — вышел из церковной драмы. Миражи — изображение чуждого мироустройства в основе и много легенды. По буржуазии каждо много аспекта легенды переводятся в дуги буржуазного воззрения. Вера о Святом Кирилле драма Жан Боден из Араса.

Кантата и рубежи 12 и 13 в.в. Религиозная основа эти легенды переводятся в дуги буржуазного мироустройства искусства вопреки новому христианству и миссионерству. Религиозный интермедиат принимает образ буржуазного добра — это идея буржуазная. Интермедиат принимает идею прописанный отрывок,

религиозная основа специфическая
перестроена интересам буржуазно-
идеологии. Ранний принцип реализма
(сцена в кабаре из драмы Гюго и др.) Араго
форматные особенности драмы: около
20 эпизодов, не уступающих европейской драме
по размерам. Но делится на 2 части: первая
всего, а на эпизоды (короткие) новые эпизоды
— перемена мира действующих лиц. Эти две особенности
когда городской мирской захватывает
в постановке (к-рат. сценарий на основе
части чехов: чехов и Крестов и поэзия,
в пер. Г. М. это чехов — действующий пер-
с. с. городской, объединенность в чехов).
Вот др. такие объединения чеховитов для
постановки театру. Венгер, Коз. П. и др., а
в нидерландах — режиссерские кабинеты.
Весь спектакль по искусному делению
дней исполнения между чеховитом, под-
ложу-то драма и делится на 20 эпизодов,
коротких эпизодов (по количеству чеховитов)
Ампула — специализация актеров (количество)
играющих роль, подотмена — свои).

Миражес "Дайтово о Теодоре" Рюбена
(серед. XIII в.). Мир о продаже души д-р-
воу. любовь легкая • Фаусе. священный
Миротис откровенно Гана, он
решает продать свою душу д-р-воу.
Теодор — человек божию мажорит,
мажора, мажора, власти, мажора,
на людей, мажорит и мажорит
Гана. Это Гюго и др. — основа несл.

[illegible]

Мистерии. Боливей различна между
миссией и мистерией. Мистерия — это драма
жизни священной истории (или сам
Христос, или др. герои Евангелия).
Мистерия — это ^{мистерия} ~~мистерия~~ господних.
Иногда вводились апокрифы как
тема отг. мисс. Мистерия
стихотвор. господних были вост. распр.
в средние века. Кроме мистерий
были мисс. об Адаме и Еве,
их исшеств. в рай, соблазнение их
сатаной, изгнание их отом. Они
драматизм. по форме и содержанию.
Художественной ценности они не
имеют, они — драматизация Евангелия,
мисс. и творческого элемента в

них нест. Азучны развѣтаіно.
но эти мистерии сыграли громадную
роль. Их интермедии или интермедии
(иудовские представления между актирами
таими) дали повод к созданию
комедии. Интермедии являлись
стали народным творчеством, комедией.
Характерно, что уже в 14 веке стали
писатели писать ~~уже~~ не только, чтобы
свадьбы их, между мистериями. Точно
их и Сервантес и Лопе де Вега.
В 17 в. же переиграли называя интер-
медии (а комедии) мистериями.
создана Комедия 17 века!

Эта интермедия буржасъ адеологиче-
ски оупрощена.

Морализм — развивался под непосред-
ственным руководством
феодалов — католической церкви.
но эти представления не были чужды,
а атеистичны — борьба души и тела
капризер. В содержании — два плана
души и тела; и в форме. Борьба человек
души с грехами (их было 7)
они выходяли на сцену как олицетве-
рение греха, а не как живые люди.
Впоследствии стали изображать
моральные пороки — умеренность,
бережливость, скромность, а не про-
животное существование. Грешность, лень,
позорство и пр. Они играли и

ранне-буржуазного драмы (XIII в.).
в этом отношении морализе.
В 14 в. в морализе появились персонажи
видов олицетворения, ~~отсюда~~
от всеобщих понятий! Борьба
чуждого помысла как драматическое
действие на сцене, а не как
факт в умах героев. Поэтому
и Мексиканский вводит на сцену видо-
вых, вездых, теней и др. Мексикан
в реакцию их не верит, но это
наследие средневековья. Внутренняя
замкнутость, внутренняя борьба, которая
в средние века показывается на
сцене в виде олицетворения,
а не героя. Эта борьба драматизации
- показ внутренней борьбы человека
на сцене в виде олицетворения.
Эта борьба осталась и в Елизаветин-
ской драматургии, эта борьба
облегчает и упрощает творчество
Мексиканца (XVI в.).

Фарс - комическое зрелище.
но в отличие от фарса. Фарс,
фарс не миссия, и только в 14 в.
фарс стал миссией. Это зрелище
не имеет твердо установленного
героя. Взаимный рисунок, абордаж
изменяется - меня, и другие

Тогда облична разприваљува бидејќи
не е припушдено. Првоната е бидејќи фарс
е бидејќи полуполупа мило.

23.11.17. фарс - всеродно раса не е
элементу на тропици - црвота
да се играе фудбал, со својата, оск
омањателска. Овдешките разлики
фарса: иако словесно образование
малку, интереси при патејќи се
лозиот франтис (2). Фарс и мирот
ираване до 14 века, постојат фарс
рекорд не содржило. Елементу
амировањето содржило до ома
Возражението фарс - перошките фарс
ескојат придојде, масовно при
купило е основно бидејќи тој фарс
е фарс, фарс перошките фарс
а фарс и придојде на фарс. Фарс
фарс совпаѓа со перошките фарс
фарс и дојде придојде (Хте) - фарс
фарс образ лобот фарс
Будејќи, фарс фарс фарс
фарс фарс фарс. Фарс фарс
фарс фарс фарс фарс фарс
фарс фарс (фарс).

Развивање фарса (во франц)
Сези (от фарс фарс - фарс)

Синдромски фарс
Фарс фарс (13-14)

Фарс фарс фарс фарс фарс фарс
фарс фарс фарс фарс фарс фарс
фарс фарс фарс фарс фарс фарс

новом времени. Они являются даром
нашим, средневековому интересу
ним, и на подвиги и проле
и от мери и герр буди. Сестра
милосердия и прощ. полноты во 2-й
половине XIII в. Они эпикопед
ные, т.к. аналог своего время
в Италии они возникли раньше
чем во Франции и Англии.

• Роман о Роланде (фр.) - Введение
о Песне о Роланде (Лекции) и
• Поместье Кавендиш Данте
и средневеков.

1. Роман о Роланде написан Угеном
о Лорис (наз. 13-й), конки Ман
о Мен заказчик. Включает а
а мелодическому стиху, т.к. востор
мн. символ, обязан показать.

Худож. восприятие средневекового
человека привлечено заключается осно
в нахождении на американском пред
о авлении жизни. Но американ, от
реалистич. интерпр., глаголет отра
о грани прова по порядку за
о подробно, конкретно ко своему
о нам реализм.

Роза один из последних
 символов средневековья,
 он раскрывает. Розы
 Католич. церковь назыв
 Помогла Марья, которую
 Роза переносит в небо
 символ Помогла матери

знаменитый наставник: роза
 становится символом любви (прав
 да, до некоторой степени символ
 роза становится символом любви
 жизни, роза — образ последней цели
 и сканья человека, науки, рба
 жизни, обрета, блаженство, счастье
 любовь — всё. В романе средневековья
 роман берет за основу символ
 розу. Роман построен на видении

(Карусе — прекрасный юнец, образ
 символической любви, в котором
 вода и впадает в самозабвение
 и влюбленность)

Первая часть романа — описание юности
 с сапожником курцальтом, рыцарский лакей
 турпизм ю любви. Роза — юнец курцальт.
 риз. роман, но он начинается от последнего
 т.к. роза уже есть уже шире — образ
 не только юнца, а роман Агнесы.

Как же как любовь отразилась
 всех сословий, так чуждо
 человека зависит от любви и
 является платкой чуждо. Крестовые
 средневековая сословность. Про пра
 вую маю в романе

ман у Мен говори, што
најбо отразарат ке к ремици, а
у науци. Врата гато по
вони ивери голе радикациона и
еки голе енциклопедика, она тира-
мау мировоззрение бирерства.
Мен вноси емансипација из науци:
медицина, економика, математика и др.
Во втори гато гери догматизира
правда рога по мани до испуришти
мислаери к земским благом:
мудрости и динскому старо, иста-
ниа из атеистички отгати истра-
шениа е атеистичкоство.

Вшати епоромана ороино:
на "Помеуверенно комедии", на
мизерантуру эпохи возмудениа,
даме в эпоху арабизација/хVIII/
еуарение права, викажаниа
манон ве мен, и спобратениа.

2. "Видение о Ките Кархаре" (XIV)

Возрожд. в ХХХ. Било позне тем в ХХХ-
ли и др. по друму еубо ромен отко-
сирс к средневекному мировоззрению,
боле радикален тем романа о рога.
Роман еубо отобразил сирс и еубо
ниа кр кичекивицие пресудан-
ства. Сам Мен еубо деревенский
сидициниа, бедниа

С традиционным кружком романа
не связан, а связан с кресовскими
фольклором - иском, легендой.
В этом большая замечательность.
В XIV в. по Европе прошла чума
(в Англ. 3 раза). Фольклор подруги
имел гримасы песни - скорби по
погибшим родным. Песни очень
поэтичны как и шотландские. Чума
как песни использовал в своем
романе Лесли. Иск и гримасы
легенды, в кр. Лесли чума
описывается как наказание за
грехи. Но гримасы легенды о чуме
описании и феодалов обыва и
церков, кр. своим безобразным
наведением на народ чуму.
Роман как сказка тоже в форме
видения. Герой просыпается на
прекрасной луж, где собрались все
прелюбимые писатели средневека
ковно, обыва, все в ризах от
чумы. Проведения чумы говорит
о причинах чумы: аристок в
феодалах. Пейтер наказ знает
все о чуме - все знает Пейтера,
все действующее атеистическое,
все в видениях. Пейтер-наказ
правду не говорит о тех чумах,

пока и король и помещики, и
священники, и ^{эпископы} и дворяне, и др.
не вымогавшие в рабству пей-
ра. Вывод: Пейр-Маларс как бы
говорит, что надо раба раба
всем, и что он земледельца
даже все-хорошо земледельца
и, хорошо и королю. Но при
этом Ленгленд не хочет утрат
моих феодальных порядков
говорит только о том, что бы
была справедливость по отно-
шению к крестьянину. Так
выясняется и епископы, но
король и дворяне, и дворяне, и дворяне,
но не свершения деловых
радикальных преобразований.

3. "Поместьянные Кошелев" Данг. -
супруги, геша, ~~28~~ ²⁹ ~~на~~ ^{на} Данг,
дворовики, родились в 1265, умр. 1321,
дворовики в семье Данг. Жены много
была семья. Вспом. по сохр. с 13 по 15 в.
Фигурные и др. вещи из Европы на воор.
вспом. в семье Фигурных в хороших усав.
вспом. в конце 13 века, похоронены в Урал.
как бы памятник эпохи Возрожде-
ния. Он похоронен в семье Фигурных,
жизни и др. вещи о восточных
еще в 13 в. Она была самоубийца
независима. Вспом. член

представители патриции, суарх
галии, ~~руководители~~ (род дини) Rome
патриции) руководители кортесом.
Флоренция - как город равнее всех городов
мира обособился от феодальной ^{зависимости} ~~зависимости~~
и стал мировым городом нового времени.
Стремление Флорентийских граждан и
борьба феодаль с королевскими. Петр
ки Данте, как другие представители
челов, стремились бороться с
фео обособленные города от феодальной
борьбы овладели на всех феодах,
они равнее они шире феода
и являлись военными, то через
город свободу и торговле. Город боролся
бы с интересом к торговле. Феодаль
покинул власть и рынок город - новая
экономическая феодализм. Стремление
феод. с королевскими. Стремление централи-
зовать власть на уровне - идея центра-
лизма. Появление партии, порождая
различные вопросы о централизации
власти на уровне (23 мая XIII в). Возник
какой вопрос: кто должен управлять
городом? Кто? Все партии в Италии
1) партия ^{клерикалов} ~~клерикалов~~, кто руководит горо-
дами должны папство, католичес-
кая род либерал был в партии
гвельфов. Другая партия - либерал
сигала, кто и император священно-
учен католической партии должны
управлять городом и страной.

Германский император уже и не имел
никакого отношения к ренну (игаму),
все же сугубо сего наследников
Карла Великого, а по сути и сего
сего важными представляется на
васеж над игамей. французские
короли ранее представлялись на васеж
в игамей (французская 1-я воевал с Кар-
лом 5-м) и монархический претерпел.
на васеж над все игамей. 2-я партия
сугубо удела за васеж немецкого и
переход а сего игамей. Тюрки
губернатор была реакционной-фед-
фед-фед, они были против немцев
и сего властвовали и через село с. и. и.
переходил. Законская игамей
у обеих этих партий не было: они
ориентировались только одна на игаму,
другая на король. Коммунистическая и
экономическая германская в игамей
у них не было, т.к. игаму сего и
созав партии и их родовое содержание.
Во 2-й половине XIX века между партиями
открылся враждовал. Тогда перешла на
сторону губернатор-дворяне занимавшая выс-
шее положение во германской, они были
гласном городского совета (муниципальная игаму)
гласного игамей, но гласного больше
наследственных. Игаму германская не
принимала в свои ряды. Но эта партия
мне управлению своего рода, она же
привлекла под конец отбывающих и
сего из партии губернаторов - т.е.
гласном коммунально-германская; ко
фед-фед. 3-я партия гласном

[illegible]

концов и солей. Своеобразие: ~~к~~
проданный компьютер к каждой
книге. Коммент. философия, симво-
лизм, мистика (9, 12, 7 и др.). Сиротная
символика ~~и~~ ^{и др.} подтверждает
символический характер книги.

"Пир" — философские, богословские и
политические проблемы своего времени.
В "Пире" основа мировоззрения Данте.

"Божественная комедия" — символ
всего творческого пути поэта. Соединение
всех ранее высказанных взглядов.

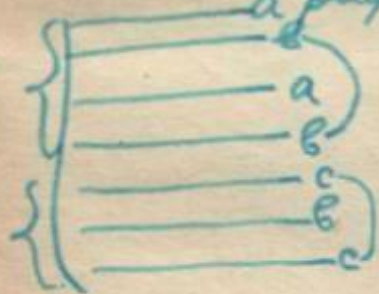
"Пир" и "Новая жизнь" написаны на
токанском диалекте флорентинского
языка, т. е. литературного языка еще
не было.

"Практика" — не написана, но лагуни-
ский язык два трактата: "о народном
языке", "о монархии" (второй политиче-
ский трактат, где Данте изложил
свои предельно политические взгляды.
Кебломингов централизованной струк-
туры не под покровом папы, а короля.
Вот трактат Данте. Упомянут Крам-
пори с францией — заглавие писателя трактата.
Данте также выступал против
папы. Известен трактат "о монар-
хии" записан в 1302 г. в Париже. Последнее
в трактате "о народном языке" Данте
высказывает за создание единого
литературного флорентинского языка.
Этот вопрос поставлен впервые в XIV в. и
первый вариант за это данте.

Тосканский диалект иттератур. языка,
с на к-ром писали свои „Каме-
рты“ Данте и Гвидо Гвиди народ-
ный язык Италии. До этого во всех
странах единого иттер. народного
цекитрализованного языка не было.
создание цекитрализованного народ-
ного языка это время было перелом-
ным в развитии. Во всех странах
европы писали тогда только
на латинском языке, в Италии же
не было еще единого нар. итальян-
ского языка. (Данте, Петрарка и
Боккаччо были флорентинцами
и писали на тосканском языке, они
и создали народный итальянский
язык). Проблема нар. языков (литер-
атурных) в Европе возникла только в
XVI веке. (Лютер в Германии).

„Романтическая комедия“ Данте
является замечательным философско-
художественным синтезом средневеко-
вой культуры и античного творчества
самой ранней всей европейской
литературы. „Комедия“ как таковая
в форме „видения“ как много-
гр. средневековые произведения. (Латин-
ская история средних веков вообще)
форма „видения“ была переломной
циркуляционной. Все новое

это явление определяет тем, что
 через эту форму можно показ
 за все явления жизни, все взгляды
 политические и философские, другие
 формы (рыцарский роман, как сонет, бал
 лад, сонет) олея души и спазм
 философски ораваивающа майерман.
 - кады было сдана ~~и~~ ири всей
 средневековой культуры, майерман
 мира, ири всему мировоззрению
 эпохи и камеризм дажей
 ири радвижнх об-ва.
 эти требования и ~~то~~ могло удовлетв
 ворит только форма "видения".
 поэма написана в стихах Г.М. Гершмана
 и, по 3 суротки, ~~ра~~
 а рифмовка идет так:

число три положено
 в основу всей "Комедии".
 3 части, 33 песни, и каждая
 песня написана терци
 ной (3 суротки).

лейтмотив проходит по всей комедии, ~~и~~ ~~и~~
 и форма ~~и~~ ~~и~~ - суротка поврра
 ется во всех частях "Комедии".

Анализ содержания. Каким образом
 нованна видения. Зане заблудчнх
 лесу, прихотит к жонку, 3 суротки
 жонку, подиждит не может, в зроби
 мени, за некаши видет вершнх, жон
 предлагат поща в ад. Зане мучит.

ведь из ада не возвращаются. Верный
убеждает его, что он поглотит звериной
биотический. Он соглашается идти в ад.
Это — пролог, к которому посыл символический
господь для средневекового человека:
лес жизни, путь зверя, заблуждение —
— это символика средневековья.
Но из века жизненного Данте много
лучше не знает ни богов, а то что
ангелов и демонов. Верный. Это очень
новая структура/новое содержание в средне-
вековой символической. Отличие Данте
от ранних писателей, это величие нового
времени.

Аз рисуюсь конкретно в виде вора. В
сред. века вообще во всевозможных
кредитах. 9-й круг самый ужасный. Кадикс
наверху ада, ад создан на земле. Все
природное, но и божественное — это
вид средневекового понимания божественного
добра. Давно Данте о божественном
писал более человек. Интересен анализ
у Данте ада: души, к которым и ад не принадлежит,
они есть, это люди, которые в жизни были
применяли со всем, не прилежно
ни к добродетели ни к богу. Данте боится
быть о людях, забывших кайра, а
тем в борьбе полагается даровать
этого Данте. К тому величайшее
презрение автора — это новая структура
нового времени.
Первый круг ада — мучбы, где как
представитель грехов и земных

Кувшины: писарши, фалесора, зроч.
Как кайомик, дажде не мог помест
чирь яднников зре в рай, но оаи
вад не поместит, або мило ризе
не баг, т.н. здег оти живуть, блажен-
ствиде. Блаженный Абушайин какотко
поместит би всех яднников в ад,
в оионь. Представителю анджкоди ога
чмаотируде даждо.

2-й крр: мурание зех, кито на зохле
блаженствиде сладоуражде, мотовно
2-й крр еще легки. М.о. дажде про-
авичеу мовок а земаки бидан,
мовом. Орун средневенови человек
посади би зух моватников - сред-
нелик в самый ад. Моватном
в земди коиха в вихре оуради
подрому даждо и в аду чх захови
челу коиха в вихре, - моватном
реальность. Франгеско и Павло, каже
вор даждо с кими рассказ Франгеско
предоставляе собо моватную мовому
в духе возмездия, - биде первая
повеленна, дажде моватном мовоме по
каким и др. дажде мовоме соубову
«земки мовоме - мовоме мовоме». С
2-й крр б-во крра, страннаи крр,
где моватном ересмартхи, крне
пропотковани чужие, пропоткован-
номне Каромгеско чужие.
Ерес, отклонение от Каромгес-
ской державы - самый жидкий
прек, а дажде ересков не моватном

везде в самых страшных крр-9:
~~ранее~~ Вспота Данте с гарибальди-
содино ~~был~~ из главных вожаков
чехословацких - прозавников Данте.
Однако, Данте повсюду относится к
своему противнику, что зли и вату
с великим презрением отнеси
риту на ад. Песня с гарибальди
кошм по-инженерской хараху в
этих двух борющихся партиях. Но
партия сис седи флоренции, когда
его партиа (чехословацкая) победила
и требовали унизить ее.

В крр - обманщики. харахуно:
обманщики Данте считался худшим
тем ережик. Золотые даны, крне
воровали церков. добро, обманывали,
прозавали чихи церковные - (симо-
низм). Данте в огне с головой вниз,
это иудейское отпоевие ранго-
человка новою корсидачною брешем-
к нано, наисорнику цар бже на
земле. Идет: дана во-мнеи владет
духовно властью, но не светской.

9-й крр. - мурат предатели и чужез-
нцы (сарана с 33 насрми с 33
гребниками, среди крне брши и
Касси^{похитер} по-инженерские предатели,
убийца Юлиа Цезаря. Но Данте
самым другим грешником явля-
ется не ережик (како то чхаси

Каждый чертёж, опора фредамуша
а полиграфские измешники. Банда
в это время уже за центрами
банную восток (царь был обескуражен
милити эти восток + фредамуша), под
тому имена-самая значащая
преступление. Вот эти: грешники
и во лоду, грешники грешники
оруд, оканчивая: грешники ача
суд царю и Уго много, а Гри, Гри
грешники, авторство Гри, к-ри
много Уго много да мурованного
со всеми детьми. Гри много Гри
полиграфские.

Аз хиз и автоматный, по разе
рисует его очень конкретно. ранее
не Борван с мировоззрением
средневековья.

Тиринские. В оруд по уши находится.
и много 7 коров зависимости от 7 срок
зрелости от царя. Преобладают
индивидуальные образы, отвлеченные фигуры
посоки размеры конкретных фигур
уже не (как это было в луду) уже
ведется от изображения (символически)
визуально уже. Символически а слог
преобладают над конкр. образами.

Земной раб. капни с земли и коня
гараж то кабеса уже прекрасный
сад. Верхний показывает банда, но
присоединяет. Биографии, к-ры уже а

растворю его в ром, чтобы он в заоблачных
заблуждениях любви к своей похоти.
но любовь да не — божественная
любовь, а похотливая и земная
любовь. Энциклопедия божественная
любовь к себе.

В романе у цыган. место замечательное
в Бернгарде ~~Бернгарде~~ ^{Бернгарде}, француз-
торопящийся похотливым, божествен-
ным, и в романе охотливым
да не даю свои философские взгля-
ды на религию, мир, государство
каноническую идею в мире —
в монархии. Мужская судьба
идея в романе по автору мажору.

Стиндхольд. Комедия в прозе
как драматическое завершение
действительности. где показана картина
жизни и судьбы человека, по образу
запретная жизнь, — Валера ветреный
дух. Жизнь и смерть спорит
она предвещает роковую судьбу
жизни человека. Жизнь и смерть: в
романе, а в г.д. поэт и автор
судьбы человека и жизни в
своем произведении и назван его
«Комедия», божественная =
жизнь и смерть. Комедия, судьба
жизни и смерти.

интересную розу. Завершающий
образ в ряду — это интригующая,
визуальная роза: ~~ах~~

своеобразное изображение психики
действующих лиц в Аз. Он истинно
их показывает во внешних кро-
мешках. Внутренняя жизнь человека
изображена не в самом человеке,
а во внеш. Даны подробности и
настроение гуманизма. Внутренние
переживания ~~тоже~~ в карт. Итальянских
художников изображены в их внешних
формах: на лице и прочих деталях.
Этой формой можно пользоваться и раз.

Эпоха Раннего Возрождения

Первое Возрождение — XI-XIII вв. с Прованса.
но в XIII в. упадок. Но вот с конца XIII
Возрождение в изобразительном искусстве —
животные снова появляются на сцену и
в XIV в. все происходит резко востанов-
ление Возрождения, но не переборот,
переборот не происходит в XVI в.
Возрождение — возврат культуры и эстети-
ки образцам, побиравание чужой культу-
ры.

В Италии эпоха Возрождения делится на
3 периода: XIV в. — раннее Возр., XV в. — средн.
и 16 век — поздний В-
и 16 век — наивысший расцвет ~~эпохи~~ античной
культуры в средние века. Эти 3 периода
Возрождения. Зависят от экономики.

«Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения»*

© 2020 М.А. Бабушкина, С.А. Дубровская

*Бабушкина Мария Александровна, преподаватель кафедры русского языка как иностранного
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: fairysky@yandex.ru*

*Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского
языка как иностранного, заместитель директора Центра М.М. Бахтина
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва. Саранск, Республика Мордовия, Россия

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта №18–012–00341 А «Бахтинская энциклопедия»*

Аннотация. Публикация представляет словарную статью, подготовленную для «Бахтинской энциклопедии». В приложении – статья В. Николаева «Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения»

Ключевые слова: газета «Культура и жизнь», В. Николаев, Институт мировой литературы АН СССР им. А.М. Горького, диссертация М.М. Бахтина.

«Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения» – статья В. Николаева, опубликованная в газете «Культура и жизнь» 20 ноября 1947 года [5, с. 3].

Основной целью статьи являлось разоблачение автором, инструктором управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), профессиональным литературоведом и литературным критиком, «порочной деятельности» руководства Института мировой литературы АН СССР им. А.М. Горького. Статья была написана в рамках активной борьбы В. Николаева и его единомышленников с руководством сектора художественной литературы агитпропа, и ее появление было лишь одним из ходов в этой длительной и опасной игре. Чередуя подобного рода публикации с докладными записками руководству, Николаев и его соавторы пытались скомпрометировать своих конкурентов, в частности выходцев из ленинградской книгоиздательской среды (Д.Д. Обломиевского, Афанасьеву, Бялика, М. Лифшица, Юнович, Гринберга) и пробиться на занимаемые ими должности.

Одновременно содержание статьи полностью соответствовало установкам агитпропа на искоренение пережитков «буржуазного академизма» и западных влияний в советском литературоведении и окончательном переводе его на позиции социалистического реализма.

Публикация статьи решала одну из поставленных перед газетой задач. В проекте постановления «О газете Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)» говорилось: «Основной задачей газеты должна являться критика недостатков в различных областях идеологической работы. <...> Газета должна систематически разъяснять задачи, выдвигаемые партией в области идеологической работы, и отражать в своих статьях и материалах решения и указания ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии и культуры, пропаганды и печати. На страницах газеты необходимо систематически публиковать... критические статьи и рецензии на научные доклады, лекции и диссертации в области истории, экономики, права, философии и других общественных наук» [цит по: 6, с. 44].

Критика диссертации М.М. Бахтина не была самоцелью автора: защищенная в

институте работа с предложенной Николаевым интерпретацией ее содержания оказалась удобным примером порочной деятельности руководства института: «В ноябре 1946 года Ученый совет института присудил докторскую степень за псевдонаучную, фрейдистскую по своей методологии диссертацию Бахтина на тему “Рабле в истории реализма”. В этом “труде” серьезно разрабатываются такие “проблемы”, как “гротескный образ тела” и “образы материально-телесного низа” в произведениях Рабле и т.п.

Невнимание к теории, к вопросам марксистско-ленинской философии и эстетики является основной причиной позорных провалов в деятельности института. В его работе не было боевого большевистского духа, правильного понимания политических задач, стоящих перед советской наукой. Институт заражен боязнью, трусостью в постановке, в решении острых и актуальных вопросов».

После публикации статьи, осенью 1947 года, были отстранены от занимаемых должностей директор (В.Ф. Шишмарев) и заместитель директора (Н.К. Кирпотин).

Необходимо добавить, что статья не имела роковых последствий для самого Бахтина: по воспоминаниям В.Б. Естифеевой, попытка организовать обсуждение диссертации Бахтина в Мордовском пединституте в соответствии с оценкой, данной в газете «Культура и жизнь», провалилась, поскольку эта инициатива не была поддержана руководством института. Естифеева писала: «Высокое начальство Саранска нашло необходимым прореагировать на публикацию в центральной прессе, и кафедра литературы пединститута получила задание обсудить статью В. Николаева и дать оценку диссертации М.М. Бахтина. По обычаю времени, должны выступить были намечены заранее, и в кулуарах института шли разговоры о намеченном “мероприятии”. Бахтины знали о предстоящем обсуждении. Елена Александровна не скрывала своей тревоги. Михаил Михайлович внешне был совершенно спокоен. Припоминается такая сценка. Во время перерыва между лекциями в маленькой преподавательской комнате за столом сидел Михаил Михайлович и, сделав из листка бумаги лодочку для пепла, курил. Он глубоко ушел в свои мысли и, казалось, не замечал входящих и выходящих людей и не слышал оживленной беседы сидящих невдалеке. К нему подошел преподаватель русского языка М. и негромко спросил: “Михаил Михайлович, кто такой Фрейд?” Лицо Михаила Михайловича озарила доброжелательная улыбка, и он кратко и доступно начал рассказ об австрийском враче-психиатре и его теории и методе психоанализа. Как только он заговорил, все, кто был в преподавательской, придвинулись к нему. Присутствующие имели весьма смутное представление о творце “враждебной идеологии” и, следовательно, не могли знать, что значит “фрейдистская по своей методологии”.

Однако “мероприятие” не состоялось. Директору пединститута М.Ю. Юлдашеву удалось убедить высокое начальство в том, что нецелесообразно обсуждать диссертацию, пока ВАК не высказал своего мнения» [2, с.133–134].

Ист.: Культура и жизнь. 1947. 20 нояб. № 32 (51). С. 3; Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М.: МФД: Материк, 2005. 768 с. Паньков Н.А. Вопросы и научного творчества М.М. Бахтина. М.: Изд-во МГУ, 2009. 720 с.

1. Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т.1. 592 с.; Т.2. 704 с.

2. Естифеева В.Б. Воспоминания о Бахтине (Первое десятилетие в Саранске) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 1. С. 127–151.

3. Каганович Б. Александр Александрович Смирнов. 1883–1962. СПб.: Европейский Дом, 2018. 240 с.

4. Культура и жизнь. 1947. 20 нояб. № 32 (51). С. 3.

5. Лаптунов В.И., Юрченко Т.Г., Осовский О.Е. Бахтинский хронограф. 1946–1975 // М.М. Бахтин в Саранске: док., материалы, исслед. Вып. II–III. Саранск, 2006. С. 174–191.

6. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М.: МФД: Материк, 2005. 768 с.

7. Паньков Н.А. Вопросы и научного творчества М.М. Бахтина. М.: Изд-во МГУ, 2009. 720 с.

В. Николаев. Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения // Культура и жизнь. 1947. 20 нояб. № 32 (51). С. 3.

Велики достижения советской художественной литературы: созданы талантливые произведения, правдиво отражающие борьбу нашего народа за дело революции, за победу социализма. В условиях советского строя литература стала могучим фактором общественного прогресса, делом государственной важности, родным для народа делом.

Великой ролью литературы определяется и значение литературной науки, ее большая ответственность в деле развития литературы и литературной культуры в нашей стране.

Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, советское литературоведение добилось немалых успехов в разработке теории и истории литературы. Была разбита кантианско-формалистская трактовка литературы, тесно связанная с реакционной теорией «чистого» искусства. Разоблачены буржуазно-меньшевистские, вульгарно-социологические «теории» в литературоведении. Ленинско-сталинское положение о путях развития социалистической культуры, о борьбе прогрессивно-демократических и революционных начал в культурном прошлом каждой страны явилось плодотворным основанием для изучения культуры прошлого, для научного обобщения опыта развития современной литературы. Учение товарища Сталина о советской, социалистической по содержанию и национальной по форме культуре указало советской науке о литературе пути развития литературы братских народов великого Советского Союза.

Заслугой советских ученых является большая текстологическая работа по произведениям классиков русской литературы.

Однако не на всех участках советского литературоведения идет плодотворная научная работа, не все советские литературоведы правильно понимают задачи советской литературной науки. Яркое тому свидетельство – неудовлетворительная деятельность Института мировой литературы им. М. Горького.

Институт мировой литературы им. М. Горького – крупнейшее научное учреждение в стране, призванное разрабатывать актуальные проблемы современного литературоведения. Важнейшей государственной задачей института является изучение вопросов развития многонациональной советской литературы. На первом Всесоюзном съезде писателей в 1934 году тов. Жданов указывал, что овладение методом социалистического реализма, «критического усвоения литературного наследия всех эпох представляет собой задачу, без решения которой вы, – говорил тов. Жданов писателям, – не станете инженерами человеческих душ». Этой задачей определялась и программа деятельности института мировой литературы, организованного вскоре после съезда. Он должен был помочь успешному развитию советской литературы и критики. Институт был призван разрабатывать теорию социалистического реализма, обобщать опыт советской и классической литературы, раскрывать их мировое значение.

Институт должен быть центром научно-исследовательской работы в стране по истории и теории литературы, новатором в решении вопросов передового марксистско-ленинского литературоведения. Важной задачей института является борьба со всякого рода реакционными, антинаучными теориями и взглядами, разоблачение современной упадочной буржуазной литературы.

Ни с одной из этих перечисленных задач Институт мировой литературы не справился.

Из года в год институт не выполняет планов своей научно-исследовательской работы. С благословения директора многие важные темы спокойно переключиваются из

одного года в другой.

Важнейшей задачей института являлось создание истории советской литературы. Почти восемь лет писались очерки истории советской литературы, но труд оказался совершенно неудовлетворительным, идейно порочным. Очерки были забракованы.

Институт, носящий имя великого писателя А.М. Горького, обязан был подготовить книги о личности и творчестве писателя. Но вся работа по Горькому свелась к изданию нескольких томов материалов горьковского архива. Книга «Горький и русская литература XIX–XX веков», намеченная к выпуску в 1944 году, до сих пор не готова. Почти ничего не сделала группа, изучающая жизнь и творчество Маяковского. В единственном выпущенном институтом в 1940 году сборнике материалов и исследований о Маяковском в статьях Н. Харджиева и др. проводится ошибочная апологетическая трактовка футуризма.

Институт не подготовил работ и о других крупнейших советских писателях – Ал. Толстом, А. Фадееве, М. Шолохове, о литературе в годы Великой Отечественной войны. Институт оказался оторванным от жизни и запросов советской литературы, ничем не способствовал ее развитию, не помогал росту советской литературной критики.

Одной из ответственных задач института являлась разработка вопроса о мировом значении русской классической и современной советской литературы. Институт провалил и эту работу. В «трудах» института на эту тему оказались принятые ошибочные, порочные статьи Л. Гроссмана «Толстой и Марсель Пруст», «Раскольников как мировой образ», пропитанные раболепием перед буржуазной культурой. Л. Толстой поставлен Л. Гроссманом в один ряд с декадентским французским писателем Марселем Прустом.

Неблагополучно и в области изучения русской классической литературы. В некоторых статьях сборника «Пушкин – родоначальник новой русской литературы» проводится вредная, ошибочная идея об ученической зависимости великого русского поэта от французских писателей. Институт не занимается изучением ценнейшего литературного наследства великих революционно-демократических писателей и критиков.

Главные свои усилия институт сосредоточил на изучении зарубежных литератур и притом отдаленных эпох. И эта работа оказалась идейно порочной. Труды института в этой области проникнуты духом низкопоклонства перед буржуазной культурой, раболепием перед иностранщиной. Вместо марксистско-ленинского анализа литературных явлений прошлого дается буржуазно-либеральная трактовка истории и литературы таких империалистических стран, как Англия и Америка. Выпущенный институтом том американской литературы содержит грубейшие политические ошибки: в нем идеализируются история и литература Соединенных Штатов Америки. Авторы много говорят о демократизме американской культуры и не видят ее реакционных черт.

Идеализацией Америки и ее литературы один из авторов и редактор тома американской литературы А. Старцев занимается на протяжении многих лет. В статьях, опубликованных в журнале «Интернациональная литература», Америка девятнадцатого века изображалась им как страна, свободная от внутренних противоречий.

Выпущенный ранее институтом первый том английской литературы страдает также объективистским, аполитичным изложением фактов, рассматривает явления литературы вне связи с конкретно историческими процессами, их породившими. В обеих книгах навязчиво проводится порочная антипатриотическая теория зависимости русской литературы от иностранной.

За последнее время в работе ряда литературоведов имели место серьезные ошибки, выразившиеся в игнорировании классового характера литературных явлений, в антимарксистских попытках приукрасить историю литературы. Затусhevывались отсталые реакционные стороны деятельности и творчества некоторых крупных писателей и ученых прошлого. Кому, как не институту, следовало бы обстоятельно разобраться в этих ошибках, подвергнуть их критике в печати, на научных сессиях.

Ученый совет института нередко проявляет безответственное, антигосударственное

отношение к присуждению ученых степеней по представляемым диссертациям.

Сотрудник института Гельфанд собрал в одну папку свои газетные и журнальные рецензии о некоторых малозначительных произведениях советской литературы, приложил неудачную статью о советской драматургии в 1943 году, присовокупил сюда рецензию об ивановском альманахе и о некоторых кинофильмах, разбор пьесы Шеридана в постановке МХАТ, а также сомнительные рассуждения на тему о памятниках Гоголю и Маяковскому, назвал все это «Пути развития реализма в русской советской литературе 40-х годов» и получил за эту свою «диссертацию» степень кандидата филологических наук.

В ноябре 1946 года Ученый совет института присудил докторскую степень за псевдонаучную, фрейдистскую по своей методологии диссертацию Бахтина на тему «Рабле в истории реализма». В этом «труде» серьезно разрабатываются такие «проблемы», как

«гротескный образ тела» и «образы материально-телесного низа» в произведениях Рабле и т.п.

Невнимание к теории, к вопросам марксистско-ленинской философии и эстетики является основной причиной позорных провалов в деятельности института. В его работе не было боевого большевистского духа, правильного понимания политических задач, стоящих перед советской наукой. Институт заражен боязнью, трусостью в постановке, в решении острых и актуальных вопросов.

Научный сотрудник тов. Венгеров долгие годы пишет работу о Блоке, без конца переделывая ее. Научный сотрудник тов. Тагер пять лет работал над стилем Горького и до сих пор не представил работы полностью. Каждая страница его «труда» уже стоит государству две тысячи рублей. Проф. Б. Михайловский свою работу о творческом пути Горького должен был сдать в конце 1942, но до последнего времени эта работа им еще не закончена.

Некоторые сотрудники работают в других учреждениях и наплеватьски относятся к своим обязанностям в институте. Научный сотрудник института доцент Аникст занимает должности еще в двух научных учреждениях Москвы, а в институте наскоро подписывает к печати ошибочные работы, вроде «Истории американской литературы». Ничего не сделали для института за время пребывания в нем такие научные сотрудники, как М. Гельфанд, В. Гоффеншефер, освобожденные от работы в институте.

Дирекция института не обеспечила идейно-политического и организационного руководства. Директор института Шишмарев сам находится в плену отживших литературоведческих теорий. Партийная организация института не сумела создать перелом в научной деятельности.

Исторические постановления ЦК ВКП(б) по вопросам искусства и литературы вызвали новый подъем советской литературы, всей литературной жизни в нашей стране, но в институте все осталось по-прежнему. У института не оказалось недостатка в хороших рецензиях и широковещательных заверениях, а по существу постановления ЦК ВКП(б) не стали боевой программой деятельности института.

Президиум Академии наук СССР до сих пор по серьезному не занимался институтом, не навел в нем должного порядка.

“To Overcome the Lag in Solving Urgent Problems of Literary Criticism”

© 2020 M.A. Babushkina, S.A. Dubrovskaya

Maria A. Babushkina, teacher of the Chair of Russian as a Foreign Language.

E-mail: fairysky@yandex.ru

Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor in Philology, Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language,

*Deputy Director of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The publication presents a dictionary article prepared for the Bakhtin Encyclopedia. V. Nikolaev's article "To Overcome the Lag in Solving Urgent Problems of Literary Criticism" is placed in the appendix.

Keywords: newspaper "Culture and Life", V. Nikolaev, A.M. Gorky Institute of World Literature of the USSR Academy of Sciences, M. Bakhtin's dissertation

«Против буржуазного либерализма в литературоведении (По поводу дискуссии об А. Веселовском)»*

© 2020 С.А. Дубровская

*Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора
Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва. Саранск, Республика Мордовия, Россия

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№18-012-00341 А «Бахтинская энциклопедия»*

Аннотация. Публикация представляет словарную статью, подготовленную для «Бахтинской энциклопедии». В приложении – статья «Против буржуазного либерализма в литературоведении (По поводу дискуссии об А. Веселовском)»

Ключевые слова: газета «Культура и жизнь», А.Н. Веселовский, борьба с космополитизмом, диссертация М.М. Бахтина, В.Ф. Шишмарев, В.М. Жирмунский, А.И. Белецкий, И.М. Нусинов.

«Против буржуазного либерализма в литературоведении (По поводу дискуссии об А. Веселовском)» – статья в газете «Культура и жизнь», опубликована 11 марта 1948 г. Статья стала важной вехой в набирающей силу борьбе с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом. В качестве одной из мишеней назван выдающийся отечественный литературовед академик А.Н. Веселовский и его научные труды: «В течение нескольких месяцев в журнале “Октябрь” и некоторых других литературных органах ведется дискуссия о значении историка литературы Александра Веселовского и его школы в русской науке. Чем объяснить, что такая фигура, как Веселовский, давно покрытая архивной пылью, стала предметом спора на страницах советской печати? Является ли в самом деле спорным вопрос о взглядах этого буржуазного ученого, давно отвергнутых марксизмом?

<...> Эта фигура извлечена на поверхность не случайно. Веселовский является ныне знаменем безыдейной, либерально-объективистской науки, а восхваление его научных приемов есть не только пережиток буржуазных взглядов на историю литературы, но и активная попытка со стороны некоторых ученых вернуть советскую науку к традиции буржуазного литературоведения. Воскрешение Веселовского является фактом отнюдь не прогрессивным» [6, с. 3].

Несмотря на то что статья не являлась передовицей, ее директивный характер подчеркивался отсутствием авторской подписи, что обозначало выраженную в ней позицию как позицию газеты в целом. Можно предположить, что автором статьи был инструктор агитпропа ЦК В. Николаев, специализировавшийся на вскрытии недостатков и разоблачений, враждебных происков в учреждениях науки и культуры. Неслучайно одним из объектов критики вновь выступил ИМЛИ и его конкретные сотрудники. Следует отметить, что по духу и стилистике данная статья была близка появившемуся за год до того выступлению В. Николаева «Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения» [5, с. 3] и по сути своей являлась продолжением той борьбы, которую вели сотрудники агитпропа со своими конкурентами в секторе художественной литературы, а также связанными с ними руководителями институтов АН СССР и ряда издательств.

Разоблачению в статье подверглись известные специалисты в области изучения западно-европейских литератур В.Ф. Шишмарев, В.М. Жирмунский, А.И. Белецкий, И.М. Нусинов и др.: «Начало этой кампании было положено сборникам статей, посвященных столетию со дня рождения Веселовского (“Известия Академии наук СССР”, отделение общественных наук, № 4, 1938 г.). “Свою научную генеалогию, – сообщает на страницах сборника В.Ф. Шишмарев, – мы ведем в значительной мере от Веселовского, но даже там, где перед нами построения, создавшиеся на иных путях, мы имеем дело с общей устремленностью, сложившейся под влиянием Веселовского” (стр. 39). Не менее апологетической является также статья В. М. Жирмунского, который сопоставляет работы Веселовского с произведением Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”. “Задача советского литературоведения – поднять знамя, выпавшее из рук великого ученого, и продолжить начатую им работу на основе марксистско-ленинского понимания исторического процесса в целом и специфики литературного творчества” (стр. 65). <...> С не менее странными заявлениями выступили авторы “Ученых записок” Московского университета (вып. 107) – действительный член Академии наук УССР А.И. Белецкий и А.Н. Соколов» [6, с. 3].

Публикация статьи имела значительные последствия для развития отечественного литературоведения, на долгие годы поставив под запрет компаративистские исследования. Статья обсуждалась на заседаниях кафедр и советах факультетов вузов страны. «После появления в органе ЦК ВКП (б) “Культура и жизнь” от 11 марта 1948 г. статьи “Против буржуазного либерализма в литературоведении” состоялись заседания, на которых посрамленные профессора, в том числе и Смирнов, признали свои ошибки. <...> Апогеем кампании стала пресловутая “борьба с космополитизмом” 1949 года, которая повлекла за собой увольнения, аресты и удушение научной мысли. <...> 11 апреля 1949 г. на заседании в МГУ, посвященном обличению космополитов, специалист по английской литературе В.В. Ивашева “беспощадно доносит на литературоведов Жирмунского, Мокульского и Смирнова, на сотрудника кафедры западной литературы Михальчи и др.”. В Пушкинском Доме в конце года был закрыт Западный отдел и уволены все его сотрудники <...> работа по созданию историй литератур ведущих стран Запада была передана в московский Институт мировой литературы, где она частично и была выполнена в 50–60-е гг. в совсем ином стиле, чем это было задумано В.М. Жирмунским и его единомышленниками» [4, с. 175–176].

Выразительным примером административной реакции на критику газеты может служить письмо главного редактора журнала «Октябрь» Ф.И. Панферова в Агитпроп ЦК (от 23 марта 1948 г. на имя М.А. Суслова) в связи с критикой позиции журнала, на страницах которого были представлены материалы дискуссии о научном наследии А.Н. Веселовского. В письме говорилось: «Я и все члены редколлегии журнала “Октябрь” статью “Против буржуазного либерализма в литературоведении”, опубликованную в “Культура и Жизнь”, признаем целиком и полностью правильной. Наша грубая ошибка заключается в том, что нужно было не дискутировать о Веселовском, а разоблачать буржуазно-либеральное, реакционное существо его концепции. Наша дискуссия явилась вредной шумихой, от начала и до конца ошибочной.

Я прошу Вашего совета, что нам теперь делать? Дать ли в журнале редакционную статью с признанием ошибок и с разоблачением Веселовского или послать письмо в “Культуру и Жизнь”.

Очень прошу Вас помочь мне» [цит. по: 8, с. 170].

После выхода статьи радикально изменились дальнейшие планы научной работы М.М. Бахтина: если после защиты диссертации он планировал приступить к описанию теоретической концепции Веселовского, то в новой идеологической ситуации ученый был вынужден отказаться от этой идеи [2, с. 383]

Отсылки к статье присутствовали и в ходе разбора оппонентами М.М. Бахтина «недостатков» его диссертации во время заседаний экспертного совета ВАКа и самого

ВАКа [1, с. 920–922].

Ист.: Культура и жизнь. 1948. 11 марта. С. 3. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М.: МФД: Материк, 2005. 768 с.; Каганович Б. Александр Александрович Смирнов. 1883–1962. Изд-во «Европейский Дом». СПб., 2018. 240 с.

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4(1). М.: Языки славянских культур, 2008. 1120 с.

2. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. М.: Рус. словари, 1996. 731 с.

3. Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 704 с.

4. Каганович Б. Александр Александрович Смирнов. 1883–1962. СПб.: Европейский Дом, 2018. 240 с.

5. Культура и жизнь. 1947. 20 нояб. № 32 (51). С. 3.

6. Культура и жизнь. 1948. 11 марта. С. 3

7. Лаптун В.И., Юрченко Т.Г., Осовский О.Е. Бахтинский хронограф. 1946–1975 // М.М. Бахтин в Саранске: док., материалы, исслед. Вып. II–III. Саранск, 2006. С. 174–191.

8. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М.: МФД: Материк, 2005. 768 с.

9. Паньков Н.А. Вопросы и научного творчества М.М. Бахтина. М.: Изд-во МГУ, 2009. 720 с.

Приложение

Против буржуазного либерализма в литературоведении (По поводу дискуссии об А. Веселовском) // Культура и жизнь. 1948. 11 марта. С. 3

В течение нескольких месяцев в журнале «Октябрь» и некоторых других литературных органах ведется дискуссия о значении историка литературы Александра Веселовского и его школы в русской науке. Чем объяснить, что такая фигура, как Веселовский, давно покрытая архивной пылью, стала предметом спора на страницах советской печати? Является ли в самом деле спорным вопрос о взглядах этого буржуазного ученого, давно отвергнутых марксизмом?

С некоторых пор в изданиях Академии наук СССР, Московского и Ленинградского университетов начали появляться статьи, в которых превозносятся заслуги представителей буржуазной науки о литературе. Главной темой всех этих выступлений является отчетливо выраженный призыв: «Учиться у Веселовского!».

Начало этой кампании было положено сборником статей, посвященных столетию со дня рождения Веселовского («Известия Академии наук СССР», отделение общественных наук, № 4, 1938 г.). «Свою научную генеалогию, – сообщает на страницах сборника В.Ф. Шишмарев, – мы ведем в значительной мере от Веселовского, но даже там, где перед нами построения, создавшиеся на иных путях, мы имеем дело с общей устремленностью, сложившейся под влиянием Веселовского» (стр. 39). Не менее апологетической является также статья В.М. Жирмунского, который сопоставляет работы Веселовского с произведением Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». «Задача советского литературоведения – поднять знамя, выпавшее из рук великого ученого, и продолжить начатую им работу на основе марксистско-ленинского понимания исторического процесса в целом и специфики литературного творчества» (стр. 65). В.А. Десницкий называет Веселовского «гигантом русской научной мысли» и сожалеет о том, что молодые марксисты-литературоведы недостаточно занимаются изучением этого «величайшего из русских ученых-литературоведов». В.А. Десницкий заявляет: «Учиться у него должна и наша грядущая смена» (стр. 84).

Для академика В.Ф. Шишмарева Веселовский является образцом русского человека,

подобно героям Отечественной войны («Александр Веселовский и русская литература», стр. 62, изд. Ленинградского университета, 1946). С не менее странными заявлениями выступили авторы «Ученых записок» Московского университета (вып. 107) – действительный член Академии наук УССР А.И. Белецкий и А.Н. Соколов. А. Белецкий превозносит до небес Александра Веселовского и его бездарного брата Алексея, типичного представителя либерального лакейства перед «образованным Западом». Статья А.Н. Соколова является образцом безудержной идеализации Александра Веселовского. Достаточно сказать, что, по утверждению автора, Веселовский сумел отделить диалектику Гегеля от его идеалистической системы. «Научный метод Веселовского не только пропитан материалистическим духом, но приближается к материализму и в своих предпосылках». «Историческая поэтика Веселовского еще недостаточно ассимилирована нашим литературоведением» (стр. 165, 171).

Если верить поклонникам Веселовского, автору «исторической поэтики» малого не хватало, чтобы называться марксистом. Это почти буквально было сказано академиком А.С. Орловым. «Прежние выдающиеся представители сопоставления литератур – Буслаев, Веселовский, Ив. Ник. Жданов сделали очень много наблюдений, но не исчерпали всего, и теперь своевременно продолжать их путь с поправкой на девиацию при помощи марксизма» («Известия Академии наук СССР», отделение литературы и языка, т. VI, вып. 2. 1947 г., стр. 91).

Из этих примеров ясно, что в определенных кругах фигура Веселовского выдвигается как икона и образец для подражания.

Нетрудно понять политический смысл всей кампании, направленной к вящему прославлению Веселовского. Эта фигура извлечена на поверхность не случайно. Веселовский является ныне знаменем безыдейной, либерально-объективистской науки, а восхваление его научных приемов есть не только пережиток буржуазных взглядов на историю литературы, но и активная попытка со стороны некоторых ученых вернуть советскую науку к традиции буржуазного литературоведения. Воскрешение Веселовского является фактом отнюдь не прогрессивным,

При рассмотрении вопроса о традиции Веселовского необходимо учитывать еще одно обстоятельство. До второй мировой войны буржуазная реакция в науке о литературе была представлена в первую очередь немецким литературоведением, которое в лице различных своих представителей от Ганса Наумана до Бертрама пришло к открытой поддержке гитлеризма и реакционному мифотворчеству. Разгром фашистской Германии превратил это направление в руины. На первый план выступила другая форма реакции в науке, отвечающая интересам англо-американской лжедемократии. Речь идет о возрождении старой либерально-позитивистской науки со всеми ее чертами абстрактности, безыдейности и культом чистой филологии. Не случайно центром этой реакционной филологии являются в настоящее время США, где выходят такие печатные органы буржуазного литературоведения, как «PMLA», «American journal of philology», «Trivium» и др. Имеющий солидную финансовую базу, новейший космополитизм «литературных отношений» является орудием американского влияния на культурную жизнь других народов.

В этой связи совершенно ясно, что означает вредная шумиха вокруг имени и заслуг Веселовского – типичного представителя либерально-позитивистской науки, отрицавшего самобытность русской культуры, проповедовавшего зависимость ее от культуры Запада.

«Деятельность» школы Веселовского является проявлением того низкопоклонства перед иностранщиной, которое ныне представляет собой один из самых отвратительных пережитков капитализма в сознании некоторых отсталых кругов нашей интеллигенции. Вредность традиций Веселовского ярко раскрывается в «литературоведческих» изысканиях проф. И. Нусинова, автора печально известной книги «Пушкин и мировая литература». В работах И. Нусинова, так же как и у Веселовского, мы видим стремление зачеркнуть самобытное развитие отдельных литератур, ту же тенденцию растворить

индивидуальные особенности этих литератур в абстрактных космополитических нормах, свести неисчерпаемое многообразие форм национального литературного развития к небольшому числу международных стандартов – образов, мотивов, сюжетов. Именно от традиций Веселовского идет и формализм Нусинова. Нусинов по сути дела игнорирует идейное содержание художественных произведений, порожденное жизнью, игнорирует зависимость художественного произведения от жизни и связь его с нею. Он оставляет в поле своего внимания только те сюжеты и образы, которые писатель заимствует из литературы. Именно поэтому не образы Онегина, Пугачева, Бориса Годунова, отразившие различные стороны русской жизни и истории, интересуют Нусинова у Пушкина. Не развитие действительности, не борьба классов и ее отражение в литературе составляют для Нусинова основное содержание литературного процесса, а развитие «вековых образов».

Формализм и абстрактно-метафизический подход к литературе, связанные у Нусинова с низкопоклонством перед Западом и умалением русской культуры, равнодушие к конкретной истории, к классовой борьбе, к литературе как отражению жизни, – таковы черты, характерные для книги Нусинова. К позитивисту Веселовскому проф. Нусинов пришел потому, что этот последний внутренне оказался ему ближе, чем марксизм;

Немарксистские взгляды проф. Нусинова не раз осуждались советской общественностью. Однако он упорно продолжает пропагандировать свои ошибочные воззрения. Пример проф. Нусинова наглядно показывает, что Веселовский – символ дореволюционной буржуазной традиции в науке, это мостик к идеологически чуждому берегу.

Тов. А. Фадеев в своем докладе на пленуме правления Союза писателей в июне 1947 г. своевременно поставил вопрос о вредной возне вокруг Веселовского. Совершенно правильным было выступление А. Тарасенкова в журнале «Новый мир» со статьей «Космополиты от литературоведения», в которой разоблачается реакционная сущность концепции Веселовского и его современных эпигонов. Нашлись, однако, литературные «деятели», которые не только не поняли политического смысла этой вредной возни вокруг Веселовского, но и способствовали ее усилению. Журнал «Октябрь» затеял целую дискуссию по этому поводу – ненужную, беспринципную, от начала и до конца ошибочную. Ни один из участников «дискуссии» не сумел достаточно ясно определить политическую сущность этой гальванизации Веселовского. Участники этой вредной дискуссии ведут речь о «недооценке» или «переоценке» концепции Веселовского, спорят о том, что не подлежит никакому спору: был ли Веселовский революционным демократом, приближался ли он к марксизму? Обе стороны воздают дань заслугам Веселовского и спорят в сущности лишь о пределах необходимой «поправки на девиацию при помощи марксизма», в то время как нужно было не дискутировать о Веселовском, а разоблачить буржуазно-либеральное существо его концепции и идеологический вред литературных выступлений с апологетикой реакционных взглядов Веселовского.

Александр Веселовский является буржуазным либералом, ярким противником революционно-демократического направления, направления Белинского и Чернышевского.

Казалось бы, этого обстоятельства вполне достаточно, чтобы раз навсегда прекратить пустые и праздные разговоры о каких-то положительных итогах научной деятельности Веселовского, о его мнимых заслугах перед русской наукой. Однако участники дискуссии в журнале «Октябрь» и некоторых других литературных органах заняли совершенно неправильную позицию. Примечательна с этой точки зрения статья В. Кирпотина. Характеризуя Веселовского как буржуазного либерала, Кирпотин тут же, словно испугавшись собственной «смелости», поспешно ретируется; он в своей статье «растекается мыслью по древу», пускается в пустопорожние рассуждения «о специальных ученых заслугах» Веселовского, обнаруживает в его «наследстве» нечто такое, что может «действительно сослужить пользу». Буржуазный либерализм был одним из врагов революционно-общественной мысли XIX века. Об этой истине забыл, очевидно,

Кирпотин.

Столь же шатким является выступление Л. Плоткина в «Литературной газете» от 20 сентября 1947 г. В представлении этого автора Веселовский оказывается «фигурой противоречивой». «В своем творческом развитии он испытал воздействие двух факторов, глубоко различных по своему характеру. Это, с одной стороны, передовая русская философия, а с другой – позитивизм и сравнительно-историческая школа, так называемый компаративизм».

Л. Плоткин хочет представить Веселовского выразителем передовой русской философии. Легенда о связи Веселовского с передовой русской философией покоится на одной фразе из его автобиографии: «В университете слушал санскрит у Петрова и курс сравнительной грамматики у Леонтьева. Я помню, как я был доволен, когда мне удалось приобрести первое издание Боппа. Присоедините к этому чтения, которыми тогда увлекались в университетских кружках: читали кландестинно Фейербаха, Герцена, впоследствии рвались за Боклем, за которого я и впоследствии долго ломал копья». Нужно иметь большую фантазию для того, чтобы построить на этом теорию о зависимости Веселовского от передовой русской философии. Между тем фраза о Герцене как учителе Веселовского переходит из статьи в статью. Это – легенда, факты говорят иное. Деятельность Веселовского даже буржуазными учеными всегда противопоставлялась традиции Белинского, Чернышевского и других представителей русской революционной критики XIX века. Рисовать Веселовского последователем передовой русской философии – значит извращать историческую правду.

Характеризуя Чернышевского как «последовательного демократа», Ленин отмечал, что «от его сочинений веет духом классовой борьбы». От сочинений Веселовского веет духом кабинетного гелертерства, духом академического объективизма; это типичный представитель той замкнутой в себе «учености», основным признаком которой Добролюбов считал «совершенное отсутствие жизненного начала».

Если в студенческие годы будущий ученый испытал на себе воздействие великих русских мыслителей, а затем предпочел им Штейнталей и Шереров, то подобное «противоречие» вовсе не может служить извинением или аргументом в пользу Веселовского. Деятельность Веселовского была в истории русской общественной мысли одной из ступеней вниз, она олицетворяла собой борьбу либерально-буржуазной науки с передовыми идеями русской демократической публицистики XIX века. Критика Л. Плоткина, так же как и критика Кирпотина, носит половинчатый, двусмысленный характер.

Главный недостаток критики Кирпотина, Глаголева, Плоткина и других состоит в том, что они отделяют Веселовского-ученого от Веселовского-теоретика, представителя определенной системы взглядов, если можно назвать это «системой». Первому воздается по заслугам, второй подвергается осуждению. Это неправильно. Веселовский неприемлем для нас как тип ученого. Только тем, чей кругозор ограничен «маленьким кругом профессиональных интересов» (Ленин), Веселовский может показаться значительной величиной. Смехотворны претензии рассматривать его как теоретика и учителя жизни: слишком очевидна вся мизерность этой фигуры и колоссальная дистанция, отделяющая ее от подлинных представителей действительно передовой национальной традиции. Сын образованного генерала, первый ученик в гимназии, человек, который очень гладко, с исключительной быстротой прошел все официальные ученые степени вплоть до академика и никогда не изменял своей любви к кабинетным занятиям, если не считать сотрудничества в «С.-Петербургских ведомостях», Александр Веселовский является идеалом ученого, который на все «общественные бури» смотрит из тихой гавани «домашнего уюта». Люди этого типа были мало заметны в период расцвета революционно-демократической критики школы Белинского. Когда ее представители жестоко преследовались самодержавием, культурники-академисты выступили на первый план. «Новый ряд исследователей, – пишет А.Н. Пыпин, – набирается в молодом ученом

поколении шестидесятых годов, когда совершены были новые многочисленные ученые странствования за границу, и наши молодые специалисты опять получили возможность приобщаться к истокам западной, особенно немецкой науки. Здесь образовалось, после предварительной подготовки дома, то новое ученое поколение, некоторые представители которого приобрели теперь руководящее значение в исследовании народного предания, литературы и языка» («История русской этнографии», т. 11, стр. 254). К этому «ученому поколению шестидесятых годов» принадлежал и Александр Веселовский.

Все мировоззрение А. Веселовского враждебно нам. Литература теряет у Веселовского свое великое человеческое, общественное значение. Она становится собранием внешних фактов письменности, условным выражением различных ступеней истории, предметом формальной эволюции и культурной техники. В целом Веселовский вполне примыкает к западноевропейской буржуазной социологии и теории культуры. Он полностью расходится с революционно-демократической традицией русской критики XIX века.

Перед советской наукой – огромное поле плодотворной деятельности на благо народа. Марксистско-ленинское мировоззрение дает ей прочный фундамент для научного анализа, для самостоятельного творческого изучения истории русской и мировой литературы. Образцы революционной науки наши ученые черпают из произведений ее корифеев – Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Советская историко-литературная наука высоко ценит своих великих предшественников – Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Но поднимать из гроба Веселовского и ему подобных, чтобы делать из них образец для подражания, – значит превращаться в эпигонов отсталых взглядов. Мы в особенности должны беречь сознание наших молодых научных работников от тлетворного влияния Веселовского и его эпигонов, реставраторов буржуазного либерализма в литературоведении.

Дискуссия, прошедшая в журнале «Октябрь», отдельные выступления «Литературной газеты» не принесли ничего, кроме вреда. Защитники Веселовского лишний раз показали, что под сенью юбилейного славословия в честь «гиганта русской науки» скрывается попытка возродить чуждые нам традиции безыдейного и антипатриотического буржуазного литературоведения. «Критики» Веселовского боялись сказать это прямо, они пожелали остаться в рамках «академической объективности». Тем самым они отступили от принципа большевистской партийности в литературе – главного принципа для каждого советского литературоведа.

“Against Bourgeois Liberalism in Literary Criticism (On the Discussion about A. Veselovsky)”

© 2020 S.A. Dubrovskaya

*Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor in Philology, Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language,
Deputy Director of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation: The publication presents a dictionary article prepared for the Bakhtin Encyclopedia. The article “Against Bourgeois Liberalism in Literary Criticism (On the Discussion about A. Veselovsky)” is placed in the appendix.

Keywords: newspaper “Culture and Life”, A.N. Veselovsky, fight against cosmopolitanism, M. Bakhtin’s dissertation, V.F. Shishmarev, V.M. Zhirmunsky, A.I. Beletsky, I.M. Nusinov.

Самородов Кирилл Тимофеевич*

© 2020 А.М. Шаронов, Е.А. Шаронова

*Шаронов Александр Маркович, доктор филологических наук, профессор.
E-mail: sharon.ov@mail.ru*

*Шаронова Елена Александровна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: sharon.ov@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева. Саранск, Республика Мордовия, Россия

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№18-012-00341 А «Бахтинская энциклопедия»*

Аннотация. Публикация представляет словарную статью, подготовленную для «Бахтинской энциклопедии».

Ключевые слова: К.Т. Самородов, фольклористика Мордовии, М.М. Бахтин

Самородов Кирилл Тимофеевич (15.04.1910 – 07.12.1991) – один из основоположников фольклористики и литературоведения Мордовии, собиратель, публикатор и исследователь фольклора, видный библиограф, переводчик. Человек разносторонней творческой одаренности. Доктор филологических наук (1988). Заслуженный работник культуры МАССР (1985). Лауреат Государственной премии МАССР (1989). Член Союза писателей СССР (1964). Родился в с. Н. Толковка (ныне Ковылкинского района Республики Мордовия). Окончил Мамолаевскую школу колхозной молодежи (1919), Саранский педагогический техникум (1931), МИФЛИ имени Н.Г. Чернышевского (1939), аспирантуру МНИИЯЛИЭ (1950). В 1939–1940 гг. – старший преподаватель русской литературы Темниковского учительского института, в 1941–1943 гг. – директор Старобадиковской школы Ширингушского района, в 1951–1954 гг. – редактор Мордовского государственного издательства, в 1967– 1969 гг. – доцент кафедры мордовских языков и литературы Мордовского университета, в 1940–1941, 1944–1950, 1954–1967, 1970–1978 гг. – младший, старший научный сотрудник, заведующий сектором фольклора МНИИЯЛИЭ. Участвовал в составлении серии «Устно- поэтическое творчество мордовского народа». Исследовал паремическое и обрядовое творчество мокши и эрзи, природу малых фольклорных жанров (пословица, загадка, идиома). Автор литературно-критических статей о творчестве Ф.И. Завалишина, З.Ф. Дорофеева, Ф.И. Беззубовой, В.И. Виарда, П.И. Левчаева; учебно-методических пособий и программ для школ и вузов республики, десятков хрестоматий для школ по мокшанской и эрзянской литературе. Перевел на мокшанский язык повесть Н.В.Гоголя «Ночь перед Рождеством», с эрзянского на мокшанский язык – повесть Т.А. Раптанова «Татю», эпическую поэму А.В. Рогожина «Гале», драму П.С. Кириллова «Литова».

Первая фундаментальная работа К.Т. Самородова «Мордовские пословицы и загадки. Т.1. Пословицы, присловья и поговорки» (1959) включает в себя предисловие к собранию пословиц и поговорок, тексты пословиц, присловий и поговорок и послесловие, представляющее собой теоретическое исследование обозначенных жанров фольклора. К.Т. Самородов вводит понятие **паремика** (от греч. *paroimia*, изречение, краткое и меткое выражение отдельных мыслей), дает определение предмета паремиологии. В рецензии на

работу Самородова Э.В. Померанцева, известный советский фольклорист, старший научный сотрудник института этнографии АН СССР, пишет: «Исследование это – несомненный вклад не только в мордовскую фольклористику, но и в советскую науку о народном творчестве в целом, так как оно поднимает и частично разрешает ряд насущных теоретических вопросов... Самая попытка составителя дать новую классификацию пословиц без- условно заслуживает признания и похвалы» [7, с. 192]. В последующих работах (статья «Паремическое творчество мордвы», 1975) К.Т. Самородов продолжил развитие своей теории паремиологии.

В 1964 г. К.Т. Самородов опубликовал библиографическое издание «Мордовская литература и критика. 1860–1963. Библиография», содержащее большинство известных публикаций по фольклору, этнографии и литературе Мордовии на протяжении более ста лет. Автором проведена колоссальная изыскательская работа при подготовке этой книги.

В 1975 г. в серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Том шестой. Часть вторая» опубликована «Мокшанская свадебная поэзия». Мокшанская свадьба полностью записана К.Т. Самородовым, прокомментирована им, во вступительной статье изложена ее теория. В 1980 г. К.Т. Самородов издал монографию «Мордовская обрядовая поэзия». В ней рассмотрел собрание и изучение мокшанской и эрзянской обрядовой поэзии, ее происхождение и формы бытования, представил календарно-обрядовую поэзию как наиболее древнюю, развитую и широко распространенную часть народного творчества с ее делением на циклы, жанры и виды, свадебные обряды и песни, похоронные обряды и причеты во всем их разнообразии. Отдельный раздел посвящен освещению межнациональных связей в мокшанском и эрзянском обрядовом фольклоре. Мифология обряда, изложенная К.Т. Самородовым, укладывается в классические рамки понимания ее онтологии. На основе этой монографии в 1987 г. в Московском университете К.Т. Самородов защитил докторскую диссертацию.

К.Т. Самородов – составитель и научный редактор нескольких томов серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» (1963–1987), научно-популярных изданий мокшанских и эрзянских сказок с переводами на русский язык, им написан очерк истории фольклористики Мордовии с ее периодизацией, он один из научных редакторов эпоса «Масторава» 1994 г. издания.

К.Т. Самородов сотрудничал с выдающимися фольклористами своего времени: Э.В. Померанцевой, В.К. Соколовой, Н.И. Кравцовым, Е.М. Мелетинским, В.М. Гацаком, В.П. Аникиным, Б.П. Кирданом, Ф.М. Селивановым, В.Я. Евсеевым, А.К. Микушевым, А.Е. Китиковым, академиком Паулем Аристэ, профессором П. Домокошем, выдающимся поэтом А.Т. Твардовским, учеными из Германии, Финляндии, Югославии, что придавало его имени международную известность.

В 1950–1960-е гг. К.Т. Самородов поддерживал тесные творческие связи с М.М. Бахтиным, в т.ч. и во время своей «опалы», когда по надуманным обвинениям был исключен из партии и уволен с работы, испытал, по собственному его утверждению, «влияние бахтинской методологии».

М.М. Бахтин редактировал многие статьи К.Т. Самородова, консультировал его при написании им кандидатской диссертации по пословицам и поговоркам, давал ценные советы и рекомендации при создании теории паремиологии.

К.Т. Самородов был мастером на все руки: клал лучшие в Саранске того времени печи и голландки, ремонтировал часы и радиоприемники, делал шкафы и столы. Для М.М. Бахтина он сложил печь, оказывал ему всесторонние услуги как мастерской человек. По некоторым данным, изготовил для Бахтина по собственным эскизам кресло, которое в настоящее время находится в экспозиции Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета.

В библиотеке М.М. Бахтина сохранились книги, подаренные К.Т. Самородовым:

1. Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Записки. № 18. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1958.

232 с. На переднем форзаце дарственная надпись: «Дорогому Михаилу Михайловичу Бахтину – страстному теоретику литературы от теоретика паремии. К. Самородов. 9.IX.1958» (в сборник включена статья К. Самородова «Тематическая классификация пословичных и других изречений мордовского народа») [2, с. 162]. 2. Мордовские пословицы и загадки. Т. 1. Пословицы, присловья и поговорки / предисл., послесл., прим. К.Т. Самородова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. 427 с. На титульном листе: «Дорогому Михаилу Михайловичу в знак глубокого уважения от автора. 2/XII–59 г. К. Самородов» [2, с. 163].

1. Бояркин Н.И. Самородов Кирилл Тимофеевич // Мордовия: энциклопедия: в 2 т. Т. 2: М–Я. Саранск, 2004. С. 282.

2. Издания с дарственными надписями в коллекции «Личная библиотека М.М. Бахтина» Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Мордовия: каталог / сост. Н.Н. Земкова; ред. О.А. Пальтина. Саранск, 2018. 264 с. URL: <https://natlibrarym.ru/?p=6669>

3. Кирилл Тимофеевич Самородов. К 80-летию со дня рождения. Указатель литературы. Саранск, 1990.

4. Клюева И.В., Лисунова Л.М. М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск, 2010. С.168–213.

5. Кожин В.В. Об одном «обстоятельстве» в жизни М.М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 1. С.140–152.

6. Куканова Н.Г. Бахтины в нашей жизни // Странник. 1997. № 1. С.138–141.

7. Померанцева Э.В. Пословицы мордовского народа // Русская народная поэзия (филологические записки). Горький, 1961. Вып. 1. С. 191–192.

8. Самородов Кирилл Тимофеевич // Писатели Мордовии: биобиблиогр. справ.: в 2 т. / сост.: А.И. Брыжинский, Л.П. Бойнова, Е.И. Чернов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2015. Т. 2. С. 276–282.

Samorodov Kirill Timofeevich

© 2020 A. M. Sharonov, E.A. Sharonova

Sharonov Alexander M., Doctor of Philological Sciences, Professor.

E-mail: sharon.ov@mail.ru

Elena A. Sharonova, Doctor in Philology, Professor of the Department of Russian and foreign literature.

E-mail: sharon.ov@mail.ru

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The publication presents a dictionary article prepared for the Bakhtin Encyclopedia.

Keywords: K.T. Samorodov, folklore of Mordovia, M.M. Bakhtin

Текст-фантом*

© 2020 О.О. Осовский

Осовский Олег Олегович, кандидат филологических наук.

E-mail: ofs.ooos@gmail.com

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта №18–012–00341 А «Бахтинская энциклопедия»*

Аннотация. Публикация представляет словарную статью, подготовленную для «Бахтинской энциклопедии».

Ключевые слова: научные труды М.М. Бахтина, биография мыслителя, Мордовский пединститут им. А.И. Полежаева.

Текст-фантом – условное определение ряда произведений М.М. Бахтина (статей и книг), не имеющих под собой реального авторского замысла или текста-первоисточника в архиве ученого.

Особенности биографии М.М. Бахтина и реалии его жизни закономерно создают некую «серую» зону, детали которой известны исключительно по воспоминаниям или вторичным источникам, а существующие документы не всегда могут считаться достоверными. К числу текстов-фантомов можно отнести названия произведений М.М. Бахтина, которые упомянуты им в переписке или служебных документах, но их следы никак не обнаруживаются в его архиве и не подтверждаются другими источниками и присутствуют исключительно в воспоминаниях современников, а также тексты, созданные их публика- торами из различных фрагментов собственно бахтинских текстов без участия, хотя бы минимального, самого автора. Так, отсутствие советского материала в книге «Слово в романе» объясняется тем, что эти примеры даны, как указано в примечании, «в подготовляемой нами к печати книге по стилистике советского романа». В списке научных трудов, представленном М.М. Бахтиным в 1945 г. при поступлении на работу в Мордовский пединститут им. А.И. Полежаева, фигурируют названия следующих работ, которые могут быть отнесены к текстам-фантомам: «Роман воспитания в Германии», «Вступительная статья и комментарии к отдельному изданию “Анны Карениной” Л.Н. Толстого», фигурирующие в планах работы кафедры на разные годы; монография «Художественная проза Гете», статьи «Диалог в литературе и его виды» и «Вопросы теории литературы в средней школе». В архиве М.М. Бахтина имеются материалы, перекликающиеся с тематикой и сюжетом этих работ, что, тем не менее, не позволяет говорить даже о минимальной степени их готовности.

В 1960-е гг. среди людей, в разной степени близких к окружению М.М. Бахтина, ходили разговоры о задуманных ученым книгах, в частности «книги о животных», «книги о Гоголе» или «книги об экзистенциализме». Одним из источников этой информации выступал В.Н. Турбин, но анализ его переписки с М.М. Бахтиным дает основания сделать вывод, что идея книги о животных принадлежала самому В.Н. Турбину, а его активные попытки побудить М.М. Бахтина к соавторству не имели продолжения. Ряд названий текстов-фантомов фигурирует в воспоминаниях, в т. ч. устных, саранских собеседников М.М. Бахтина, в частности доцент кафедры этики Мордовского университета С.П. Спиридонов утверждал, что М.М. Бахтин в начале 1950-х гг. подготовил для местного отделения Общества знания и даже издал брошюру о Маяковском. Аналогичные истории представлены в биографических разысканиях К. Кларк и М. Холквиста, Н.А. Панькова.

Специального разговора заслуживают тексты, изданные в 1970-е гг., прежде всего «К методологии литературоведения» и «К методологии гуманитарных наук».

Исследование сохранившихся в архиве материалов, комментарии к собранию сочинений, мемуары В.В. Кожина и С.Г. Бочарова дают основания говорить о «фантомной» природе этих текстов. Несмотря на то, что все написанное в них (за исключением редакторской правки и некоторых связей) действительно принадлежит М.М. Бахтину, факт внешнего вмешательства без участия автора, в частности соединение в один текст фрагментов разного времени написания, допущенные в результате редактирования сокращения, перестановки, акцентирование отдельных моментов (например, заметное усиление антиструктуралистской направленности), не дает оснований безоговорочно причислить эти публикации к собственно бахтинским текстам.

К текстам-фантомам не относятся «спорные тексты» или работы, замысел которых озвучивался самим М.М. Бахтиным и не был доведен до конца по объективным причинам, например трактат «Субъект нравственности и субъект права» или книга «Жанры речи».

Ист.: Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М., 1996–2012; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М., 2009; Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge (Mass.), 1984.

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Рус. словари; Языки славянских культур. Т. 1–6. 1996–2012.

2. Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск; М., 1992–2018.

3. *Турбин В.Н.* Незадолго до Водолея. М., 1994. 412 с.

4. М.М. Бахтин в Саранске. Саранск, 2002–2006. Вып. 1–3.

Phantom Text

© 2020 O.O. Osovsky

Oleg O. Osovsky, Candidate of Philological Sciences

E-mail: ofs.ooos@gmail.com

Annotation: The publication presents a dictionary article prepared for the Bakhtin Encyclopedia.

Keywords: scientific works of M.M. Bakhtin, Bakhtin's biography, Mordovia Pedagogical Institute named after A.I. Polezhaev

Саранское бахтиноведение в 2015–2019 гг. Аннотированный библиографический указатель

2015 год

1. Васильев Н.Л.

Мордовский университет в судьбе М.М. Бахтина // Феникс: науч. ежегодник кафедры культурологии и этнокультуры. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. С. 12–20.

В статье анализируется саранский период (1936–1937, 1945–1969 гг.) в жизни М.М. Бахтина. Делается вывод, что годы, проведенные ученым в столице Мордовии, оказались для него одними из самых благополучных в жизненном плане и плодотворных в творческом отношении. Именно в Саранске Бахтин в полной мере реализовал себя как вузовский преподаватель, администратор (заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы), научный руководитель 5 аспирантов. Здесь были подготовлены к печати самые известные его книги («Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»), многие статьи, вынашивались новые замыслы. Ученый активно участвовал в культурной жизни города, оставил о себе теплые воспоминания учеников, коллег. Благодаря Бахтину Саранск стал в 1960-е гг. одним из центров притяжения независимой филологической мысли.

2. Дубровская С.А.

В.Я. Пропп и М.М. Бахтин о фольклорном смехе и «смеховом слове» // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В.Я. Проппа: сб. докл. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 15–17.

Смех и «смеховое слово» занимают важнейшее место в научном наследии В.Я. Проппа и М.М. Бахтина. В статье освещаются ключевые вопросы, связанные с проблемами смеха, рассматриваются основные характеристики комического дискурса, данные учеными в ходе исследования смеховой культуры, обозначается созвучие выводов ученых по вопросам комизма и смеха.

3. Дубровская С.А., Осовский О.Е.

Становление теории «смехового слова» в трудах М.М. Бахтина 1930-х гг. // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы III Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Саранск, 21–23 мая 2014: в 2 т. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. Т. 2. С. 162–164.

Бахтинская теория смехового слова рассматривается авторами как теория, позволяющая выявить основные параметры порождения комического дискурса не только в литературном произведении, но и в культурных практиках различных исторических периодов. В статье показывается формирование теории с конца 1920-х («Проблемы творчества Достоевского») до начала 1940-х годов (рукопись о Рабле).

4. Киржаева В.П.

Об отдельных явлениях в русском терминологическом пространстве XX века: «гибридная конструкция» М.М. Бахтина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М.: Научно-информационный издательский центр и редакция журнала «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук», 2015. № 12-1. С. 138–142.

В статье рассматривается термин «гибридная конструкция» и его употребление в научных текстах М.М. Бахтина 1930–60-х гг., прослеживаются эволюция его значения и потенциал его использования в современных гуманитарных исследованиях междисциплинарного характера.

5. Ключева И.В.

М.М. Бахтин в Малеевке (1963–1966): (страницы биографии истории) // Феникс: науч. ежегодник кафедры культурологии и этнокультуры. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. С. 21–25.

В статье рассматриваются эпизоды жизни и деятельности М.М. Бахтина, связанные с его пребыванием в Доме творчества писателей в подмосковной Малеевке в 1963–1966 гг., анализируются его творческие контакты указанного периода. Источниками исследования являются материалы и документы из личной библиотеки и архива мыслителя.

6. Ключева И.В.

М.М. Бахтин между столицей и провинцией: встречи в Малеевке (1963–1966) // Центр и периферия. Саранск: Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2015. № 3. С. 102–107.

Дополненный и переработанный вариант статьи (см.: № 5).

Впервые публикуется ряд неизвестных фотографий, сделанных в Малеевке, уточняется датировка ранее опубликованных фотодокументов.

7. Ключева И.В.

Методологические основания вузовских лекций М.М. Бахтина // Успехи современного естествознания. Пенза: Издательский Дом «Академия Естествознания», 2015. № 8. С. 90–94.

Анализируются лекции М.М. Бахтина по дисциплинам «Введение в литературоведение» и «История зарубежной литературы», прочитанные в Мордовском государственном университете (до 1957 г. – педагогический институт им. А.И. Полежаева) в 1950-х гг. и записанные его студентами. Отмечается, что курсы, прочитанные Бахтиным, в целом соответствуют стандартной учебной программе, вместе с тем здесь можно почувствовать личность Бахтина, дают о себе знать его научные, эстетические и художественные предпочтения. Выявляются основные особенности и методологические основания построения этих курсов. Бахтин применяет культурологический подход к анализу литературных процессов: художественная литература рассматривается в общекультурном контексте, факты ее истории трактуются как аспект истории всей культуры, писатель предстает как представитель определенной культурно-исторической эпохи и выразитель ее ментальности. Важным методологическим основанием в построении курса лекций является принцип диалогизма (диалог между культурами разных эпох и стран, между литературой и другими видами искусства, творческий диалог между отдельными писателями и т.д.). В качестве инструмента реализации этих подходов и принципов Бахтин использует сравнительно- исторический метод: выявление сходства и различия между различными явлениями литературы и культуры. В связи с этим широко используется прием сравнения и сопоставления мотивов как мельчайших семантических элементов художественного текста. Прослеживая роль мировой литературной и общекультурной традиции в развитии русской литературы, Бахтин в то же время подчеркивает ее глубокую самобытность.

8. Ключева И.В., Гринцова О.В.

Проблема эстетической ценности в творчестве А.А. Ричардса и М.М. Бахтина // Международный журнал экспериментального образования. Пенза: Издательский Дом «Академия Естествознания», 2015. № 7. С. 94–96.

В статье рассматривается своеобразный диалог об эстетической ценности, представленный концепциями двух влиятельных представителей гуманитарной науки XX в. – основоположника семантического направления в англо-американской эстетике и литературной критике А.А. Ричардса (1893–1979) и русского мыслителя – философа, культуролога, филолога М.М. Бахтина (1895–1975). Доказывается, что Ричардс, глубоко разработавший проблему деятельности субъекта в процессе восприятия эстетической

ценности, преувеличил его роль, лишив эстетическую ценность объективного значения. Согласно Бахтину, эстетическая ценность – это результат взаимодействия субъекта и объекта.

9. Лаптун В.И.

«Он был прирожденный оратор ...» (к 120-летию со дня рождения М.М. Бахтина) // Странник. 2015. № 5. С. 179–185.

10. Лаптун В.И.

Михаил Бахтин: Саранск – Москва – Савелово... и вновь Саранск (1937–1945) // Центр и периферия. 2015. № 4. С. 75–86.

11. Лаптун В.И., Тиханов Г.

Педагогическая деятельность М.М. Бахтина (1920-е – начало 1960-х гг.) // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время – новые решения». Серия: Педагогическое образование: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.- практ. конф. – X Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время – новые решения» (г. Саранск, 26–27 нояб. 2015 г.): [Электронный ресурс] / редкол.: Т.И. Шукшина (председатель), В.И. Лаптун (отв. ред.) [и др.]; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2016.

12. Осовский О.Е.

Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1996–2012 // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка, 2015. Т. 74, № 2. С. 61–67.

Рецензия на издание Собрания сочинений М.М. Бахтина (1996–2012).

13. Осовский О.Е.

Смеховое слово как один из аспектов наследия М.М. Бахтина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М: Научно-информационный издательский центр и редакция журнала «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук», 2015. № 8-2. С. 24–28.

В статье рассматривается проблема смехового слова как важнейшего понимания теории комического М.М. Бахтина, даются его основные характеристики, анализируются современные подходы к его изучению на фоне общего состояния отечественного и зарубежного бахтиноведения.

14. Osovskii O.

Dialogues with Bakhtinian theory: proceedings of the thirteenth Mikhail Bakhtin international conference / ed. By M. Polyuha, C. Thomson, A. Wall. London, Ontario: Mestengo press, 2012. 437 p. // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 390–393.

Рецензия на сборник статей участников 13-й Международной Бахтинской конференции (Канада, 2008). Проанализированы основные подходы в современной рецепции идей М.М. Бахтина, определены тенденции дальнейшего изучения наследия ученого.

15. Осьмухина О.Ю.

Бахтинская конференция в Саранске // Филологическая регионалистика. 2015. № 4 (15-16). С. 26–28.

Статья посвящена анализу итогов VI Международных саранских Бахтинских чтений, посвященных 120-летию со дня рождения ученого, «М.М. Бахтин в современном мире» (г. Саранск, 25–26 ноября 2015 г.).

16. Осьмухина О.Ю.

«Событие бытия...»: Бахтинская конференция в Саранске // Международный

2016 год

17. Акимова Т.И.

«Галантный диалог» в системе авторских стратегий писателя XVIII века // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 163–167.

В статье освещается проблема «галантного диалога» как историко-литературного явления, характеризующего одну из форм выражения авторского сознания в художественном произведении, антонимичной разработанному в исследованиях М.М. Бахтина «полифоническому диалогу». Являясь такой же авторской интенциональностью, как и «полифонический диалог», «галантный диалог», в отличие от него функционирующий в классицистических произведениях просветительской направленности, нацелен на подчеркивание авторитета автора при внешнем взаимном уважении социальных статусов собеседников.

18. Антипкина Е.Н.

Визуальная антропология в этнографическом кино // М.М. Бахтин в современном мире: М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 248–253

Работа посвящена изучению связи визуальной антропологии и этнографического кино. В статье проведен обзор основных стилей документальных фильмов – описательный, импрессионистский, наблюдательный, рефлексивный. Выявлены принципиальные свойства визуальной антропологии и способы понимания антропологами того, что такое этнографический фильм.

19. Бакеева Д.А.

Проблема диалогизма М.М. Бахтина в контексте современной теории журналистики // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 167–172.

В статье рассматривается применение диалогической концепции М.М. Бахтина в зеркале развития массмедиа в российском информационном обществе. Проанализированы взаимоотношения разных типов журналистской деятельности, диалогические жанры, проблемы массовой коммуникации и повседневности.

20. Белкин А.И.

Пространственная и временная формы бытия литературного героя: философский аспект (к анализу философского наследия М.М. Бахтина) // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 50–60.

В данной статье рассматривается творческое наследие М.М. Бахтина, который отмечал, что в качестве одного из важных обстоятельств существования души выделяется отношение к проблеме смерти (смерти изнутри и смерти извне). Принципы оформления души есть принципы оформления внутренней жизни извне, из другого сознания. Данное обстоятельство актуально в современных гуманитарных исследованиях.

21. Беломоева О.Г.

Этнокультура в контексте проблемы диалога культур // М.М. Бахтин в

современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 253–257.

Анализируется двойственное положение этнокультуры в условиях социокультурной ситуации рубежа XX–XXI вв.: интенсификация культурных взаимодействий, в том числе с транслокальными культурными феноменами, при характерной для этнокультуры традиционности и консервативности. Автор видит разрешение проблемы в наличии в этнокультуре трех смысловых центров: «я-для-себя», «я-для-другого», «другой-для-меня», выявленных М.М. Бахтиным. Взаимодействуя, они способствуют осуществлению диалога культур, который помогает их взаимообогащению. По мнению автора, наиболее благоприятными условиями взаимодействия культур является родство происхождения. Однако отличие внешних факторов (религиозные, идеологические, политические и прочие причины) может привести к разрушению контактов. Диалог культур приобретает значение важного средства осуществления культурной политики.

22. Валуев О.С.

Эстетическое в экзистенциальном дерзании творца «меж отворяемым и претворяемым» // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 353–358.

Эстетическое в статье рассматривается экзистенциально как творящийся дух, появляющийся в творческом поле. Это поле создается благодаря экзистенциальному дерзанию реального человека-творца, приводящего к появлению «возможного другого» творящего лица, укорененного в неопределенности будущего, в невозможном. Импульс, возникающий в творческом поле, приводит к претворению окружающей действительности и отворению новой реальности, что приводит к оформлению творимого в творческом продукте.

23. Васильев Н.Л.

Мордовский университет в судьбе М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 28–33. См.: № 1.

24. Воронина Н.И.

Саранск – город Бахтина // Феникс: науч. ежегодник кафедры культурологии и этнокультуры. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 40–42.

Автор видит свою цель в актуализации для научного мира информации о саранском периоде жизни и творчества М.М. Бахтина. В статье делается попытка сквозь призму судьбы мыслителя увидеть интеллектуальную историю России.

25. Воронина Н.И.

Бахтин – Саранск – Бахтин: университетский взгляд // Гении места: Наследия культуры в современных российских городах: сб. науч. ст. и метод. материалов (прил. к монографии «Хронотопия города»). Самара: Книжное издательство, 2016. С. 14–21. См.: № 83.

26. Воронина Н.И., Мартинс А.

Метафизика музыки в диалоге русской интеллигенции XIX века // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 257–260.

В статье рассматривается философствование российской интеллигенции о музыке, которую они слушали, любили и ценили как один из феноменов духовной жизни. Именно в этой среде (А.И. Герцен, Н.П. Огарев, В.П. Боткин и др.) в середине XIX века

происходило становление проблематики философии музыки, осмысление метафизики мироустройства через взаимодействие концепции жизни и концепции творчества.

27. Грыжанкова М.Ю.

Нравственные идеалы христианства в философии М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 60–66.

В данной статье отмечается, что философия способствует восприятию и усвоению толерантности в поведении людей и жизни общества, напротив, догматическое неприятие иных, кроме официально узаконенных, взглядов не дает в своей сути положительных результатов. Сложность моментов действительности, отражаемых новейшими исследователями в научных понятиях о традиции, была отмечена еще в исследованиях М.М. Бахтина.

28. Гудкова С.П.

Процесс романизации в отечественной поэзии рубежа XX–XXI веков // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 172–177.

В статье рассматривается вопрос о процессе романизации в современной отечественной поэзии. Отталкиваясь от бахтинского понимания термина «романизация», автор статьи приходит к выводу о том, что наибольшее развитие данный процесс нашел в крупных жанровых формах: поэме, лирическом цикле, книге стихов.

29. Джиеова А.Т.

Жанр семейного романа как предмет научной рефлексии // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 358–362.

В статье анализируется специфика рецепции жанра семейного романа в отечественных научных исследованиях, в первую очередь в творчестве М.М. Бахтина. Выявляется актуальность исследования жанровой структуры семейного романа и его модификаций – семейной хроники и семейной саги.

30. Дубровская С.А.

Личность и творчество Н.М. Карамзина в восприятии М.М. Бахтина // Н.М. Карамзин: русская и национальные литературы: материалы междунар. науч.-практ. конф. 14–16 окт. 2016. Ереван: Издат. дом «Лусабац», 2016. С. 144–148.

Личность и творчество Н.М. Карамзина в научных построениях М.М. Бахтина связаны с целым рядом важнейших для мыслителя проблем: автор и герой, разноречие в романе, русскоистская линия развития идиллии, новый тип героя в сентиментализме. Анализируя историко-литературные и теоретико-литературные работы М.М. Бахтина, автор статьи выявляет интересующие ученого проблемы и вопросы наследия Н.М. Карамзина.

31. Дубровская С.А.

М.М. Бахтин о смеховом слове А.С. Пушкина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 180–185.

«Смеховое слово» – одно из важнейших понятий в научном наследии М.М. Бахтина. В статье освещаются ключевые вопросы, связанные с бахтинским взглядом на проблемы смеха и смехового слова в творчестве А.С. Пушкина. Анализируются основные характеристики, данные ученым в ходе исследования пушкинского комического дискурса.

32. Дубровская С.А.

Концепция «смехового слова» в осмыслении комического литературоведением Поволжья: к постановке проблемы // Национальная литература республик Поволжья: проблемы межкультурной коммуникации: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Казань, 21–22 нояб. 2016). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 55–58.

Статья посвящена исследованию проблемы востребованности идеи смехового слова литературоведами Поволжья. Автор выделяет в поволжском литературоведении два исследовательских поля: комическое в русской и зарубежной литературах и комическое в литературах, созданных на национальных (мордовских, марийском, татарском, чувашском) языках.

Один из возможных подходов к изучению национальных фольклорных и литературных материалов автор статьи связывает с опорой на бахтинскую концепцию смеха и смехового слова.

33. Дубровская С.А.

С.Д. Эрзя и Н.И. Шibaков: новые материалы по истории культуры и искусства Мордовии 1950–70-х годов [Рец. на кн: Мирская Н.М. Степан Эрзя под взглядом Николая Шibaкова (проблемы творчества). Саранск, 2016. 400 с.: ил.] // Вестник угроведения. № 3 (30), 2017. С.169–171.

Рецензируя книгу Н.М. Мирской, автор привлекает архивные материалы (документы Мордовского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний), в которых зафиксировано взаимодействие главного героя книги – Н.И. Шibaкова и М.М. Бахтина.

34. Елдин М.А.

Греческая духовная традиция в контексте наследия М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 77–83.

В статье рассматривается вопрос греческого духовно-культурного наследия как одна из важных проблем. В указанном плане важна методология М.М. Бахтина как важное основание научного анализа эллинизма, византизма и других социокультурных феноменов греческой цивилизации. Указывается на необходимость использования диалогического контекста в современных культурфилософских исследованиях.

35. Жадунова Н.В., Коваль Е.А., Осмонова Н.И.

Актуализация идеи М.М. Бахтина о моральном поступке в условиях информационной войны (не-алиби в информационной войне) // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 83–88.

В данной работе рассматривается проблема философии поступка в контексте проблемы информационной войны. Важная данность статьи – обращение к философии М.М. Бахтина. Проблема морального выбора в поступке является как никогда актуальной.

36. Зеткина И.А.

Диалог культур в национальном просветительстве Поволжья // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 271–275.

В статье рассматривается опыт культурного полилога в наследии национальных просветителей Поволжья второй половины XIX – начала XX века. Автор актуализирует принцип диалога культур как методологический подход к изучению многогранного явления национальной культуры – национального просветительства.

37. Казеева Е.А.

Бахтинская рецепция творчества В.Я. Брюсова // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 186–191.

В статье рассматривается специфика восприятия творчества Брюсова в трудах М.М. Бахтина. Автором установлено, что, во-первых, Бахтин определяет место Брюсова в истории русской поэзии Серебряного века, во-вторых, высказывается о личности поэта, о его взаимоотношениях с младшими символистами. И, наконец, Бахтин научно осмысливает творчество Брюсова в курсе лекций по русской литературе.

38. Киржаева В.П.

Понятие «гибридной конструкции» в терминологическом поле М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 196–200.

В статье рассматриваются термин «гибридная конструкция» и его употребление в научных текстах М.М. Бахтина 1930–1960-х гг., прослеживаются эволюция его значения и потенциал его использования в современных гуманитарных исследованиях междисциплинарного характера.

39. Киржаева В.П., Осовский О.Е.

О двух терминах М.М. Бахтина в контексте истории отечественного литературоведения XX века // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 1(43). С. 223–228.

В статье рассматривается один из важнейших аспектов научного наследия М.М. Бахтина – терминологическая система, представленная в его работах. Цель статьи – на примере двух ключевых бахтинских терминов – гибридная конструкция и смеховое слово – показать уровни терминологического взаимодействия, исследовать динамический процесс формирования этих терминов в контексте эволюции литературоведческих интересов Бахтина с опорой на методы и традиции российской исторической и социологической поэтики и современного академического литературоведения. В ходе исследования авторами был проанализирован значительный объем бахтинских текстов разных жанров (от монографий до набросков и конспектов), представленных в собрании сочинений мыслителя. Два выбранных для рассмотрения термина показывают возможные варианты изучения и осмысления различных исторических явлений в русской и зарубежной литературе и культуре. Термин «гибридная конструкция» относится к числу ключевых понятий бахтинской терминосистемы. Он возникает в работах «Бахтинского круга» («Формальный метод в литературоведении», «Слово в жизни и слово в поэзии» и др.) и сохраняется в научном творчестве Бахтина 1930–1960-х гг. («Слово в романе», рукопись о Рабле, «Проблемы поэтики Достоевского» и др.). Смеховое слово представляет один из терминов, иллюстрирующих процесс гибридизации в терминологической системе Бахтина. Оно имеет несколько значений, проецируя свою гибридность на теоретико-философский и языковой аспекты смеховой культуры. Термин «смеховое слово» возникает в процессе изучения Бахтиным феномена говорящего человека в пространстве словесного творчества, особенно на границах карнавала и народной смеховой культуры средневековья и Ренессанса. Подходы, предложенные в данной статье, могут быть использованы современным отечественным литературоведением при исследовании других бахтинских терминов и его терминологической системы в целом.

40. Ключева И.В.

Методологические основания вузовских лекций М.М. Бахтина // Человек. Культура. Образование. 2016. № 1(19). С. 62–71.

В статье анализируются лекции М.М. Бахтина по дисциплинам «Введение в литературоведение» и «История зарубежной литературы», прочитанные в Мордовском государственном университете (до 1957 г. – Мордовский педагогический институт им. А.И. Полежаева), записанные его студентами в 1950-х гг. Выявляются методологические основания построения данных курсов: культурологический подход к анализу литературных процессов, принцип диалогизма, сравнительно-исторический метод, прием сравнения и сопоставления мотивов как мельчайших семантических элементов художественного текста.

41. Ключева И.В., Лисунова Л.М.

Инскрипты ученых Мордовии на книгах из личной библиотеки М.М. Бахтина // Трансформация социальных отношений в региональном социуме. VI Сухаревские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Саранск: Научный центр социально-экономического мониторинга, 2016. С. 412–418.

Представлен обзор инскриптов ученых Мордовии на книгах из личной библиотеки М.М. Бахтина. На основе их анализа делается вывод о вкладе выдающегося мыслителя в развитие гуманитарной науки в республике.

42. Ключева И.В., Лисунова Л.М.

Произведения изобразительного искусства в фондах Центра М.М. Бахтина в Мордовском государственном университете // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 338–347.

В статье рассматривается отношение М.М. Бахтина к изобразительному искусству. Анализируются произведения изобразительного искусства – подлинники (работы Э. Неизвестного, Ю. Селиверстова и др.) и репродукции (Пьеро делла Франческа и др.), принадлежавшие ученому и вошедшие сегодня в фонды Центра М.М. Бахтина в Мордовском государственном университете.

43. Ключева И.В., Лисунова Л.М.

Центр М.М. Бахтина в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева: характеристика мемориальной коллекции // Бюллетень науки и практики. 2016. № 7 (8). С. 226–237.

В статье рассматривается история создания и характеризуется мемориальная коллекция Центра М.М. Бахтина в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарёва. Прослеживается «биография» некоторых экспонатов (предметов мебели, личных вещей, документов и т. д., принадлежавших мыслителю). Обозначаются основные функции Центра и направления его деятельности.

44. Кондратенко Ю.А.

Пространство и время в структуре выразительности танцевального языка // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 288–292.

В статье рассматриваются подходы к оценке роли пространственно-временных структур в системе выразительного языка танца. Подчеркивается, что пространство и время определяют не только специфику отбора выразительных средств, но и механизмы сложения единиц танцевальной речи в структуре хореографического текста. Основные методологические принципы для этого анализа были определены в некоторых направлениях формальной школы в искусствоведении.

45. Костина Р.Г.

Понимание любви как диалога в русской философии // М.М. Бахтин в современном мире: Материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 93–97.

В статье отмечается, что русская философия неразрывно связывает любовь со смертью, поэтому влюбленный человек сам себя истязает, воспринимает это чувство в качестве испытания души соблазном. И здесь также имеют место общеметодологические и теоретические установки особенностей русской философии.

46. Кручинкина Н.Д.

Понятия текста и диалогичности в теоретическом наследии М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 202–207.

В статье представлена парадигма определений М.М. Бахтиным его оригинального видения диалогичности текста (дискурса) в том объеме значимости понятия, которое он сам определяет как междисциплинарное и философское. В статье также проанализирована интерпретация российскими и зарубежными исследователями различных аспектов бахтинского понимания диалогичности.

47. Лаптун В.И.

О годах дружбы М.М. Бахтина с Г.С. Петровым // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. Саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого, Саранск, 25–26 нояб. 2015 г. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 207–213.

48. Логинова М.В.

Металингвистика М.М. Бахтина и современная лингвокультурология // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 7, № 2. С. 125–127.

Статья посвящена рассмотрению функционирования языка в культуре. Анализируются общие проблемы металингвистики М.М. Бахтина и лингвокультурологии, которая получила развитие во второй половине XX века. Модели металингвистики Бахтина и лингвокультурологии охватывают диалогически-коммуникативные функции языка и строятся на принципе диалога.

49. Логинова М.В.

Молчание как поступок: экзистенциальный опыт прочтения М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 292–297.

В статье определяются особенности философствования М.М. Бахтина, обосновывается философский дискурс проблемы молчания, выводятся формы молчания как поступка.

50. Ломшина Е.Н.

Хронотоп М.М. Бахтина в исследовании Этнокультуры // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 297–300.

В статье рассматриваются методологические подходы М.М. Бахтина в исследовании этнокультуры. Автор акцентирует внимание на проблеме хронотопа для изучения нравственной культуры мордовского этноса через призму ценностного

восприятия времени, пространства, символов, социокультурных связей и отношений.

51. Лысова Н.Ю.

Витебский хронотоп: образ города в творчестве Марка Шагала // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвященных 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 300–304.

В статье анализируется образ Витебска в творчестве знаменитого живописца XX в. Марка Шагала, для которого родной город стал одной из главных тем и сюжетных источников на протяжении всего пути в искусстве. Витебский хронотоп в искусстве мастера складывался постепенно: от конкретных фиксаций реальных «мест действия» к восприятию города как особого чувственно-эмоционального персонажа, олицетворяющего «дух места» и «душу города». М.М. Бахтин и М. Шагал жили в Витебске в одно и то же время – в 1917–1922 гг.

52. М.М. Бахтин в современном мире

Материалы VI Международных саранских Бахтинских чтений, посвященных 120-летию со дня рождения ученого / Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 404 с.

VI Международные Бахтинские чтения «М.М. Бахтин в современном мире» проводились в юбилейные для ученого дни – 120-летия со дня рождения. 97 участников, среди которых 12 зарубежных гостей, выступили с докладами и сообщениями. Были предложены новые идеи, представлены различные интерпретации работ Бахтина, поднимались вопросы новой проблематики и мн. др. Во время чтений в Саранске были открыты первый в России памятник М.М. Бахтину и Центр М.М. Бахтина в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва.

53. Макаркин Н.П.

О некоторых критических выступлениях в адрес М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 39–47.

В растущем потоке публикаций, посвященных изучению жизни и творчества М.М. Бахтина, выделяются два специфических взаимодополняющих друг друга направления, каждое из которых решает важную задачу. Исследование творческого наследия выдающегося мыслителя должно сопровождаться работой по популяризации и пропаганде его идей, ибо они активно вторгаются в сферу массовой культуры. Объективность в оценке творчества М.М. Бахтина предполагает как отказ от идеализации и мифологизации его образа, так и уход от научно не обоснованной, предвзятой критики его наследия. Противоречащими бахтинскому мировоззрению являются попытки монополизировать право на единственно верное толкование его идей и неприятие многообразия их интерпретаций.

54. Мартынова Е.А.

Соотношение гуманитарной и естественно-научной парадигм в образовательном пространстве // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 102–105.

В статье говорится о необходимости взаимодействия наук в процессе образования, интеграции научного знания, взаимодействия и взаимопроникновения естественно-научной и гуманитарной парадигм. Органическое единство естественно-научного и гуманитарного знания дает целостное видение мира в контексте междисциплинарного

диалога «двух культур», способствует становлению целостной личности.

55. Мочалов Е.В., Чжан Б.

Идеи М.М. Бахтина в контексте русской философии: антропология всеединства // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 105–112.

Статья посвящена характеристике русского варианта философии всеединства, обоснованию его роли в разрешении противоречий современного мира.

56. Новикова Н.Л., Лебедев А. В.

Концепт как мыслительное образование // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 112–117.

Авторы полагают, что трактовка феномена мыслительного образования основывается на принципе понимания, где концепт есть акт «схватывания» смыслов вещи/проблемы в единстве речевого высказывания. Выступая производным ума, способным «творчески воспроизводить или собирать (conspire) смыслы и помыслы», концепт является смыслом высказывания и как «высказывающая речь» не тождествен понятию.

57. Осьмухина О.Ю.

Смеховая интерпретация политических реалий в отечественной прозе рубежа XX–XXI веков // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 219–223.

В статье рассматривается специфика восприятия русскими прозаиками современных политических реалий. Представители власти, официальная культура изображаются в современной русской прозе в смеховом аспекте, посредством конструирования карнавальных ситуаций.

58. Осьмухина О.Ю., Дербенева И.В.

Феномен двойничества в рецепции М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 177–180.

Статья посвящена исследованию специфики функционирования феномена двойничества в наследии М.М. Бахтина. Изучение двойничества помогает ученому осмыслить специфику соотношения автора/героя и семантическое наполнение и поэтику текста в целостном единстве.

59. Паршина С.В.

Хронотоп и хронотип в художественной культуре // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 365–367.

Особенностью описания Бахтиным категорий пространства и времени, изучение которых стало одним из основных направлений исследования вторичных моделирующих семиотических систем, является внедрение понятия «хронотоп». Понятие «хронотоп» – это рационализированный терминологический эквивалент к понятию той «ценностной структуры», имманентное присутствие которой является характеристикой художественного произведения.

60. Песоцкая Е.Н.

Герменевтические аспекты исследования философии поступка в творчестве М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 117–121.

Социальной характеристикой личности неизменно выступает духовность – регулятор внутренней жизни человека и жизни общественной одновременно. Перемещение исследовательского интереса в направлении изучения духовности в контексте индивидуальности человеческой личности в начале XXI столетия в работах отечественных авторов В.П. Океанского, С.И. Некрасова и др. ориентируется на творчество М.М. Бахтина, глубоко и всесторонне показавшего уникальность человеческой личности, проявляющейся через поступок. Об актуальности чего и говорится в статье.

61. Писачкин В.А.

Интерпретация диалогического пространства М.М. Бахтина в современной социальной топологии // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 121–127.

В статье рассматриваются основные проблемы интерпретации диалогического пространства в теории социального пространства.

62. Пискунова С.И.

Феномен автора (авторства) в философском эго-тексте (концепция М.М. Бахтина) // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 304–307.

Статья посвящена проблеме автора, творца философского эго-текста. Феномен авторства рассматривается через призму концепции М.М. Бахтина, важными составляющими которой являются персоналистичность и культурологичность авторской функции.

63. Полубояров Д.И., Спринчан С.Л.

Понятие «картина мира» в философии М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 367–370.

В статье рассматривается одна из фундаментальных категорий философии – картина мира, множественность которой, ее несводимость к общим формулам показана на идеях М.М. Бахтина.

64. Прохорова Н.И.

Диалог и творчество в философствовании М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 307–310.

В статье рассмотрены вопросы, связанные с диалогом и творчеством в философствовании М.М. Бахтина.

65. Савкин Н.С.

Философская герменевтика М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 127–129.

Социальная философия в интерпретации личности в творчестве М.М. Бахтина является актуальной. Важна герменевтическая составляющая философского творчества

современных мыслителей, где методологическим основанием экзегеза, диалогичность, хронотоп.

66. Садовникова Н.Е.

Концепция диалогичности М.М. Бахтина в педагогике высшей школы // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 314–318.

В статье обосновывается необходимость рассмотрения содержательного аспекта культурологического подхода к профессиональной подготовке педагога высшей школы. Автор, анализируя концепцию М.М. Бахтина, показывает применение идей диалогичности в решении задач процесса духовного обогащения и творческого саморазвития будущего специалиста в инновационных условиях организации педагогического пространства.

67. Сиротина И.Л., Макларен Н.

Философствующая Россия // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 318–320.

В статье рассматривается проблема самобытности русской философии (или ее отсутствия), приводятся мнения отечественных мыслителей разных эпох. Особое внимание уделено соотношению философии и художественного творчества, которое в своих наивысших проявлениях в истории России многими исследователями приравнивается к философствованию.

68. Сушков В.В.

Публичная судебная речь как поступок // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 370–374.

В статье проводится анализ публичной судебной речи как поступка и взаимодействия сторон судебного процесса на основе диалога. Также рассматривается процессуальное противостояние адвоката и прокурора в разрезе понятий «Я» и «Другой», их отношение к другим участникам судебного процесса.

69. Сычев А.А.

К понятию провоцирования у М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 136–140.

В статье прослежена эволюция разворачивания методологических смыслов понятия «провоцирование» в работах М.М. Бахтина: от способа раскрытия характера литературного персонажа и испытания подлинности философской идеи до побуждения к диалогу и проверки на человечность.

70. Сычев А.А.

М.М. Бахтин: жизнь на фоне эпохи // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2016. № 1 (33). С. 38–48.

В статье раскрываются особенности жизненного пути выдающегося русского философа, филолога, теоретика культуры Михаила Михайловича Бахтина. Жизнь ученого показана на фоне ключевых событий XX в.: революций, мировых войн, террора, репрессий, «оттепели». Статья написана в жанре «философской биографии»: в ней описывается становление основных идей Бахтина и воздействие некоторых событий и условий его жизни на эти идеи. Автор проводит мысль о влиянии уникальной атмосферы городов Орла, Вильно, Одессы, Петрограда, Невеля, Витебска, Кустаная, Саранска на

формирование тем исследований Бахтина (ответственность, поступок, диалог, полифония, карнавал и др.) и на характер его философских концепций. Особое внимание автор уделяет анализу периода становления Бахтина как философа и основным факторам, которые привели ученого к разработке оригинальных теорий в области этики и теории литературы. Свои выводы автор подтверждает ссылками на биографическую литературу, беседы Бахтина с В.Д. Дувакиным, научные работы ученого. В статье раскрывается значение наследия Бахтина для гуманитарного знания и показано влияние его личности на духовную культуру региона, России и мира.

71. Танасейчук А.Б.

«Четвертое царство» А. Стругацкого: попытка вписаться в систему или карнавальная маска? // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 227–232.

Автор рассматривает первую фантастическую повесть Аркадия Стругацкого в качестве попытки вписаться в существующую в СССР литературную систему; уточняется также дата создания повести.

72. Фурманова В.П.

Преподавание иностранных языков как диалог культур: динамика развития // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 232–237.

Бахтин развил идею диалога культур, исследуя многообразные речевые структуры высказывания, тексты и художественный жанр романа в аспекте взаимоотношения и взаимной ценности участвующих в нем субъектов. Используя данную концепцию, мы рассматриваем диалог культур как форму межкультурной коммуникации в контексте преподавания иностранных языков. Для определения специфики культуры и ее содержания в рамках образовательного процесса в бакалавриате и магистратуре методологически значимыми являются понятия лингвокультуры и концепта, поскольку именно концепт является конструктом и средством моделирования культурного пространства и находит вербальное выражение в слове и словесных комплексах, отражая взаимосвязь языка и культуры. Диалог культур в силу своей полифункциональности выступает не только как инструмент познания лингвокультуры, но и как форма взаимодействия речевых партнеров. Развитие социокультурной и межкультурной компетенции студентов в бакалавриате и магистратуре осуществляется посредством работы над лингвокультурами (словами- реалиями, фоновой и безэквивалентной лексикой) и над развитием стратегий коммуникативного поведения, принятых в иноязычной культуре на основе тестов или дискурса, на базе современных образовательных технологий, посредством создания интегрированных курсов «Мир изучаемого языка», «Проблемы межкультурной коммуникации»; определения концепции культурно-ориентированного учебника с выделением универсального и культурно-специфического компонентов; введения курса «Моделирование коммуникативного поведения в иноязычном общении» и развития интерпретативных, коммуникативно-поведенческих и рефлексивных стратегий.

73. Хозяйкина А.В.

Специфика хронотопа города в поэзии Олега Хлебникова // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 374–378.

В статье анализируется специфика хронотопа города в современной поэзии. На материале стихотворной повести О. Хлебникова «Город. Повесть в стихотворениях»

рассматриваются способы и приемы создания образа провинциального города. В процессе анализа автор статьи приходит к выводу о том, что художественное время и пространство выступают в качестве важнейших идейно-эстетических характеристик образа города, поскольку они обеспечивают целостное восприятие художественной действительности и организуют архитектуру поэтического текста.

74. Холопов В.Б.

Анализ народного искусства в художественной критике начала XX века (на примере работ А. Левинсона) // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 378–382.

Статья посвящена анализу феномена народного танца на примере работ русского театрального критика А.Я. Левинсона. Особое внимание уделяется природе и структуре языка танца, а также миграции народных танцев. На основе проведенного исследования формулируются базовые эстетические позиции критика.

75. Чашина Ж.В.

Значение текста в процессе усвоения знания (по работе М.М. Бахтина «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках (опыт философского анализа)») // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 140–143.

В статье, основанной на работе М.М. Бахтина «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках (опыт философского анализа)», делается акцент на утрате функции высказывания в современном процессе обучения в связи с применением новых технологий. Анализ работы М.М. Бахтина позволяет сделать вывод, что текст является первичной данностью изучения, с помощью которого реализуется как познающая, так и оценивающая мысль, т. е. понимание текста в виде изучаемого материала и понимание высказывания в виде устного ответа включают оценку и ответственность. Следовательно, изучение текстов, а также устный опрос являются необходимыми методическими формами обучения в современном образовании.

76. Чекушкина Е.Н.

Социальная рефлексия как механизм общения, диалога, коммуникации // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 143–147.

По мысли автора статьи, феномен социальной рефлексии необходимо рассматривать и обсуждать в контексте понятий культуры, в диалоге ценностных и культурных систем, включая формы межличностного общения, социальные эмоции и чувства, являющиеся выражением общественных отношений. Рефлексия становится незаменимым инструментом осознания взаимоотношений субъектов в поиске базисных оснований согласования интересов для избегания и урегулирования конфликтных ситуаций.

77. Шаронова Е.А.

М.М. Бахтин и мордовское литературоведение 1940–1950-х годов: рецензия М.М. Бахтина на сборник А.И. Маскаева // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 237–242.

В статье рассматриваются основные пункты рецензии М.М. Бахтина на сборник фольклорных текстов «Мордовские народные песни и сказки», составленный А.И.

Маскаевым.

78. Ширшов А.В.

Православные традиции социума и философия М.М. Бахтина // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 151–156.

Автор отмечает, что традиции православия в рациональном плане выражаются лишь в самом конце XIX – начале XX в. в общем потоке демократических настроений в российском православии. В богослужении перед революцией начинают использовать национальные языки. Растет число обращений и священнических призываний. Очень многое для понимания православной культуры социума предоставляет методология М.М. Бахтина.

79. Школкина И.Н.

Логика жизнедеятельности людей (желание – страх – действие – совесть – смех) как основа карнавально-смеховой культуры // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 156–163.

В статье рассматриваются предпосылки зарождения и становления духовного феномена совести, его связь со смехом и описанной М.М. Бахтиным карнавально-смеховой культурой.

80. Шляпкина Н.В.

Карнавальный контекст романа Л. Улицкой «Веселые похороны» // М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 382–386.

В статье анализируется специфика проявления карнавализации в романе Л. Улицкой «Веселые похороны», обнаруживающейся на образном и сюжетно-композиционном уровне. Карнавальное мироощущение романа рассматривается во взаимосвязи с элементами трагического.

2017 год

81. Бахмутов С.Б.

Апокрифические кулисы провинции // Провинция на перекрестке исторических судеб: одиннадцатые Саранские философские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. С.Б. Бахмутов; под общ. ред. Е.В. Мочалова. Саранск, 2017. С. 230–234.

В статье автор размышляет о «саранской судьбе» М.М. Бахтина.

82. Беломоева О.Г.

Фольклорный хронотоп М.М. Бахтина и современная концепция народного искусства // Провинция на перекрестке исторических судеб: одиннадцатые Саранские философские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. С.Б. Бахмутов; под общ. ред. Е.В. Мочалова. Саранск, 2017. С. 206–210.

В статье реконструирована концепция народного искусства М.М. Бахтина. Автор показывает, как идеи, высказанные мыслителем по ряду позиций, как бы подготавливают основу для формирования целостной концепции народного искусства, позволяя отметить мощный прогностический потенциал наследия философа.

83. Васильев Н.Л.

Концепт М.М. Бахтина «большое время» как реальная жизненная практика и потенциальная этическая категория // Проблема Хронотопа в современных научных

исследованиях: сб. докл. и ст. / ред.-сост. сб., пер., подгот. стеногр. Е.А. Семеновой. М.: Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования, 2017. С. 144–152.

Одна из самых привлекательных идей М.М. Бахтина – формула «большое время». Эта метафора, к которому ученый был склонен в своем «вызывающе-неточном» (М.Л. Гаспаров) метаязыке, трижды фигурирует в «<Ответе на вопрос редакции "Нового мира">» (1970), сопровождаясь характерной бахтинской графической разрядкой. В истории науки указанное понятие рассматривается как «категория сравнительно-исторической поэтики». Между тем оно соотносится с первым печатным выступлением ученого («Искусство и ответственность», 1919). Иначе говоря, М.М. Бахтин всегда связывал эстетические максимы с этическими. Можно предположить, что и категория «большое время» заключает в себе этический подтекст, актуализованный в биографии и «духовной практике» самого М.М. Бахтина. Находясь физически в оболочке «малого времени», претерпевая всевозможные трудности и лишения, он ментально стремился жить в «большом времени», апеллируя к нему в своих словах и «поступках». Формула «большое время» настраивает человека на ответственное бытие, на приоритет духовности над материальностью.

84. Воронина Н.И.

Бахтинский текст: полицентричность научного мышления // Современные тенденции развития науки и технологий. Белгород, 2017. № 2-7. С. 96–97.

Для создания новой модели гуманитарного возрождения бахтинских текстов и с целью сохранения творческого наследия М.М. Бахтина, развития научно-исследовательской и образовательной деятельности в области бахтиноведения к 120-летию ученого (26 ноября 2015) состоялось открытие памятника ученому в Саранске, а также Центра М.М. Бахтина в Мордовском университете им. Н.П. Огарева. Это и дом Бахтина, и музей с уникальным собранием книг и вещей, и научно-исследовательская лаборатория. Сама аура, уже созданная в нем сегодня, – это возможность общения с гуманитарным богатством, оставленным нам наследием великого мыслителя современности.

85. Воронина Н.И.

Гений и город: Бахтин–Саранск–Бахтин // III Культурный форум регионов России «Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практики социокультурного развития». Москва–Волгоград–Новосибирск–Рязань–Сыктывкар, 01 февр. – 30 сент. 2017 г., 2017. С. 366–370.
См.: № 21.

86. Воронина Н.И., Новикова Н.Л., Амилькар П.М.

Саранский хронотоп М.М. Бахтина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. Самара: Самарский научный центр РАН, 2017. Т. 19, № 4. С. 75–80.

Предмет статьи: саранский хронотоп М.М. Бахтина. Объект статьи: город и гений: Бахтин–Саранск–Бахтин: университетский взгляд. Цель проекта: актуализировать для научного и учебного мира информацию о саранском периоде жизни и творчества М.М. Бахтина; сквозь призму изучения судьбы ученого увидеть интеллектуальную историю России; создать условия для научно-исследовательской работы. Методология работы: построение концепции контекста уникального пространства провинциального города Саранска, где 25 лет жил и работал Бахтин. Акцентирование основных категорий в рассмотрении саранского хронотопа Бахтина, духовности, характера, бытия, повседневности, самосознания, мировоззрения и идеологии ученого. Создание научной и творческой ауры в Мордовском университете в годы работы и сегодня, когда идет процесс

вживания в его смысловые категории, изучение основных гуманитарных идей. Освоение пространства Бахтина в университете (создание Центра М.М. Бахтина) и в городе (открытие памятника и мемориальной зоны) и др. Результаты работы: включение саранского хронотопа М.М. Бахтина в общую картину длительного противоречивого процесса восприятия бахтинских идей отечественной гуманитаристикой. Область применения результатов: Идеи Бахтина, ставшие основой формирования новой научной парадигмы, стимулируют исследовательский интерес, открывают возможности сравнительно-сопоставительной методологии. Осмысление «саранского хронотопа» позволяет уточнить / детализировать общие закономерности развития отечественной гуманитарной мысли для философии, культурологии и филологии. Вывод: научная новизна исследования состоит в том, что комплексно анализируются материалы научного, творческого освоения идей М.М. Бахтина в контексте «саранского хронотопа» жизни ученого, что позволяет не только усовершенствовать базу данных, связанных с жизнью и творчеством М.М. Бахтина в Саранске, но и включить «саранский хронотоп» в научный оборот как феномен, позволивший мыслителю репрезентовать свои идеи. Таким образом, выводы, представленные в статье, аргументированны и логичны.

87. Грыжанкова М.Ю.

Социокультурный идеал византизма и М.М. Бахтин // 1917–2017: уроки столетия для Республики Мордовия: материалы региональных Рождественских образовательных чтений. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 2017. С. 79–85.

В основе размышлений автора статьи – философская идея диалога культур.

88. Дубровская С.А.

Бахтинская концепция смеха Н.В. Гоголя в социокультурном контексте 1940–50-х гг. // Проблема Хронотопа в современных научных исследованиях : сб. докл. и ст. / ред.-сост. сб., пер., подгот. стеногр. Е.А. Семеновой. М.: Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования, 2017. С. 270–278.

В статье рассматривается бахтинская концепция смеха Н.В. Гоголя и ее рецепция отечественной гуманитаристикой в 1940–1950-е гг. Отмечается зависимость восприятия бахтинских идей, заложенных в научном сюжете «Гоголь и Рабле», от сложившейся социокультурной ситуации: если на защите в ИМЛИ (1946 г.) новаторский характер фрагмента «Гоголь и Рабле» не принимался неофициальными оппонентами из-за несогласия с методологией исследования, то при обсуждении работы в ВАКе рассмотрение проблемы перешло из научной в политическую плоскость.

89. Dubrovskaja S.

Gogol's Humour Through the Prism of Rabelais' Laughter. The Theory of M.M. Bakhtin / Юмор Гоголя сквозь призму смеха Рабле. Теория М.М. Бахтина // Variations – The Literary Journal at the University of Zürich. 2017. № 25 «Humor / Humour / Humour». P. 15–27.

В статье прослеживается история рецепции одного из серьезных научных сюжетов отечественного литературоведения – «Гоголь и Рабле». Декларация М.М. Бахтиным данной проблемы во многом стимулировала исследовательский интерес, открыла возможности сравнительно-сопоставительной методологии. Освещение истории сюжета позволяет увидеть в точечном вопросе отражение общих закономерностей отечественной литературоведческой мысли 1940–80-х гг.

90. Елисеева Ю.А.

Рецепция творческого наследия М.М. Бахтина: «болевые точки» и «точки роста» // Провинция на перекрестке исторических судеб: одиннадцатые Саранские

философские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. С.Б. Бахмутов; под общ. ред. Е.В. Мочалова. Саранск, 2017. С. 191–198.

Статья посвящена обозначению основных «болевых точек» в осмыслении фундаментальных идей мыслителя. Автор стремится дать системный анализ не(до)понимания бахтинских идей и найти те «точки роста», в которых возможно развитие идей М.М. Бахтина в гуманитаристике XXI века. Анализируя рецепцию наследия мыслителя, автор показывает, что «болевы́е точки» есть одновременно и «точки роста».

91. Ключева И.В.

Образ М.М. Бахтина в романе В.Ф. Егорова «Камни растут и светят» // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): VII Арсентьевские чтения. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2017. С. 39–43.

Анализируется автобиографический роман саранского литератора В.Ф. Егорова «Камни растут и светят» (1985), который рассматривается как текст культуры, воспроизводящий атмосферу жизни и менталитет студентов Мордовского государственного педагогического института (с 1957 г. – Мордовского государственного университета) 1950-х гг. Выявляются особенности характеристики выдающегося мыслителя XX в. М.М. Бахтина, выведенного в образе одного из героев романа.

92. Ключева И.В.

Рецепция идей М.М. Бахтина в зарубежной гуманитаристике (1965-1975) (на материале личной библиотеки мыслителя) // Филологический аспект. 2017. № 8 (28). С. 122–148.

В статье рассматривается сегмент личной библиотеки М.М. Бахтина, связанный с рецепцией его творчества зарубежной гуманитаристикой второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг. Это изданные в Австралии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, Нидерландах, Польше, Румынии, США, Франции, Швеции, Чехословакии, Югославии и присланные (или переданные лично) российскому мыслителю переводы его трудов, рецензии на них, а также тематически или методологически связанные с ними оригинальные работы зарубежных авторов (статьи, монографии, авторефераты диссертаций). Анализируются инскрипты на этих изданиях и вложения (записки, письма), содержащие информацию об отношении зарубежных коллег к М.М. Бахтину. Выявляется значение его идей для их последующих исследований.

93. Ключева И.В., Лисунова Л.М.

Саранск, Мордовский университет, М.М. Бахтин в воспоминаниях Э.В. Конюховой // Проблемы методологии и методики мониторинга социально-экономического развития регионов Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 15-летию ГКУ РМ «НЦСЭМ». Саранск: Научный центр социально-экономического мониторинга, 2017. С. 339–349.

Впервые вводятся в научный оборот воспоминания студентки, затем аспирантки М.М. Бахтина Э.В. Конюховой о ее детских и юношеских годах в послевоенном Саранске, об учебе в школе № 12 и Мордовском государственном педагогическом институте (с 1957 г. – Мордовский государственный университет), о любимых педагогах, прежде всего М.М. Бахтине.

94. Ключева И.В., Лисунова Л.М., Вайшчук Я.

Инскрипты польских ученых на книгах из личной библиотеки М.М. Бахтина (к истории российско-польских культурных взаимосвязей конца 1960-х – первой половины 1970-х гг.) // Проблемы методологии и методики мониторинга социально-экономического развития регионов Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-

практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 15-летию ГКУ РМ «НЦСЭМ. Саранск: Научный центр социально-экономического мониторинга, 2017. С. 324–329.

Вводятся в научный оборот инскрипты ученых из Польши (Д. Данек, М. Р. Майе-нова, А. Сандауэр и др.) на книгах из личной библиотеки М.М. Бахтина, относящиеся к концу 1960-х – первой половине 1970-х гг. Их анализ позволяет восполнить пробелы в истории рецепции польской гуманитаристикой творчества выдающегося российского мыслителя и в целом в истории российско-польских культурных взаимосвязей данного периода.

95. Лаптун В.И.

Педагогическое мастерство М.М. Бахтина в оценке современников // Евсевьевские чтения. Серия: Педагогические науки: сб. науч. ст. по материалам Междунар. на-уч.-практ. конф. с элементами научной школы для молодых ученых – 53-х Евсевьевских чтений (г. Саранск, 9–10 февр. 2017 г.) / редкол.: Т.И. Шукшина (пред.), В. И. Лаптун (отв. ред.) [и др.]; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2017. С. 64–68.

96. Лаптун В.И., Тиханов Г.

Педагогическая деятельность М.М. Бахтина (1920-е – начало 1960-х годов) // Матица сербская за славистику: Междунар. славист. сб. Нови Сад (Сербия), 2017. Т. 92. URL: www.maticasrpska.org.rs/stariSajt/casopisi/ZMSZS_92.pdf

97. Логинова М.В.

«Настоящая философия есть молчание»: размышления о философствовании М.М. Бахтина // Провинция на перекрестке исторических судеб: одиннадцатые Саранские философские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. С.Б. Бахмутов; под общ. ред. Е.В. Мочалова. Саранск, 2017. С. 211–216.

Статья посвящена рассмотрению особенностей философствования М.М. Бахтина.

98. Мочалов Е.В.

Идеи Бахтина в Саранске. Саранск без Бахтина // Провинция на перекрестке исторических судеб: одиннадцатые Саранские философские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. С.Б. Бахмутов; под общ. ред. Е.В. Мочалова. Саранск, 2017. С. 183–190.

В статье кратко анализируются основные идеи работ М.М. Бахтина, созданных, дополненных или получивших окончательное оформление в «саранский период». Также автор дает обзор «саранской бахтинистики» конца XX – начала XXI в.

99. Осовский О.Е.

Биографии М.М. Бахтина: опыт создания и требования времени // Провинция на перекрестке исторических судеб: одиннадцатые Саранские философские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. С.Б. Бахмутов; под общ. ред. Е.В. Мочалова. Саранск, 2017. С. 199–205.

В статье на примере анализа существующих биографий М.М. Бахтина затрагиваются вопросы создания научной биографии литературоведа. Выявляя сильные и проблемные стороны монографий М. Холквиста и К. Кларк, С.С. Конкина и Л.С. Конкиной, Н.А. Панькова, И.Л. Поповой, автор описывает модель научной биографии литературоведа как особой разновидности жанра.

100. Осовский О.Е.

Большое время идей: мышление М.М. Бахтина сквозь призму современности // Русская литература. 2017. № 1. С. 252–253.

Рецензия на книгу: Махлин В.Л. Большое время: Подступы к мышлению М.М. Бахтина. Siedlce : Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. 176 с.

101. Провинция на перекрестке исторических судеб: одиннадцатые Саранские философские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. С.Б. Бахмутов; под общ. ред. Е.В. Мочалова. Саранск, 2017. 242 с.

Темой Одиннадцатых чтений стали научные разыскания ученых, стремящихся осмыслить пути России в сложнейшее историческое время, породившее десятки парадигм мыслительного и практико-теоретического процессов, кардинально меняющих человеческие судьбы. В сборник вошли новые исследования творческого наследия М.М. Бахтина.

102. Сычев А.А.

К особенностям бахтинской терминологии // Провинция на перекрестке исторических судеб: одиннадцатые Саранские философские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. С.Б. Бахмутов; под общ. ред. Е.В. Мочалова. Саранск, 2017. С. 217–222.

Статья представляет попытку объяснения основных терминов М.М. Бахтина («амбивалентность», «архитектоника», «большое время», «диалог», «карнавал», «не-алиби в бытии», «полифония», «поступок», «смеховая культура», «хронотоп») Свою задачу автор видит в том, чтобы помочь молодым исследователям и тем, кто находится в начале изучения творчества философа. Цель автора – не проникнуть вглубь термина, а сделать явным и как можно более ясным его смысл.

2018 год

103. Баркина М.В., Овезова А.М., Смолина Ю.О.

Наследие М.М. Бахтина в трудах ученых Мордовского университета в 1980–2010-х годах [Электронный ресурс] //URL: <http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2018/04/Баркина-М.-В.-Овезова-А.-М.-Смолина-Ю.-О.pdf>.

Статья посвящена анализу работ ученых МГУ им. Н.П. Огарёва, занимающихся исследованием трудов М.М. Бахтина, их вкладу в российское бахтиноведение. В ходе работы систематизируются основные направления исследования научного потенциала М.М. Бахтина. А библиографический список представляет интерес не только как собрание статей, но и с точки зрения качественного и количественного анализа работ.

104. Vassiliev N.L.

M.M. Bakhtin as a university professor // BAKHTINIANA : Pontificia Universidade Catolica de Sao Paulo. 2018. Т. 13, № 2. С. 203–211.

Translated directly from the Russian, this text is a section of the first chapter of the book Mikhail Mikháilovitch Bakhtin i fenómeno "Krugá Bakhtina" [Mikhail Mikháilovitch Bakhtin and the phenomenon of the "Bakhtin's Circle"], published in Russian in 2013. Through the documents discovered in archives and declarations from people, who worked with Bakhtin in the Mordovia University, the author shows a Bakhtin's face unknown for the Brazilian public: his work as university professor and chief of Russian and Foreign Literatures Department. We discover a professor worried not only about the mastery of academic contents, but also about his students' teaching-learning process and about the development of a methodology of teaching turned to autonomous researches and thinkers' formation.

105. Воронина Н.И.

Исследовательский проект центра М.М. Бахтина в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарёва // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20, № 6. С.12–15.

Предмет статьи: исследовательский проект центра М.М. Бахтина в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева. Объект статьи: идеи М.М. Бахтина в процессе гармонизации социальных отношений Республики Мордовия. Цель проекта: поиск новых подходов к изучению идей Бахтина (диалог культур, вневременность, поступок, конфликт социального взаимодействия) и претворению их в реальном пространстве Мордовии. Методология исследования базируется на культурфилософских принципах, в статье использованы типологический и сравнительно-исторический методы. Результаты работы: проект, поддержанный РФФИ и Правительством Республики Мордовия, должен выработать четкий план подготовки к Международной Бахтинской конференции (2020) и в рамках этого плана будут решены: взаимосвязи с зарубежными бахтиноведами, выпуск научного электронного журнала «Бахтинский вестник», открытие сайта Центра М.М. Бахтина, оцифровка литературы с пометами ученого, подготовлен каталог фондов Центра М.М. Бахтина, разработана программа цикла лекций для преподавателей гуманитарных дисциплин «М.М. Бахтин в Саранске» и др. Область применения результатов: все указанные результаты будут реализованы в работе Центра М.М. Бахтина, в научно-исследовательской и образовательной деятельности университета и других учебных заведений республики, в экскурсионной и издательской работе. Вывод: устойчивый интерес к идеям ученого, кардинально определившего пути развития свободной мысли своего столетия, а также сопряжение теоретического и прикладных аспектов исследования будут способствовать взаимодействию этнокультур и гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия

106. Гудкова С.П.

Диалогизм как основа интерпретации поэтического текста (на материале поэмы Т. Кибирова «История села Перхурова») // Художественный текст: проблемы чтения и понимания в современном обществе: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Sterlitaamak, 25–26 окт. 2018 г. / отв. редактор Э.А. Радь. Sterlitaamak: Sterlitaamakskiy filial BashGU, 2018. С. 159–163.

В статье анализируются особенности создания художественного образа в литературе постмодернизма. На примере анализа поэмы Т. Кибирова «История села Перхурова» доказывается, что идеи диалогизма, заложенные в работах М.М. Бахтина, способствуют пониманию и толкованию поэтических кодов современной лирики.

107. Дмитриев А.В., Сычев А.А.

Провокация. Введение в теорию: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт. 2018. 264 с.

Книга посвящена особенностям провокации в различных сферах жизни человека. В ней дано понятие провокации и ее основные характеристики, рассмотрена роль провокации в искусстве, мифах и истории философии, представлены историко-литературные очерки и юмористические оценки феномена провокации. В отдельной главе предложена интерпретация базовых политических провокаций, имеющих значимые последствия в истории человечества.

108. Дубровская С.А.

Бахтинская концепция смеха в работах литературоведов Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. Т 20, № 6. 2018. С. 57–61.

Предметом статьи является исследование востребованности бахтинской концепции смеха литературоведением Поволжья. Объект статьи: монографии, диссертации, научные статьи литературоведов региона. Цель проекта: постановка проблемы поиска новых подходов к изучению национальных фольклорных и литературных материалов с опорой на бахтинскую концепцию. Методология исследования базируется на принципах

отечественного академического литературоведения. В работе использованы типологический и сравнительно-исторический методы. Результаты работы: в статье представлен аналитический обзор литературоведческих исследований, посвященных вопросам комического, прослежена история рецепции бахтинской концепции смеха поволжским литературоведением. Область применения результатов: обозначенная проблема может стать основой нового подхода к изучению фольклорных и литературных материалов. И в этом, как нам видится, – один из возможных вариантов построения типологии национальных литератур Поволжья. Вывод: устойчивый интерес к проблемам смеха и комического в региональной культуре и литературе позволяет говорить о возможности качественно нового этапа в использовании идей бахтинской концепции смеха.

109. Дубровская С.А.

Карнавализованный дискурс пьесы Н.В. Гоголя «Женитьба» // Наследие М.М. Бахтина: Культура – Наука – Образование – Творчество. Международный круглый стол, посвященный М.М. Бахтину (22 мая 2018 г., Орёл): сб. докл. и ст. / ред.-сост., переводчик Е.А. Семенова. М.: ФГБНУ «ИХО и К РАО», 2018. С. 328–334.

110. Дубровская С. А.

Международная Бахтинская конференция в Шанхае // Регионология. 2018. № 1. С. 179–183.

Статья представляет собой обзор последней по времени международной научной конференции, посвященной междисциплинарному изучению научного наследия М.М. Бахтина. В работе конференции приняли участие более ста выступавших из разных регионов России, а также из других стран (Великобритании, Канады, США, Мексики, Индии, Бразилии, Польши, Японии и др.). Конференция проходила в Шанхае и была организована Фуданьским университетом при поддержке Всекитайского Бахтинского общества и Всекитайского общества по зарубежной критике, литературоведению и сравнительной поэтике, Китайской ассоциации иностранной литературы.

111. Дубровская С.А.

От «Арзамаса» до Гоголя: смеховое слово в пространстве русской литературы 1810-х – начала 1840-х гг. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 252 с.

В монографии предлагается реконструкция бахтинской теории смехового слова, которая стала важнейшим инструментом для исследования комического дискурса отечественной словесности. Формирование поэтики комического в русской литературе 1810-х – начала 1840-х гг. показано на материале поэзии, прозы, эпистолярных текстов В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, В.Г. Белинского, Н.В. Гоголя и др.

Адресовано преподавателям вузов, аспирантам, студентам гуманитарных специальностей, всем интересующимся отечественной словесностью.

112. Дубровская С.А.

Переакцентуация смехового слова в прозе О.И. Сенковского 1830-х гг. // Филология: Научные исследования. 2018. № 2. С.120–129.

Объектом исследования является творчество О.И. Сенковского. Предметом – пути трансформации смехового слова в литературном сознании 1830-х годов. Цель исследования – проанализировать специфику повествовательной стратегии Сенковского, его стремление к созданию пародийно-игрового мира. Особое внимание уделено анализу смехового слова в произведениях, появившихся под псевдонимом барон Брамбеус. В статье показывается, что творческая практика Брамбеуса связана как с полемическими выпадами писателя против уже сложившегося смехового слова в творчестве

современников (А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя), так и с его ориентацией на пародийно-комические открытия европейской литературы (от французского просвещения и Лоренса Стерна до позднего немецкого романтизма). Методологической основой исследования является концепция смехового слова М.М. Бахтина. В своих трудах М.М. Бахтин фактически создает теорию смехового слова, которая становится важнейшим инструментом для исследования комического дискурса русской и зарубежной литературы. Смеховое слово Сенковского-Брамбеуса имеет фельетонный, эпиграмматический характер и, с одной стороны, служит средством полемики, сатиры или пародии, с другой же – нацелено на развлечение читателя. Исследование позволяет увидеть, как происходит перестановка акцентов в комическом произведении, как возникает развлекательно-смеховой регистр дискурса и какими путями идет процесс трансформации смехового слова в литературном сознании этого периода.

113. Дубровская С.А.

Проблема серьезности в книге М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» // Русская литература XX–XXI веков как литературный процесс (проблемы теории и методологии изучения): материалы VI Междунар. науч. конф. Москва, 18–19 дек. 2018 г. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 51–54.

Статья посвящена исследованию проблемы серьезности, которая находилась в центре внимания М.М. Бахтина со второй половины 1930-х и до начала 1970-х гг. Бахтинская идея взаимодополнения серьезности и смеха рассматривается на примере высказываний ученого о серьезности, серьезном слове, серьезном дискурсе. Прослеживается, как понятие серьезности и его смысловая нюансировка помогают Бахтину прояснить сущность образов, сюжетных ситуаций, языка романа Рабле.

114. Дубровская С.А.

Смеховое слово в карнавализованном пространстве эпистолярия Н.В. Гоголя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 13–16.

В статье рассматриваются вопросы функционирования смехового слова в эпистолярии Н.В. Гоголя. Определяется значение бахтинской концепции смехового слова для понимания природы комического в творчестве писателя. В ходе исследования автор статьи показывает, что в письмах Н.В. Гоголя большую роль играют карнавальные сферы речи – фамильярные формы, непристойности, ласковая брань, словесная комика. Особая смеховая энергия отдельных сюжетов гоголевских писем связана с карнавальным мироощущением писателя и его стремлением выявлять в повседневном смеховые смыслы.

115. Дубровская С.А.

Специфика смехового слова в эпистолярии А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова (к проблеме скрытой интертекстуальности) // Филология и культура. 2018. № 3 (53). С. 145–149.

Смеховое слово является одним из важнейших механизмов порождения комического в художественном и нехудожественном дискурсах отечественной словесности первой трети XIX века. Среди элементов смехового слова, обеспечивающих его гибридность, существенное место занимает интертекстуальность, в том числе и представленная в своих неявных формах на уровне едва узнаваемых цитат, обыгрываемых аллегорий, пародийных переделок и т. п. В предлагаемой статье представлен анализ нескольких случаев интертекстуальности смехового слова в эпистолярии А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Не претендуя на полноту выводов, мы полагаем возможным обозначить ряд ключевых моментов проблемы. В статье анализируются письма А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, затрагивающие обсуждение вопросов творческой практики и литературной жизни. Особое внимание уделяется письмам, включающим стихотворные метаописания, характер смехового слова которых связан с чтением и изучением Шекспира. В статье

делается вывод о разных формах проявления интертекстуальности: если в письмах Лермонтова смеховое слово имеет явно просматривающийся «шекспировский след», то в письмах Пушкина шекспировский смех звучит неявно, и можно говорить лишь о шекспировском присутствии, о скрытой форме интертекстуальности смехового слова.

116. Карпов А.Д., Гапурджанова М.Г.

Рецепции теории комического М.М. Бахтина в российских исследованиях 2000-х – 2010-х гг. годах [Электронный ресурс] // URL: <http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2018/04/Карпов-А.-Д.-Гапурджанова-М.-Г..pdf>.

Концепция «смехового слова» является важным элементом общей теории смеховой культуры, разрабатывавшейся М.М. Бахтиным. В статье представлен обзор наиболее заметных исследований, посвященных проблеме комического в свете концепции М.М. Бахтина.

117. Каштанова С.В., Попова А.В., Хозяйкина А.В.

Изучение терминологии М.М. Бахтина в отечественных исследованиях последних десятилетий [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2018/04/Каштанова-С.-В.-Попова-А.-В.-Хозяйкина-А.-В..pdf>.

В статье представлен аналитический обзор ключевых работ отечественных исследователей последних десятилетий, изучавших как особенности всего терминологического аппарата М.М. Бахтина, так и отдельные понятия; акцентируется внимание на способах и проблемах осмысления тезауруса мыслителя современными лингвистами и литературоведами.

118. Ключева И.В.

«В каждом из нас он видел человека...»: М.М. Бахтин в восприятии саранских студентов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20, № 6. С. 62–67.

Предмет статьи: М.М. Бахтин в воспоминаниях студентов Мордовского государственного университета (до 1957 г. – Мордовского государственного педагогического института им. А.И. Полежаева). Объект статьи: личность и творческая деятельность М.М. Бахтина. Цель статьи: проанализировать устные и опубликованные воспоминания бывших студентов М.М. Бахтина, вычленив их оценку «человеческой составляющей» деятельности ученого-педагога. Материалы и методы. Материалом статьи являются воспоминания о М.М. Бахтине его студентов, учившихся в Мордовском государственном педагогическом институте (с 1938 г. – им. А.И. Полежаева, с 1957 г. – Мордовском государственном университете (ныне – им. Н.П. Огарева)) в 1930–1950-х гг. Незначительная часть этих воспоминаний была опубликована – в популярных журналах, в газетах. Однако в основном приводим не публиковавшиеся воспоминания, которые мы собирали на протяжении многих лет (начиная с 1980-х гг.). В качестве теоретико-методологической стратегии исследования выступают интегративный и диалогический подходы. Решение исследовательских задач обеспечивается комплексом взаимодополняющих методов: теоретических (анализ научной литературы по изучаемой проблеме, сравнительный анализ, сопоставление, обобщение, систематизация, моделирование) эмпирических (сбор, изучение и обобщение воспоминаний студентов М.М. Бахтина). Результаты исследования: Моделирование «портрета М.М. Бахтина» – как личности, как педагога, представленного в различных ситуациях коммуникативного процесса в провинциальном вузе советского времени через анализ его восприятия студентами; выявление роли, которую он сыграл в их профессиональном и личностном становлении. Область применения результатов: статья вписывается в контекст проблематики «философии поступка», «ответственного поступка», «ответственной личности». Вывод: М.М. Бахтин – цельная творческая личность, обладающая во всех своих

проявлениях – как мыслитель, педагог, просветитель, человек – глубоким внутренним единством. Идеи, которые он выражал в своих теоретических трудах, он нес студентам не только в учебных лекциях, но и выражал в своем отношении к ним, утверждал своим образом жизни, самым способом существования. Он сумел делать философию мудростью, прилагаемой к повседневному опыту, соединить «мир культуры» и «мир жизни».

119. Ключева И.В., Лисунова Л.М.

Роль А.И. Сухарева в увековечении памяти М.М. Бахтина // Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. С.М. Вдовина (VII Сухаревские чтения, 30 нояб. 2017 г.). Саранск: Научный центр социально-экономического мониторинга. 2018. С. 239–245.

Выявляется роль ректора Мордовского государственного университета А.И. Сухарева в увековечении памяти выдающегося мыслителя М.М. Бахтина в университете, г. Саранске, Мордовии. Используются материалы личного архива М.М. Бахтина, находящиеся в Центре М.М. Бахтина в Мордовском государственном университете; интервью, взятые авторами у ректора Мордовского университета А.И. Сухарева (1990 г.), у бывшего декана филологического факультета В.М. Забавиной (1990 г.); сборники материалов Первых и Вторых Саранских Бахтинских чтений.

120. Лаптун В.И.

Научно-методические рекомендации М.М. Бахтина по вопросу преподавания литературоведческих дисциплин в вузе (на основе архивных материалов) // Гуманитарные науки и образование. 2018. № 1. С. 75–81.

121. Лаптун В.И.

Культурно-просветительская деятельность М.М. Бахтина в 1918–1928 годах // Евсевьевские чтения. Серия: Педагогические науки: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. с элементами научной школы для молодых ученых – 54-х Евсевьевских чтений (г. Саранск, 28–29 марта 2018 г.) / редкол.: Т.И. Шукшина (предс.), В.И. Лаптун (отв. ред.) [и др.]; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2018. С. 54–60.

122. Лаптун В.И., Дубровская С.А., Бабушкина М.А.

Протоколы кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского пединститута как источник научно-педагогической биографии М.М. Бахтина // Вопросы теории и практики инновационного развития науки и образования: монография / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2018. С. 74–86.

Представлен один из ценнейших источников научно-педагогической биографии М.М. Бахтина – протоколы кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского педагогического института 1954–1955 годов. Авторы подчеркивают особое значение этого периода как в жизни самого мыслителя, так и в истории высшего образования и страны.

123. Laptun V.I., Tikhanov G.

Pedagogical work of Mikhail M. Bakhtin (1920s – early 1960s) // Dialogic Pedagogy: An International Online Journal. <http://dpj.pitt.edu> DOI: 10.5195/dpj.2018.248. Vol. 6 (2018)

124. Логинова М.В.

Метафора молчания в современной культуре: теоретический аспект // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4. С. 111–117.

Статья посвящена теоретическому осмыслению метафоры молчания и ее значения для современной культуры. Цель работы – выделить и охарактеризовать формы молчания в культуре, применив для их изучения онтологический подход, который раскрывает

основополагающие принципы бытия молчания в контексте современной культуры. Новизна настоящей статьи заключается в исследовании феномена молчания, имеющего многоаспектный характер как существования, так и интерпретации. В статье молчание не только рассматривается как проблема культурного бытия, но и представлено в качестве метафоры. Теоретическая значимость работы состоит в постановке и решении вопроса о метафорическом характере проблемы молчания, существовании молчания в различных контекстах (философский, лингвистический, эстетический, религиозный и др.). Автор определяет значение теоретического аспекта молчания с культурфилософских позиций, акцентируя формы молчания в культуре (пауза, умолчание, метафизическое молчание). Полученные результаты, а также примененный автором подход представляют практическую значимость для философских, эстетических, искусствоведческих исследований, определяющих векторы развития современной культуры и искусства. Результаты настоящего исследования состоят в выделении следующих аспектов проблемы молчания: онтологический характер форм молчания; содержание метафоры молчания в культуре; значение культурного контекста для определения специфики метафоры молчания. Специфика метафоры молчания заключается в процессуальном характере современной культуры, который противостоит статичному и окончательно оформленному пониманию бытия. В заключение автор определяет становящийся, событийный характер метафоры молчания. Молчание раскрывает диалогический характер взаимосвязи человека и мира, акцентируя метафоричность как незаконченность и открытость молчания, обнажая незавершенность смысла как незавершенность человеческого существования.

125. Логинова М.В., Лунина М.В.

Амбивалентность праздничной культуры (на примере свадебного обряда мордовского этноса) // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 1. С. 89–93.

С учетом актуальных культурологических концепций рассматривается категория амбивалентности праздничной культуры на примере свадебного обряда мордвы. Двойственная природа мордовской праздничной культуры выражается в сохранении языческих обычаев наряду с христианскими. Цель статьи – проанализировать амбивалентность мордовского праздника и выявить его роль в сохранении традиционной народной культуры. Объект исследования – праздник как феномен культуры; предмет – многозначность в толковании праздничных ритуалов. Результаты позволяют углубить и расширить представление о мордовском празднике при его описании и анализе. Материал исследования составили зарубежные и отечественные печатные источники. Был проанализирован ряд подходов к изучению феномена амбивалентности. Наблюдение за праздничной культурой на определенном отрезке времени позволяет установить ценности, приоритетные в данный период, так как праздник актуализирует их применительно к текущему моменту, адаптируя к современности. Использовались аналитический и описательный методы. Показаны взаимосвязь и роль языческих и христианских обрядов в сохранении традиционной культуры мордовского народа. Проанализирована двойственная природа мордовских праздников. Выявлена тесная взаимосвязь амбивалентности с такими важнейшими онтологическими понятиями, как «война» и «мир», «добро» и «зло», «жизнь» и «смерть», «труд» и «отдых». Праздничная обрядность мордовского народа является частью традиционной культуры. Ее изучение необходимо для сохранения национальной идентичности. В мордовском ритуале свадьбы сочетаются различные контрадикции, что свидетельствует о сохранении языческих обрядов в современном мире.

126. Осовский О.Е.

За пределами «маленького мирка»: М.М. Бахтин и современная западная теория // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 53–62.

Цель статьи – представить обзор рецепции ключевых идей и понятий М.М. Бахтина

западной «теорией» второй половины 1960-х – 2010-х годов, охарактеризовать особенности этого процесса и его влияние на состояние гуманитарных наук в целом и литературоведения в частности. Важнейшим инструментом предлагаемого анализа становится бахтинское понятие «большое время», в контексте которого вслед за мыслителем возможно сформировать канонический ряд имен и идей, обеспечивающий универсализацию ценностных смыслов литературы и культуры на всем протяжении их исторического развития. В работе отмечается важность видения в «большом времени» не только этапов рецепции бахтинского наследия и особенностей его освоения западной гуманитаристикой, но и ключевых идей самого Бахтина. В своих поздних записях мыслитель подчеркивал сложный характер развития современного литературоведения в общем контексте истории культуры. Исходя из понимания масштаба истории литературы и культуры как «большого времени», что в значительной степени было подготовлено «Исторической поэтикой» А.Н. Веселовского, М.М. Бахтин указывал на необходимость преодоления границ «малого мирка», которые были созданы литературоведением XIX века, и на отсутствие проблемности в современной науке о литературе. Начало освоения бахтинских идей западной «теорией» не только совпало с кризисом структурализма, но и обеспечило преодоление его последствий с помощью «антропоцентрического» вектора бахтинской теории. Работы Ю. Кристевой, Ц. Тодорова, Р. Уэллека, М. Холквиста, К. Кларк, К. Эмерсон, Г.С. Морсо-на и других исследователей представляют западному читателю эволюцию восприятия самого Бахтина: первоначально как автора новаторских книг о Достоевском и Рабле, затем как крупнейшего теоретика литературы и оригинального философа языка и, наконец, как создателя одной из наиболее значительных философско-эстетических концепций XX века.

127. Осовский О.Е.

Филолог или философ? Интеллектуальное «странничество» М.М. Бахтина: взгляд из 1990-х // Русская литература. 2018. № 1. С. 250–251.

Рецензия на книгу: Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр Гуманитарных инициатив, 2016. 560 с.

128. Осовский О.Е.

Ноу-хау биографического жанра // Вопросы литературы. 2018. № 3. С. 62–83.

В статье анализируется вышедшая в серии «ЖЗЛ» биография Михаила Бахтина, написанная А. Коровашко (2017). Нарушение традиций и законов биографического жанра, отход от канонов документального жизнеописания, стремление сконструировать новый тип биографического повествования без глубокого знания эпохи и ее историко-культурного контекста, адекватного понимания идей мыслителя, отсутствие авторской саморефлексии – вот в чем видит рецензент причины провала этого биографического проекта.

129. Осовский О.Е., Киржаева В.П.

Бахтин ходил по этим тротуарам. Визуализация хронотопа города в книгах о старом Саранске // Центр и периферия. 2018. № 4. С. 98–101.

Рецензия на книги: Бахмутов С.Б., Лаптун В.И. Разорванное ожерелье. Изд. 2-е, испр. и доп. Саранск, 2017. 440 с.; Саранск 1960-х – 1970-х годов / сост. и тексты С. Бахмутова, фот. Б. Бахмутова. Саранск, 2017. 240 с.

130. Осовский О.Е., Киржаева В.П.

«...Мне, так сказать, приписывают...»: «спорные тексты» в бахтиноведении конца 1980-х – 1990-х // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 156–168.

Предметом исследования в статье является процесс рецепции бахтинского наследия в отечественном литературоведении конца 1980-х – 1990-х гг. В этот период, реализуя

новые подходы в литературоведении и других сферах гуманитарного знания, исследователи вплотную подошли к проблеме т. н. «спорных текстов». Объектом исследования, таким образом, становится полемика вокруг вопроса о подлинном авторстве медведевско-волошиновского корпуса текстов. В статье детально рассмотрена аргументация сторонников и противников бахтинского авторства. Опираясь на традиции академического литературоведения, опыт текстологического анализа, технику кейс-стади, авторы предлагают комплексный метод рассмотрения заявленной проблемы в историко-литературном и социокультурном контекстах. Исходя из анализа значительного объема работ по теме, в т. ч. и оставшихся на периферии, авторы впервые делают вывод, что уже к концу 1990-х гг. отечественным бахтиноведением (Н. И. Николаев) была предложена модель и выработаны механизмы прежде всего текстологического подтверждения авторства М. М. Бахтина.

131. Пугаева Е.С.

Понятие «карнавал» и его производные в проблемном поле текстов М.М. Бахтина [Электронный ресурс] // URL: <http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2018/05/Пугаева-Е.-С..pdf>.

Статья посвящена анализу специфики формирования терминологического аппарата М.М. Бахтина, в частности внимание уделяется понятию «карнавал» и его производным. Данная тематика соответствует основополагающим тенденциям современного бахтиноведения. Материалом для исследования послужило собрание сочинений мыслителя. В работе произведен подсчет словоупотреблений термина «карнавал» и его производных. А также приведены примеры частотности использования таких терминов.

132. Сычев А.А.

М.М. Бахтин об особенностях методологии гуманитарных наук // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20, № 6. С. 85–90.

Предмет статьи – методологическая концепция М.М. Бахтина. Объект статьи: особенности методологии гуманитарных наук. Цель проекта: рассмотреть основные методологические особенности наук о человеке в интерпретации Бахтина. Методология работы: анализ текстов Бахтина с целью выявления и интерпретации основных понятий и категорий, характеризующих специфику гуманитарного познания. Результаты работы: к основным методологическим характеристикам гуманитарного знания автор отнес направленность сознания на личность; необходимость вживания в ее внутренний мир; акцентирование внимания на конкретных и уникальных событиях; субъективность познания; приоритет понимания перед объяснением; диалогичность; контекстуальность; учет культурной специфики познания и творческого характера познавательной деятельности; осознание ее принципиальной незавершенности; принятие исследователем ответственности за свои действия или бездействие. Область применения результатов: в качестве возможных методологических ориентиров для современных культурологических, литературоведческих, этических исследований, а также в дальнейшей теоретической разработке философско-методологических проблем гуманитарного познания. Вывод: творческое наследие Бахтина является попыткой реализации масштабного замысла объединить жизнь и искусство, поступок и текст на основе единой методологии гуманитарных наук, ориентированной на активное самораскрытие озабоченного в собственных поступках и словах. Такая постановка вопроса задает методологические предпосылки для рассмотрения художественного и нравственного миров как единого целого, позволяя синтезировать этику и филологию.

133. Шаронова Е.А.

Карнавал смерти в трилогии М. Горького «Детство», «В людях», «Мои

университеты» // Русская литература XX–XXI веков как литературный процесс (проблемы теории и методологии изучения): материалы VI Междунар. науч. конф. Москва, 18–19 дек. 2018 г. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 345–349.

В настоящем исследовании мы прибегаем к теории карнавала М.М. Бахтина, стремясь в ее контексте рассмотреть трилогию М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты». Творчеству М. Горького, безусловно, свойствен так называемый карнавальный разум, который, с одной стороны, управляет миром его литературы, а с другой стороны, производится этим самым миром. Карнавальный разум произведений М. Горького обладает уникальными свойствами, выражающими универсальную (неразрывную и бесконечную, прямую и обратную) связь Жизни и Смерти. Художественный мир М. Горького – неиссякаемый мир карнавальных превращений, цепочка которых не заканчивается никогда.

2019

134. Бабушкина М.А., Дубровская С.А.

После Бахтина. Новые публикации бесед и воспоминаний В.Д. Дувакина // «Бахтинский вестник». 2019. № 2. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru>

Рецензия на книги: Дувакин В.Д. Беседы с Виктором Шкловским. Воспоминания о Маяковском / В.Д. Дувакин, В.В. Радзишевский. М.: Common place: Устная история, 2017. 182 с.; Дувакин В.Д. Беседы с Евгенией Ланг. Воспоминания о Маяковском и футуристах / подгот. текста О.В. Жигулиной, С.Г. Петрова, М.В. Радзишевской, В.Ф. Тейдер; коммент. В.В. Радзишевского. М.: Common place: Устная история, 2018. 226 с.

135. Васильев Н.Л.

«...Последнее слово... еще не сказано...» // Бахтинский вестник. 2019. № 1. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru>

Рецензия на последний выпуск журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (2018).

136. Васильев Н.Л.

П.Н. Медведев и его труды // Бахтинский вестник. 2019. № 2. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru>

Рецензия на книгу: Медведев П.Н. Собрание сочинений: в 2 т. / изд. подгот. Ю.П. Медведев и Д.А. Медведева; отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2018. Т. 1: История литературы. 848 с.; Т. 2: Поэтика и психология творчества. 928 с.

137. Воронина Н.И.

Замечания М.М. Бахтина к рукописи коллективной монографии «Саранск – столица Мордовской АССР» (1961 год) (в записи И.Д. Воронина) // Бахтинский вестник. 2019. № 1. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru>

Впервые вводится в научный оборот рукописный документ, обнаруженный в личном архиве профессора Мордовского государственного университета И.Д. Воронина. Он представляет собой запись устных замечаний М.М. Бахтина к рукописи коллективной монографии «Саранск – столица Мордовской АССР», сделанную одним из авторов рукописи – И.Д. Ворониным на заседании кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета осенью 1961 г. Текст был доработан авторами (с учетом этих замечаний) и в том же году опубликован Мордовским книжным издательством.

138. Воронина Н.И.

Научный проект центра М.М. Бахтина получил грант РФФИ // Бахтинский вестник. 2019. № 1. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru>

Исследовательский проект Центра М.М. Бахтина «Идеи М.М. Бахтина в процессе гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия» получил региональную поддержку Правительства Республики Мордовия и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). В рамках проекта впервые будут обработаны, структурированы, научно прокомментированы и введены в научный культурный оборот уникальные материалы из фондов Центра М.М. Бахтина, доступность которых для специалистов и широкой аудитории объективно ограничена.

139. Воронина Н.И.

М.М. Бахтин – И.Д. Воронин: московская встреча 1974 года // Бахтинский вестник. 2019. № 2. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru>

Статья написана на основе личного дневника профессора Мордовского государственного университета И.Д. Воронина, который впервые вводится в научный оборот. 23 января 1974 г. Воронин (в то время заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева), будучи в командировке в Москве, навестил Михаила Михайловича в его квартире на улице Красноармейской, 43. Состоялся обмен мнениями по разным актуальным проблемам, в первую очередь о литературе, книгах, писателях и ученых. Вспоминали Саранск, университет, аспирантов и всех общих знакомых. Дневник Воронина хранится в фондах Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея, который носит его имя.

140. Воронина Н.И.

«Проживание» М.М. Бахтина в музыке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. Самара: Самарский научный центр РАН, 2019. Т. 21, № 64. С. 49–52.

141. Voronina N.I., Dubrovskaya S.A., Klyueva I.V., Sychev A.A.

Musical world of Mikhail Bakhtin as objectivation of the idea of cultural synthesis // SHS WEB OF CONFERENCES. The conference proceedings. APPSCONF-2019. Don State Technical University. Vol. 72. 03037. 2019. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2019/13/shsconf_appsconf2019_03037.pdf

142. Гудкова С.П., Дубровская С.П., Шаронова Е.А.

В поисках новых смыслов // Рецензия на телепередачу: «Тем временем. Смыслы» с Александром Архангельским. Россия, 2019. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/63152/episode_id/2164780/

143. Дубровская С.А.

М.М. Бахтин в 1920-е гг.: на подступах к теории смехового слова // Филология и культура. Philology and culture. 2019. № 1 (55). С. 157–162.

В статье исследуются бахтинские работы 1920-х годов, отразившие процесс зарождения теории смехового слова в контексте эволюции литературоведческих интересов ученого. Показывается, что теория вербального оформления смеха и интерпретация смехового слова подготавливаются анализом целого ряда явлений языка, литературы и культуры.

144. Дубровская С.А.

«Бахтинская энциклопедия»: исследовательский проект // Бахтинский вестник. 2019. № 1. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru>

«Бахтинская энциклопедия» – научный проект, получивший поддержку Российского фонда фундаментальных исследований. Энциклопедия имеет особое значение и актуальность. Во-первых, она способна стимулировать поиски новых подходов в

изучении научного творчества Бахтина. Во-вторых, уточнить контуры истории российской филологии и в целом гуманитарной науки XX века. В третьих, энциклопедия будет выполнять функцию своеобразного путеводителя по миру идей Бахтина.

145. Дубровская С.А.

В русле идей М.М. Бахтина: «Мертвые души» Н.В. Гоголя в диалоге с мировой культурой // Бахтинский вестник. 2019. № 1. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru>

Рецензия на книгу: Шульц С.А. Поэма Гоголя «Мертвые души»: внутренний мир и литературно-философские контексты. СПб.: Алетейя, 2017. 288 с.

146. Дубровская С.А.

«После Пушкина и Гоголя смеховая (карнавальная) линия в русской литературе оборвалась...» (М.М. Бахтин о «смеховом слове» в русской литературе) // Поэтика комического в русской литературе XIX–XX вв. / сост. и отв. ред. Д.Д. Николаев. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 220–232.

147. Дубровская С.А.

Теория смехового слова в научном наследии М.М. Бахтина // Михаил Михайлович Бахтин: проблемы изучения биографии и научного наследия: монография / отв. ред. С.А. Дубровская. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2019. Вып. 1. С. 54–71

148. Дубровская С.А., Осовский О.Е.

«...Слова о словах, тексты о текстах»: работа М.М. Бахтина «Проблема текста» в истории текстоведения 1950–1960-х гг. // Слово. Грамматика. Речь: материалы VII Междуна. науч.-практ. конф. «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного». – М.: МАКС Пресс, 2019. Вып. XX. С. 144–146.

В статье представлен анализ работы М.М. Бахтина «Проблема текста», ее соответствия тенденциям отечественного текстоведения 1950–1960-х гг., возможности использования в ходе обучения иностранных учащихся.

149. Дубровская С.А., Несмелова О.О., Осовский О.Е.

«Литературоведение, в сущности, еще молодая наука...»: размышления над словарем русских литературоведов XX века // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 6. С. 60–69.

В работе отмечено, что первый том словаря «Русские литературоведы XX века» (2017) стал заметным явлением в отечественной гуманитаристике. Предложенный составителями замысел, основанный на максимально широком охвате имен участников литературоведческого процесса XX столетия, позволил реализовать своего рода модель «персоналистской» истории отечественного литературоведения как науки о литературе «в лицах». Подобный подход идеологов словаря в совокупности с усилением значительной группы авторов привел к появлению внушительного по объему и содержанию тома, на ограниченном буквами «А-Л» пространстве которого проявились все очевидные преимущества этого масштабного научного проекта: максимальная репрезентативность представленных персоналий, стремление к сочетанию научности с интересом к живым деталям биографии, чрезвычайно ценная библиографическая информация, включающая архивы и иные источники. Еще одним преимуществом следует назвать способность авторов отойти от жестких ограничений традиционных словарно-энциклопедических форматов и обеспечить относительную свободу в видении и описании личности и научного вклада своих персонажей, приемах и способах подачи материала. Словарь «Русские литературоведы XX века» – это своего рода мостик между ставшими классическими «Краткой литератур- ной энциклопедией» и «Литературным

энциклопедическим словарем» и новыми справочно-биографическими изданиями эпохи Интернета. Однако цель настоящей статьи – поиск ответа на вопрос: насколько новое издание справочного характера может стимулировать поиск новых исследовательских ракурсов и подходов? Вводя понятие «бахтинский фильтр» пространства словаря, исходя из того, что фигура М.М. Бахтина обозначена в книге как одна из ключевых и в истории отечественного литературоведения, и в научном и бытовом диалогах немалого числа персонажей первого тома, авторы статьи предлагают, используя бахтинское понятие «малое время», обрисовать контуры индивидуальных литературоведческих пространств в истории науки, формирующихся на стыке судеб и событий участников литературоведческого процесса. Среди персоналий первого тома, как указано в статье, «духовные» и реальные учителя и наставники Бахтина, современники, входившие в его «круг», крупные ученые, диалог с которыми продолжался более полувека, представители младших поколений, так или иначе связанные с выдающимся мыслителем, и его оппоненты. Этот подход, во многом опирающийся на опыт первого тома, может сыграть важную роль при создании персональных литературоведческих энциклопедий и словарей, в частности «Тыняновского», «Лотмановского», «Аверинцевского» и др.

150. Dubrovskaya S., Kirzhaeva V.

Theory of M. Bakhtin's comic word: reconstruction experience // Russian Linguistic Bulletin. 2019. № 2 (18). С. 19–26.

Смеховое слово является важнейшим элементом общей теории народной смеховой культуры, разрабатывавшейся М.М. Бахтиным на протяжении 1930–1960-х гг. Теория смехового слова не получила завершенной формы, поэтому нуждается в детальном описании и дальнейшей реконструкции. В статье исследуется процесс формирования теории в контексте эволюции литературоведческих интересов Бахтина с опорой на методы современного академического литературоведения, выявляются основные характеристики и делается попытка реконструкции теории смехового слова.

151. Гудкова С.П., Шаронова Е.А.

Карнавальность бытия как форма постижения современности в отечественной прозе // Михаил Михайлович Бахтин: проблемы изучения биографии и научного наследия: монография / отв. ред. С.А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. Вып. 1. С. 81–90.

152. Киржаева В.П., Осовский О.Е.

О возможной контаминации терминов М.М. Бахтина в историко-литературной практике // Михаил Михайлович Бахтин: проблемы изучения биографии и научного наследия: монография / отв. ред. С.А. Дубровская. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2019. Вып. 1. С. 81–90.

153. Киржаева В.П., Осовский О.Е.

Книга М.М. Бахтина о Достоевском в литературоведческом пространстве США 1950-х–1970-х гг. // Филология и культура. 2019. № 1 (55) С. 163–169.

В статье рассматривается процесс рецепции книги М.М. Бахтина о Достоевском в США в 1950–1970-е гг. Опубликованная в 1929 г. монография русского ученого на несколько десятилетий оставалась в памяти лишь небольшого круга специалистов в СССР и российском зарубежье. Ее путь к американским славистам начинается в момент развернувшейся в «Новом журнале» полемики вокруг статьи Н.С. Трубецкого, чье видение художественных особенностей романа Достоевского оказалось созвучно пониманию полифонического романа М.М. Бахтиным. В последовавших публикациях Р.В. Плетнева, В.И. Седуро, Р.О. Якобсона книга М.М. Бахтина оценивалась как оригинальный и серьезный вклад в дело изучения Достоевского. Выход в 1963 г. второго издания книги

заметно усилил интерес к идеям Бахтина русско-американской славистики, в частности Н.В. Первушина и Д.И. Чижевского. При этом у подавляющего большинства авторов сохранялась инерция восприятия Бахтина как ученого, близкого к «формальной школе». Рост авторитета Бахтина, вызванный публикацией монографии о Рабле (1965), усилил интерес к его идеям уже непосредственно американской славистики и литературной теории. С появлением перевода «Проблем поэтики Достоевского» (1973) идеи Бахтина начинают входить в арсенал англоязычной гуманитаристики, а работы М. Холквиста, Р. Уэллека, Г.С. Морсо- на и др., новый перевод книги о Достоевском (1984) окончательно определяют «бахтинский поворот» в литературоведении США в этот период.

154. Киржаева В.П., Осовский О.Е.

Диалогическая педагогика М.М. Бахтина и возможности полифонического исследования в образовательной практике // Гуманитарные науки и образование. 2019. № 3(39). С. 160–163.

Рецензия на монографию: Matusov E., Marjanovic-Shane A., Gradovski M. Dialogic pedagogy and polyphonic research art: Bakhtin by and for educators. L.; N.Y. a.o.: Palgrave Macmillan, 2019. 326 p.

155. Ключева И.В.

Шекспир в Саранске: весна 1937 года (фрагмент лекций М.М. Бахтина в записи М.А. Бебана) // Бахтинский вестник. 2019. № 1. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru>

В статье анализируется фрагмент записей лекций М.М. Бахтина, прочитанных в Мордовском государственном педагогическом институте (ныне Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва), сделанных во втором семестре 1936/37 учебного года мокша-мордовским писателем, одним из родоначальников профессиональной мордовской литературы, в то время – студентом литературного факультета М.А. Бебаном (1913–1986). Фрагмент посвящен рассмотрению личности и творчества У. Шекспира. Особую историческую ценность придает документу его датировка – май 1937 г. В это время в институте, как и во всей Мордовии, разгорались поистине «шекспировские» конфликты и страсти: над преподавателем и над записывающим его лекции студентом нависла реальная угроза политических репрессий. Бахтин успел уехать из Саранска, Бебан в июне 1937 г. был арестован, обвинен в «пособничестве контрреволюционной агитации и пропаганде» (не дав признательных показаний, в 1939 г. он был освобожден «за недостатком улик»). В качестве приложения публикуется текст рассматриваемого конспекта (расшифровка и фотокопии) с комментариями автора статьи. Впервые публикуется неизвестная фотография Бахтина 1930-х гг.

156. Ключева И.В.

Лекции М.М. Бахтина по истории зарубежной литературы в записи М.А. Бебана // Бахтинский вестник. 2019. № 2. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru>

В публикации представлены расшифровка и комментирование фрагмента лекций М.М. Бахтина, прочитанных в Мордовском государственном педагогическом институте (ныне Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва) во втором семестре 1936/37 учебного года и записанных мокша-мордовским писателем, одним из родоначальников профессиональной мордовской литературы, в то время – студентом литературного факультета М.А. Бебаном. Фрагмент посвящен рассмотрению тем: «Латинская литература Средних веков», «Народный героический эпос», «Куртуазная рыцарская литература». Записи датированы февралем – мартом 1937 г. В приложении даны сканированные страницы подлинника документа.

157. Ключева И.В.

М.М. Бахтин и Е.Н. Харламова: скрещение судеб // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10-1 (37). С. 33–38.

В статье приводятся новые данные о биографии Е.Н. Харламовой – одной из участниц религиозно-философского кружка Назарова–Зыковой, существовавшего в Петрограде–Ленинграде в 1920-х гг. Значительное внимание уделяется ее знакомству с выдающимся мыслителем М.М. Бахтиным, с которым она общалась не только в Ленинграде в 1920-х гг., но и в Саранске в 1945–1950-х гг. Впервые вводятся в научный оборот материалы взятого автором статьи в начале 1990-х гг. интервью у внучки Е.Н. Харламовой – О.М. Титовой.

158. Лаптун В.И., Тиханов Г.

Деятельность М.М. Бахтина по руководству кафедрой всеобщей литературы мордовского пединститута в контексте «гениальных» трудов И. В. Сталина в начале 1950-х гг. // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время – новые решения». Серия: Педагогическое образование : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.- практ. конф. Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время – новые решения» (г. Саранск, 29–30 нояб. 2018 г.) / редкол. : Т.И. Шукшина (председатель), В.И. Лаптун (отв. ред.) [и др.] ; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2019. С. 92–103.

159. Лаптун В.И.

М.М. Бахтин в Мордовском пединституте: первый послевоенный учебный год // Евсеевские чтения. Серия: Педагогические науки: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. – 55-х Евсеевских чтений (г. Саранск, 28–29 марта 2019 г.) / редкол.: Т.И. Шукшина (председатель), В.И. Лаптун (отв. ред.) [и др.] ; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2019. С. 54–60.

160. Лаптун В.И.

«Менялись директора – менялось отношение...» (К вопросу взаимоотношений М.М. Бахтина с руководителями мордовских вузов). Ч. I: 1936 – 1937 гг. // Центр и периферия. 2019. № 2. С. 24–32.

161. Лаптун В.И.

«Менялись директора – менялось и отношение...» (К вопросу взаимоотношений М.М. Бахтина с руководителями мордовских вузов). Ч. I: 1936–1937 гг. // Михаил Михайлович Бахтин: проблемы изучения биографии и научного наследия: монография / отв. ред. С. А. Дубровская. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2019. Вып. 1. С. 26–39.

162. Лаптун В.И.

«Менялись директора – менялось отношение...» (К вопросу взаимоотношений М.М. Бахтина с руководителями мордовских вузов). Ч. II: 1945–1950 гг. // Центр и периферия. 2019. № 3. С. 50–57.

163. Лаптун В.И.

«Менялись директора – менялось отношение...» (К вопросу взаимоотношений М.М. Бахтина с руководителями мордовских вузов). Ч. III: 1950–1957 гг. // Центр и периферия, 2019. № 4. С. 58–65.

164. Михаил Михайлович Бахтин: проблемы изучения биографии и научного наследия: монография / О.Е. Осовский, В.Л. Махлин, В.И. Лаптун [и др.]; отв. ред. С.А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. Вып. 1. 176 с. (Бахтинская энциклопедия: материалы).

В монографии представлены материалы, посвященные разноаспектному изучению бахтинского наследия. Освещаются история жизни М.М. Бахтина, рецепция его идей.

Издание адресовано исследователям творчества М.М. Бахтина, преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей, а также всем интересующимся наследием великого русского мыслителя.

165. Осовский О.Е.

О некоторых подходах к реконструкции биографии М.М. Бахтина: литературность, документальность и малое время в биографии литературоведа // Михаил Михайлович Бахтин: проблемы изучения биографии и научного наследия: монография / отв. ред. С.А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. Вып. 1. С. 5–26.

166. Осовский О.Е.

В поисках «большого времени»: термины Михаила Бахтина и западная теория последних десятилетий // Михаил Михайлович Бахтин: проблемы изучения биографии и научного наследия: монография / отв. ред. С.А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. Вып. 1. С. 71–81.

167. Осовский О.Е.

Бахтин в Шанхае. «Уроки китайского» для бахтинистики // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 207–233

В статье рассматривается рецепция научного наследия М. Бахтина отечественной и зарубежной гуманитаристикой в последние десятилетия. Автор подчеркивает роль идей ученого в преодолении общего кризиса гуманитарных наук, определяет их потенциал для современного научного знания, обозначает опасность прямолинейных, поверхностных или конструируемых в угоду научной моде трактовок бахтинских категорий. Опыт XVI Международной Бахтинской конференции в Шанхае (2017), активные исследовательские поиски 1990–2010-х годов подтверждают актуальность и востребованность М. Бахтина в сегодняшнем мире.

168. Сычев А.А.

М.М. Бахтин о проблеме серьезности // Бахтинский вестник. 2019. № 1. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru>

В статье на материале текстов М.М. Бахтина рассматривается проблема серьезности. Автор показывает, что смех и серьезность суть два мировоззренческих полюса, где первый представляет движение и изменчивость, а второй – завершенность и неизменность. Различия смеха и серьезности рассмотрены в нескольких контекстах. Показывается, во-первых, что смех направлен на мир в целом, а серьезность имеет дело с определенной картиной мира, которую она пытается выдать за единственно возможную реальность. Во-вторых, серьезность и смех противопоставлены как часть и целое. Серьезность есть лишь один из моментов реальности, смех же соразмерен «целому миру». В-третьих, смех ничего не скрывает, серьезность же сама по себе выступает как форма сокрытия. В результате именно под маской серьезности предпочитают скрываться пустота и ложь. Наконец, смех принципиально внеиерархичен, серьезность же проявляет тенденцию к разделению, выстраиванию иерархий. Представления о серьезном можно рассматривать в качестве одного из инструментов поддержания субординации в обществе. Формы культуры, ориентированные на серьезность, догматичны, авторитарны, характеризуются непроницаемостью границ и недопустимостью любых трансформаций и профанаций.

Инструментами утверждения серьезности в культуре обычно становятся насилие, ложь и морализаторство. Тем не менее, помимо односторонней, ложной серьезности, пронизывающей авторитарную культуру, существуют и такие формы серьезности, в которых она не противопоставляет себя смеху и осознает, что она есть лишь один из

моментов «незавершимого целого мира»: критическая философия, наука, «серьезно-смеховая» литература, новоевропейский роман и т. д. Во всех этих формах серьезное отношение к миру, смешиваясь со смеховым, порождает особого рода синтез, позволяющий культуре развиваться, сохраняя свою специфику. В заключении автор отмечает чрезмерную серьезность российской культуры и говорит о необходимости «смехового» импульса для ее развития.

169. Сычев А.А.

К онтологии хронотопа // Бахтинский вестник. 2019. № 2. URL: [https:// bakhtin.mrsu.ru](https://bakhtin.mrsu.ru)

Рецензия на книгу: Политов А.В. Онтологический смысл понятия хронотопа: монография. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2019. 207 с.

Сост.: Бабушкина М.А., Дубровская С.А., Пугаева Е.С.

ХРОНИКА

Научные конференции

С 16 по 18 октября 2019 г. в Москве прошла Международная Бахтинская научно-практическая конференция «Уличный театр против театра военных действий». В течение трех дней на трех площадках участники конференции обсуждали проблемы карнавально- игрового потенциала науки, культуры, театрального искусства, современных социально- политических процессов сквозь призму идей М.М. Бахтина. Как отметила заместитель председателя организационного комитета Елена Александровна Семенова, «конференция послужила площадкой для конструктивного, демократичного диалога, в ходе которого удалось устранить многие терминологические неточности, в частности возникающие вследствие вульгаризации и необоснованно-расширительного толкования бахтинских понятий»¹.

Международная конференция «90 лет “Проблем творчества Достоевского” (1929– 2019)» состоялась на факультете философии, языка и гуманитарных наук Университета Сан-Паулу 26–28 ноября 2019 г.

Книга М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» уже 90 лет привлекает внимание читателей и исследователей. К настоящему времени опубликовано большое количество работ, посвященных изучению первой бахтинской книги о Достоевском. Однако анализ проблем рецепции бахтинских идей не теряет актуальности как при создании общей картины интеллектуальной истории, так и при рассмотрении отдельных ее составляющих.

Контексты и подтексты, история восприятия, освоения и оценки заложенных в книге идей были предметом обсуждения на конференции в Университете Сан-Паулу. Организатором выступила международная исследовательская группа «Диалог» (Шейла Виера де Камарго Грилло, Елена Васина, Екатерина Волкова-Америк, Флавия Сильвия Мачадо, Урбано Кавальканте Филхо, Даниэлла Ниенкёттер Сарда, Ванесса Фонсека Барбоза). Россию представляли три участника: заместитель директора по научной работе Института мировой литературы им. А.М. Горького, член редколлегии журнала «Литература двух Америк» Андрей Кофман, заместитель директора Центра М.М. Бахтина Светлана Дубровская и член редколлегии журнала «Бахтинский вестник» профессор Николай Васильев².

Конференция рассматривалась участниками как определенная веха в развитии бахтинистики в Бразилии. В своем докладе редактор журнала «Bakhtiniana: Revista de Estudos do Discurso» профессор Бет Брайн представила историю осмысления и развития бахтинских идей в Бразилии, подчеркнула особую роль созданных за сорок лет «текстов о текстах», комментариев к переводам, собственных научных исследований бразильских гуманитариев.

Проблемы перевода научного текста и возникающие в этом контексте вопросы адекватности переложения терминологического и понятийного аппарата мыслителя были рассмотрены в докладе Ирэне Мачадо «Историко-терминологические рефракции при переводе понятия “идеологема”».

Профессор Шейла Грилло в выступлении «“Проблемы творчества Достоевского” (1929): генезис текста и библиографические источники», восстанавливая контекст цитат и источников первой книги Бахтина о Достоевском, показала, как Бахтин работает с чужим текстом, чужим словом-высказыванием. Также в круге интересов докладчика – сравнение «Автора и героя в эстетической деятельности» и «Проблем творчества Достоевского». Для

¹ См. подробнее: Е.А. Семенова Международная Бахтинская конференция «Уличный театр против театра военных действий» // Учитель музыки. 2019. № 4(47). С. 20–27.

² См. программу конференции: <https://www.fflch.usp.br/1515>

Шейлы Грилло было важным выделить не то, что сближает эти тексты, а то, что их отличает, например понимание термина «высказывание».

Отвечая на вопрос, зачем сегодня нужно переводить работу М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского», Екатерина Волкова-Америко сосредоточила свое внимание на рассмотрении религиозного подтекста бахтинской книги.

Профессор Н.Л. Васильев в докладе «Размышления о книге “Проблемы творчества Достоевского”» задался поиском ответа на вопросы «О чем именно умолчал ученый в монографии о Достоевском?» и «Почему не актуализировал важные для него идеи в издании 1963 года?». Обратившись к лабораторным бахтинским текстам («Достоевский. 1961», «Заметки 1962 г. – 1963 г.» и др.), докладчик особое внимание уделил языку книги, тем умолчаниям, которые были продиктованы невозможностью обсуждения религиозных вопросов. Также Васильев затронул проблему общенаучной методологии Бахтина, переключения во втором издании книги «кода Достоевского» на «код Рабле».

Проблемам использования предложенной в книге методологии при исследовании художественного дискурса были посвящены доклады Андрея Кофмана «Следуя пути Бахтина...» и Елены Васиной «Концепция диалога и понятие незавершенности». Мария Кампос, сравнивая редакции книги 1929 и 1963 гг., сосредоточила внимание на бахтинской концепции полемики.

Целый ряд выступлений был посвящен анализу нескольких волн рецепции первой книги Бахтина о Достоевском в российском, французском и английском научно-критическом дискурсе (выступления Светланы Дубровской, Жоао Вианея, Урбано Филхо и др.).

Опора на бахтинские идеи диалога и полифонии позволила исследователям выявить новые аспекты в изучении официальных документов, современной песенной культуры Бразилии и специфики подачи материала в интернет-дискурсе (доклады Ванессы Барбоса, Педро Франслино и др.)

Особым гостем конференции стал современный бразильский прозаик Крестован Теза³. В своем выступлении он рассказал о годах учебы в университете, о прежнем убеждении в том, что теория литературы убивает саму литературу и о том, как идеи Бахтина помогли ему изменить свой взгляд. Важнейшей бахтинской работой для него как прозаика является работа «Автор и герой в эстетической деятельности».

Круглые столы

14 ноября 2019 г. в Центре М.М. Бахтина состоялся Круглый стол, посвященный 90-летию книги М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929–2019).

В рамках мероприятий, связанных с подготовкой к XVII Международной Бахтинской конференции (5–10 июля 2021 г.), в Центре М.М. Бахтина состоялся Круглый стол, посвященный 90-летию книги М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929–2019).

Открыл работу Круглого стола Владимир Иванович Новиков, литературовед, прозаик, доктор филологических наук, профессор кафедры литературно-художественной критики и публицистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: «Я очень рад, что приехал в город Бахтина, и хочу рассказать что-то новое о Михаиле Михайловиче, о его личности и работах».

В своем докладе «Бахтин как писатель. Личность и прием» профессор Новиков говорил о необходимости выделения индивидуальных доминантных приемов

³ Романы К. Тезы переведены на английский, норвежский языки. В 2019 году на русский язык был переведен и опубликован в журнале «Иностранная литература» один из ранних рассказов прозаика «Жених и невеста»: <http://www.inostranka.ru/data/documents/IL-2019-02-Tezza.pdf>

(«сверхприемов») и исследовании доминантного приема писателя в соотношении с его судьбой, подчеркивая, что сегодня «сходство идей ОПОЯЗа и идей Бахтина актуальнее различий между ними». «Глядя с опоязовско-бахтинской метапозиции, – продолжил докладчик, – “биографический метод” следует отнести к “материальной эстетике”». Новиков предложил, используя математический знак эквивалентности (тильда), следующие схемы: «прием ~ личность и поэтика ~ биография»

Доклад вызвал оживленную дискуссию. Участников интересовали вопросы «сотворчества писателя и читателя», возможные «маркеры» проявления биографии в тексте, доминантный прием М.М. Бахтина как писателя.

Проблему эстетического объекта в свете полемики М.М. Бахтина с Вячеславом Ивановым представила публике Оксана Анатольевна Кравченко, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой и отечественной культуры Донецкого национального университета. В своем выступлении Оксана Анатольевна проанализировала полемику М.М. Бахтина с Вяч. Ивановым, развернувшуюся на страницах «Проблем творчества Достоевского» и бахтинской работы 1924 г. «Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве».

Оксана Анатольевна, коллега В.В. Федорова, последователя М.М. Бахтина, одного из основателей Донецкой филологической научной школы, передала в дар Центру М.М. Бахтина книгу В.В. Федорова «Проблемы поэтического бытия» (2008) с инскриптом автора: «В дар университету, в котором преподавал Михаил Михайлович Бахтин, от автора. 8/XI–2019». Также О.А. Кравченко подарила свою монографию «Категория возвышенного: эстетические и поэтологические аспекты изучения» (2012).

Завершил работу Круглого стола доклад Светланы Анатольевны Дубровской, доктора филологических наук, доцента кафедры русского языка как иностранного. В своем докладе «О специфике последней волны первой русской рецепции “Проблем творчества Достоевского”» Светлана Анатольевна проанализировала несколько исследовательских работ, выделив в истории восприятия бахтинских идей два ключевых «сюжета». Первый был связан с републикацией статьи А.В. Луначарского «О “многоголосности” Достоевского». По поводу книги М.М. Бахтина “Проблемы творчества Достоевского”, в центре второго – «воскрешение» в общественной и литературной жизни Достоевского (Гослитиздат, 1956–1958 гг.).

В дискуссии приняли участие профессор кафедры русской и зарубежной литературы Акимов Т.И., Гудкова С.П., Шаронова Е.А., профессор кафедры русского языка как иностранного Филиппова О.В., профессор кафедры журналистики Ржанова С.А., профессор кафедры философии Сычев А.А., аналитик Центра М.М. Бахтина Ключева И.В., профессор Н.Л. Васильев, аспиранты и студенты филологического факультета, Историко-социологического института, факультета иностранных языков.

5 марта 2020 г. в Центре М.М. Бахтина состоялся круглый стол «Саранск после Бахтина», приуроченный ко дню памяти мыслителя.

В работе Круглого стола приняли участие студенты и преподаватели филологического факультета, сотрудники Научной библиотеки им. М.М. Бахтина.

Открыла заседание директор Центра М.М. Бахтина профессор Н.И. Воронина. В своем обращении к участникам Наталья Ивановна рассказала о годах плодотворного сотрудничества и творческого взаимодействия университета и «московского круга» М.М. Бахтина (Л.С. Мелиховой, С.Г. Бочарова, В.В. Кожина). Леонтина Сергеевна Мелихова – ученица М.М. Бахтина, хранительница его наследия, осенью 2015 г. передала книги, документы, фотографии, предметы мебели, личные вещи ученого, что позволило создать мемориальную экспозицию в Центре М.М. Бахтина. О соратнице мыслителя и ее неоценимом вкладе в создание Центра рассказала аналитик Центра М.М. Бахтина, кандидат философских наук Л.И. Лисунова.

Директор Научной библиотеки МГУ им. Н.П. Огарёва, кандидат культурологии

И.В. Отставнова выступила с сообщением «Сохраняя традиции, создаем будущее». Ирина Владимировна напомнила, что с 1991 г. библиотека университета носит имя М.М. Бахтина. В читальном зале (на 6-м этаже) действует постоянная выставка, посвященная М.М. Бахтину. На выставке представлены труды мыслителя и исследовательские работы, открывающие мир бахтинских идей. В своем выступлении директор библиотеки обратилась к присутствующим студентам с призывом максимально использовать в обучении и научно-исследовательской работе все предоставляемые библиотекой возможности: «Опираясь на лучшие традиции, мы активно внедряем новые технологии. Сегодня у нас есть уникальные электронные ресурсы, которыми не может похвастаться ни одна библиотека республики. 62 полнотекстовые базы данных, которыми доступны огарёвцам абсолютно бесплатно».

В завершение встречи заместитель директора Центра М.М. Бахтина, доктор филологических наук С.А. Дубровская рассказала о пополнении фондов Центра книгами из личной библиотеки Сергея Георгиевича Бочарова. С.Г. Бочаров – редактор монографии М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (1963), составитель и редактор сборника «Эстетика словесного творчества» (1986), редактор, автор научного комментария собрания сочинений М.М. Бахтина (1996–2012), обладатель авторских прав на издание и переводы работ мыслителя. Его дочь – Мария Сергеевна Касьян – осенью 2019 г. передала Центру М.М. Бахтина 37 книг. Это переводы трудов Бахтина на немецкий, греческий, норвежский, португальский, испанский, китайский, иврит и др. языки.

«Пополнившие нашу библиотеку книги послужат хорошим подспорьем для написания квалификационных работ студентов, занимающихся проблемами перевода научного текста, а также позволят иностранным студентам читать бахтинские работы на их родном языке», – отметила Светлана Анатольевна.

По традиции после круглого стола участники возложили цветы к памятнику М.М. Бахтина.

Материалы подготовлены С.А. Дубровской и Т.Н. Егоровой